

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке Royallib.ru](http://Royallib.ru)
[Все книги автора](#)
[Эта же книга в других форматах](#)

Приятного чтения!

ТИТ ЛУКРЕЦИЙ КАР О ПРИРОДЕ ВЕЩЕЙ

КНИГА ПЕРВАЯ

Рода Энеева мать, людей и бессмертных улада,
О благая Венера! Под небом скользящих созвездий
Жизнью ты наполняешь и всё судоносное море,
И плодородные земли; тобою все сущие твари
Жить начинают и свет, родившись, солнечный видят.
Ветры, богиня, бегут пред тобою; с твоим приближеньем
Тучи уходят с небес, земля—искусница пышный
Стелет цветочный ковер, улыбаются волны морские,
И небосвода лазурь сияет разлившимся светом.
Ибо весеннего дня лишь только откроется облик,
И, вострепнувшись от пут, Фавоний живительный дунет,
Первыми весть о тебе и твоём появлении, богиня,
Птицы небес подают, пронзенные в сердце тобою.
Следом и скот, одичав, по пастбищам носится тучным
И через реки плывет, обаяньем твоим упоенный,
Страстно стремясь за тобой, куда ты его увлекаешь.
И, наконец, по морям, по горам и по бурным потокам,
По густолиственным птиц обиталищам, долам зеленым,
Всюду внедряя любовь упоительно—сладкую в сердце,
Ты возбуждаешь у всех к продолжению рода желанье.
Ибо одна ты в руках своих держишь кормило природы,
И ничего без тебя на божественный свет не родится,
Радости нет без тебя никакой и прелести в мире.
Будь же пособницей мне при создании этой поэмы,
Что о природе вещей я теперь написать собираюсь
Меммия милому сыну, которого ты пожелала
Всеми дарами почтить и достоинством щедро украсить.
Даруй поэтому ты словам моим вечную прелесть,
Сделав тем временем так, чтоб жестокие распри и войны
И на земле, и в морях повсюду замолкли и стихли.
Ты ведь одна, только ты можешь радовать мирным покоем
Смертных людей, ибо всем военным делом жестоким
Ведает Марс всеоружный, который так часто, сраженный
Вечною раной любви, на твое склоняется лоно;
Снизу глядя на тебя, запрокинувши стройную шею,
Жадные взоры свои насыщает любовью, богиня,

И, приоткрывши уста, твое он впивает дыханье.
Тут, всеблагая, его, лежащего так, наклонившись
Телом священным своим, обойми и, отрадные речи
С уст изливая, проси, достославная, мира для римлян.
Ибо ни мы продолжать работу не можем спокойно
В трудные родины дни, ни Меммия отпрыск не смеет
Этой тяжелой порой уклониться от общего дела.

* * *

Ты же теперь напряги свой слух и свой ум прозорливый
Освободи от забот, достоверному внемля ученью,
Чтобы дары, приносимые мной с беспристрастным усердьем,
Прежде чем, их оценить, с презрением прочь не отринул.
Ибо о сущности высшей небес и богов собираюсь
Я рассуждать для тебя и вещей объясняю начала,
Всё из которых творит, умножает, питает природа
И на которые всё после гибели вновь разлагает.
Их, объясняя их суть, материей мы называем
И для вещей родовыми телами обычно, а также
Их семенами вещей мы зовем и считаем телами
Мы изначальными, ибо началом всего они служат.

В те времена, как у всех на глазах безобразно влачилась
Жизнь людей на земле под религии тягостным гнетом,
С областей неба главу являвшей, взирая оттуда
Ликом ужасным своим на смертных, поверженных долу,
Эллин впервые один осмелился смертные взоры
Против нее обратить и отважился выступить против.
И ни молва о богах, ни молнии, ни рокотом грозным
Небо его запугать не могли, но, напротив, сильнее
Духа решимость его побуждали к тому, чтобы крепкий
Врат природы затвор он первый сломить устремился.
Силою духа живой одержал он победу, и вышел
Он далеко за предел ограды огненной мира,
По безграничным пройдя своей мыслью и духом
пространствам.

Как победитель, он нам сообщает оттуда, что может
Происходить, что не может, какая конечная сила
Каждой вещи дана и какой ей предел установлен.
Так, в свою очередь, днесь религия нашей пятою
Попрана, нас же самих победа возносит до неба.

Тут одного я боюсь: чтобы как-нибудь ты не подумал,
Что приобщаешься мной к нечестивым ученьям, вступая
На преступлений стезю. Но, напротив, религия больше
И нечестивых сама и преступных деяний рождала.
Было в Авлиде ведь так, где жертвенник Тривии Девы
Ифианассиной был осквернен неповинною кровью,
Пролитой греков вождями — героями лучшими войска.
Только лишь девы власы повязкой обвили священной

И по обеим щекам равномерно концы опустили,
Только узрела она, что подавленный горем родитель
Пред алтарем предстоит, а прислужники нож укрывают,
Что проливают, глядя на нее, сограждане слезы,
В страхе немея, она к земле преклонила колени.
И не могло ей тогда, несчастной, помочь, что впервые
Имя отца даровала она, родившись, Атриду.
На руки мужи ее, дрожащую телом, подъяли
И к алтарю понесли. Но не с тем, чтобы после обряда
При песнопеньях итти громогласных во славу Гимена,
Но чтобы ей, непорочной, у самого брака порога
Гнусно рукою отца быть убитой, как жертве печальной,
Для ниспослання судам счастливого выхода в море.
Вот к злодеяньям каким побуждала религия смертных.

Ты, ужасающим сам поддаваясь вещаньям пророков,
Будешь стремиться отпасть от меня ежечасно, пожалуй.
Сколько ведь, право, они способны придумать нелепых
Бредней, могущих смутить и нарушить все жизни устои
И безмятежность твою отравить окончательно страхом!
Да и понятно вполне: если б знали наверное люди,
Что существует конец их мытарствам, они хоть какой-то
Дать бы отпор суеверьям могли и угрозам пророков.
Ныне ж ни способов нет ни возможности с ними бороться,
Так как по смерти должны все вечной кары страшиться,
Если природа души неизвестна: рождается ль вместе
С телом она или в тех, кто родился, внедряется после,
Вместе ли с нами она погибает, расторгнута смертью,
Или же к Орку во тьму и к пустынным озерам нисходит,
Или в животных иных воплощается вышнюю волей,
Как это Энний вещал, с живописных высот Геликона
Первый принесший венок, сплетенный из зелени вечной,
Средь италийских племен стяжавший блестящую славу.
Впрочем, помимо того, в бессмертных стихах как оракул
Энний вещает, что есть Ахерузии некая область,
Место, куда не тела и не души являются наши,
Но только призраки их удивительно бледного вида.
Он говорит, что ему появился оттуда Гомера
Вечно цветущего лик, начавший горькие слезы
Лить и природу вещей открывать в своих изречениях.
Вот почему мы должны не только в небесных явлениях
Дать себе полный отчет: в движениях солнца с луною,
Как происходят они, и какой совершается силой
Всё на земле, но и то со вниманием разумом чутким
Выяснить, в чем состоит души природа и духа;
Так же, как то, что порой пугает во время болезни
Нас наяву иль когда мы покоимся сном непробудным,
Так что как будто бы мы иль воочию видим, иль слышим
Тех, кого смерть унесла и чьи кости объаты землею.

Не сомневаюсь я в том, что учения темные греков

Ясно в латинских стихах изложить затруднительно будет:
Главное, к новым словам прибегать мне нередко придется
При нищете языка и наличии новых понятий.
Доблесть, однако, твоя и надежда с тобой насладиться
Милою дружбой меня побуждает к тому, чтобы всякий
Труд одолеть и без сна проводить за ним ясные ночи
В поисках слов и стихов, которыми мне удалось бы
Ум твой таким озарить блистающим светом, который
Взорам твоим бы открыл глубоко сокровенные вещи.

Значит, изгнать этот страх из души и потемки рассеять
Должны не солнца лучи и не света сиянье дневного,
Но природа сама своим видом и внутренним строем.
За основание тут мы берем положенье такое:
Из ничего не творится ничто по божественной воле.
И оттого только страх всех смертных объемлет, что много
Видят явлений они на земле и на небе нередко,
Коиx причины никак усмотреть и понять не умеют,
И полагают, что всё это божьим веленьем творится.
Если же будем мы знать, что ничто не способно возникнуть
Из ничего, то тогда мы гораздо яснее увидим
Наших заданий предмет: и откуда являются вещи,
И каким образом всё происходит без помощи свыше.

Если бы из ничего в самом деле являлись вещи,
Всяких пород существа безо всяких семян бы рождались:
Так, например, из морей возникали бы люди, из суши —
Рыб чешуйчатых род и пернатые, с неба срывался б
Крупный и мелкий скот, и породы бы диких животных
Разных, неведомо как, появлялись в полях и пустынях.
И на деревьях плоды не имели бы стойкого вида,
Но изменялись бы все произвольно на дереве каждом.
Ведь, коль бы тел родовых у отдельных вещей не имелось,
Определенную мать эти вещи имели бы разве?
Но, так как всё из семян создается определенных,
И возникают на свет и рождаются все вещи оттуда,
Где и материя есть и тела изначальные каждой,
То потому и нельзя, чтобы всё из всего нарождалось,
Ибо отдельным вещам особые силы присущи.
Кроме того, почему распускается роза весною,
Летом же зреют хлеба, виноградные осенью гроздья,
Иначе, как потому, что, когда в свое время сольются
Определенных вещей семена, возникают создания
Благоприятной порой, когда безопасно выводит
Нежные вещи на свет земли животворная сила?
Иначе, из ничего возникая, внезапно бы вещи
Неподходящей порой в неизвестные сроки являлись,
Ибо тогда б никаких не имелось начал первородных,
Что от стеченья могли б удержаться в ненужное время.
Да и развитие вещей для соития семени в сроке
(Если бы из ничего возникали они) не нуждалось.

В юношей сразу тогда б превращались грудные младенцы.
Из—под земли бы внезапно деревья выскакивать стали.
Но очевидно, что так никогда не бывает, и вещи
Все постепенно растут из известных семян, как и должно,
Род свой при этом всегда сохраняя. Ты видишь отсюда,
Что из материи всё вырастает своей и живет ей.
Также заметь: без дождей ежегодных в известную пору
Радостных почва плодов приносить никогда не могла бы,
Да и порода живых созданий, корму лишившись,
Род умножать свой и жизнь обеспечить была бы не в силах.
Можно скорее признать, что имеется множество общих
Тел у различных вещей, — как в словах одинаковых знаков, —
Чем, что возможно вещам без первичных начал зарождаться
И, наконец, почему не была в состоянии природа
Сделать такими людей, чтобы вброд проходили по морю
Или руками могли расторгнуть великие горы
И поколенья людей превзойти продолжительной жизнью,
Иначе, как потому, что всему, что способно родиться,
При зарожденьи дана материи точная доля?
Из ничего, словом, должно признать, ничто не родится,
Ибо все вещи должны иметь семена, из которых
Выйти могли бы они и пробиться на воздух прозрачный.
И, в заключение, раз почва полей обработанных лучше
Дикой земли и дает она пахарю лучшие всходы,
То, очевидно, начала вещей обретаются в почве;
Мы же, ворочая в ней сошником плодородные глыбы
И разрыхляя земельный покров, побуждаем их к жизни.
Если же не было б их, ты бы видел, что всё без работы
Нашей само по себе возникало бы лучше гораздо.

Надо добавить еще: на тела основные природа
Всё разлагает опять и в ничто ничего не приводит.
Ибо, коль вещи во всех частях своих были бы смертны,
То и внезапно из глаз исчезали б они, погибая;
Не было б вовсе нужды и в какой—нибудь силе, могущей
Их по частям разорвать и все связи меж ними расторгнуть,
Но, так как все состоят из вечного семени вещи,
То до тех пор, пока им не встретится внешняя сила,
Или такая, что их изнутри чрез пустоты разрушит,
Гибели полной вещей никогда не допустят природа.
Кроме того, коль всему, что от старости в ветхость приходит,
Время приносит конец, материю всю истребляя,
Как и откуда тогда возрождает Венера животных
Из роду в род, иль откуда земля—искусница может
Из роду в род их кормить и растить, доставляя им пищу?
Как и откуда ключи и текущие издали реки
Полнят моря? И откуда эфир питает созвездья?
Должно ведь было бы всё, чему смертное тело присуще,
Быть истребленным давно бесконечного времени днями.
Если ж в течение всего миновавшего ранее века
Были тела, из каких состоит этот мир, обновляясь,

То, несомненно, они обладают бессмертной природой
И потому ничему невозможно в ничто обратиться.
И, наконец, от одной и той же причины и силы
Гибла бы каждая вещь, не будь материя вечной
И не скрепляй она всё своим большим иль меньшим
сцепленьем:

Прикосновенье одно всему причиняло бы гибель,
Ибо, ведь, если ничто не имело бы вечного тела,
Всякая сила могла б сплетенье любое расторгнуть.
Но, раз на деле начал сцепления между собою
Многоразличны и вся существует материя вечно,
Тело вещей до тех пор нерушимо, пока не столкнется
С силой, которая их сочетанье способна разрушить.
Так что, мы видим, отнюдь не в ничто превращаются вещи,
Но разлагаются все на тела основные обратно.
И в заключение: дожди исчезают, когда их низвергнет
Сверху родитель—эфир на земли материнское лоно.
Но наливаются злаки взамен, зеленеют листвою
Ветви дерев, и растут, отягчаясь плодами, деревья.
Весь человеческий род и звери питаются ими,
И расцветают кругом города поколением юным,
И оглашается лес густолиственный пением птичьим;
Жирное стадо овец, отдыхая на пастбище тучном,
В неге ленивой лежит, и, белея, молочная влага
Каплет из полных сосцов, а там уж и юное племя
На неокрепших ногах по мягкому прыгает лугу,
Соком хмельным молока опьяняя мозги молодые.
Словом, не гибнет ничто, как будто совсем погибая,
Так как природа всегда возрождает одно из другого
И ничему не дает без смерти другого родиться.

Так как теперь доказал я уже, что вещам невозможно
Из ничего возникать и, родившись, в ничто обращаться,
То, чтоб к словам моим ты с недоверием всё ж не отнесся
Из-за того, что начала вещей недоступны для глаза,
Выслушай то, что скажу, и ты сам, несомненно, признаешь,
Что существуют тела, которых мы видеть не можем.
Ветер, во—первых, морей неистово волны бичует,
Рушит громады судов и небесные тучи разносит,
Или же, мчась по полям, стремительным кружится вихрем,
Мощные валит стволы, неприступные горные выси,
Лес низвергая, трясет порывисто: так, налетая,
Ветер, беснуясь, ревет и проносится с рокотом грозным.
Стало быть, ветры — тела, но только незримые нами.
Море и земли они вздымают, небесные тучи
Бурно крутят и влекут внезапно поднявшимся вихрем;
И не иначе текут они, всё пред собой повергая,
Как и вода, по природе своей хоть и мягкая, мчитя
Мощной внезапно рекой, которую, вздувшись от ливней,
Полнят, с высоких вершин низвергаясь в нее, водопады,
Леса обломки неся и стволы увлекая деревьев.

Крепкие даже мосты устоять под внезапным напором
Вод неспособны: с такой необузданной силой несется
Ливнем взмущенный поток, ударяя в устои и сваи.
Опустошает он всё, грохоча; под водою уносит
Камней громады и все преграды сметает волнами.
Так совершенно должны устремляться и ветра порывы.
Словно могучий поток, когда, отклоняясь в любую
Сторону, гонят они всё то, что встречают, и рушат,
Вновь налетая и вновь; а то и крутящимся смерчем
Всё, захвативши, влекут и в стремительном вихре уносят.
Стало быть, ветры — тела, повторяю, незримые нами,
Раз и по свойствам они, и по действиям могут сравниться
С водами мощными рек, обладающих видимым телом.
Далее, запахи мы обоняем различного рода,
Хоть и не видим совсем, как в ноздри они проникают.
Также палящей жары или холода нам не приметить
Зреньем своим никогда, да и звук увидеть невозможно.
Но это всё обладает, однако, телесной природой,
Если способно оно приводить наши чувства в движенье:
Ведь осязать, как и быть осязаемым, тело лишь может.
И, наконец, на морском берегу, разбивающем волны,
Платье сыреет всегда, а на солнце вися, оно сохнет;
Видеть, однако, нельзя, как влага на нем оседает,
Да и не видно того, как она исчезает от зноя.
Значит, дробится вода на такие мельчайшие части,
Что недоступны они совершенно для нашего глаза.
Так и кольцо изнутри, что долгое время на пальце
Носится, из году в год становится тоньше и тоньше;
Капля за каплей долбит, упавая, скалу; искривленный
Плуга железный сошник незаметно стирается в почве;
И мостовую дорог, мощеную камнями, видим
Стертой ногами толпы; и правые руки у статуй
Бронзовых возле ворот городских постепенно худеют
От припадания к ним проходящего мило народа.
Нам очевидно, что вещь от стирания становится меньше,
Но отделение тел, из нее каждый миг уходящих,
Нашим глазам усмотреть запретила природа ревниво,
И в заключение: того, что и дни придают, и природа
Мало—помалу к вещам, заставляя расти постепенно,
Нам не увидеть никак и при всей изощренности зренья.
Также в вещах, что хиреть начинают от старости дряхлой,
Как и в приморских камнях, изъеденных едкою солью,
Ты не усмотришь того, что из них каждый миг убывает.
Так при посредстве невидимых тел управляет природа.

Но не заполнено всё веществом и не держится тесно
Сплоченным с разных сторон: в вещах пустота существует.
Знать это будет тебе полезно по многим причинам
И не допустит тебя заблуждаться в бесплодных исканьях,
Сущность вселенной познать, не давая словам моим веры.
Вот почему несомненна наличность пустого пространства:

Без пустоты никуда вещам невозможно бы вовсе
Двигаться было; ведь то, что является признаком тела:
Противодействовать и не пускать — препятствием вечным
Было б вещам, и ничто бы тогда не могло продвигаться,
Ибо ничто, отступив, не дало бы начала движенью.
В самом же деле в морях, на земле и в небесных высотах
Многоразличным путем совершается много движений
Перед глазами у нас; а не будь пустоты, то не только
Вещи никак не могли б пребывать в непрерывном движеньи,
Но и на свет никогда появиться ничто не могло бы,
Ибо лежала б всегда материя стиснутой всюду.
Кроме того, и при всей своей видимой плотности, вещи
Всё ж, как увидишь сейчас, всегда будут пористы телом:
Так, сквозь камень пещер сочится текучая влага
Вод, и слезятся они обильными каплями всюду;
Всюду по телу живых созданий расходится пища;
Да и деревья растут и плоды в свое время приносят,
Так как от самых корней растекается пища повсюду,
Вверх по стволу проходя и по веткам везде пробегая;
Звуки идут через стены домов и замкнутые двери,
Внутрь пролетая; мороз до костей проникает жестокий.
Если б пустот никаких, по каким бы тела проходили,
Не было, ты бы никак явлений таких не увидел.
И, наконец, почему мы видим, что многие вещи
Весом тяжелее других, по объему нисколько не меньших?
Ведь, коль в клубке шерстяном содержится столько же тела,
Сколько и в слитке свинца, то и весить он столько же должен,
Ибо всё книзу давить является признаком тела,
Наоборот: пустота по природе своей невесома.
Так что, коль что—нибудь легче другого того же размера,
Больше в себе пустоты заключает оно очевидно.
Наоборот: если что тяжелее, то, стало быть, больше
Тела имеется в нем, а порожнего меньше гораздо.
Значит, бесспорно к вещам примешано то, что стремимся
Разумом чутким найти и что мы пустотой называем.

Здесь мне придется тебя, чтоб от истины ты не отвлекся,
Предостеречь от того, что иные порой измышляют.
Так говорят, что вода, уступая чешуйчатым рыбам,
Путь им во влаге дает, ибо сзади они оставляют
Место, где могут опять сливаться отшедшие струи;
Также и прочим вещам, взаимно меняясь местами,
Двигаться можно, хотя и заполнено всюду пространство.
Но основанье таких объяснений заведомо ложно,
Ибо куда ж, наконец, в самом деле, продвинуться рыбам,
Ежели места вода им не даст? И обратно: куда же
Смогут струи отступить, если двигаться рыбы не смогут?
Так что, иль надо тела лишить совершенно движенья,
Или же надо признать, что в вещах пустота существует
И что отсюда берут начало движения вещи.
И в заключение: коль два обширные тела, столкнувшись,

Быстро отскочат одно от другого, то воздух, конечно,
Должен всю ту пустоту захватить, что меж них получилась;
Но, и врываясь туда отовсюду стремительным током,
Все—таки сразу всего заполнить пространства не сможет:
Он непременно займет сначала ближайшее место,
Следом другое за ним, а затем уж и все остальные.
Если же думает кто, что тела оттого разлетятся
Могут, что воздух тогда сжимается, — мыслит неверно.
Ибо пустым тут становится то, что им не было раньше
И заполняется то, что прежде пустым пребывало;
Да и не может никак таким образом воздух сгущаться;
А если б даже и мог, то не мог бы он сжаться, считаю,
Без пустоты и свои все части сплотить воедино.

Сколько поэтому ты ни медлил бы, мне возражая,
Все же придется признать, что в вещах пустота существует.
Также и много других собрать бы я мог доказательств,
Чтобы еще подтвердить несомненность моих рассуждений,
Но и следов, что я здесь слегка лишь наметил, довольно,
Чтобы ты чутким умом доследовал все остальное.
Ибо, как гончие псы чутьем на горах открывают
Логова диких зверей, густою укрытые чащей,
Только на след нападут и на верную выйдут дорогу,
Так же усмотришь и ты постепенно одно из другого
В этого рода вещах и, повсюду по следу проникнув,
Истину сам извлечешь, в потаенных сокрытую дебрях.
Если ж ты медлишь теперь и склонен еще сомневаться,
Вот что открыто тогда могу обещать тебе, Меммий:
Столь изобильной струей, исходящей из мощных истоков
Полного сердца, моя вдохновенная речь изольется,
Что прокрадется, боюсь, тем временем дряхлая старость
В наши с тобою тела и жизни нам узы расторгнет,
Прежде чем я исчерпать успею запас доказательств
Хоть для одной из вещей, что я здесь излагаю стихами.

Но продолжаю я нить своего рассуждения снова.
Всю, самое по себе, составляют природу две вещи:
Это, во—первых, тела, во—вторых же, пустое пространство,
Где пребывают они и где двигаться могут различно.
Что существуют тела, — непосредственно в том убеждает
Здравый смысл; а когда мы ему доверяться не станем,
То и не сможем совсем, не зная, на что положиться,
Мы рассуждать о вещах каких—нибудь тайных и скрытых.
Если ж пространства иль места, что мы пустотой называем,
Не было б вовсе, тела не могли бы нигде находиться
И не могли б никуда и двигаться также различно,
Как я на это тебе указал уже несколько раньше.
Кроме того, привести ничего ты не мог бы такого,
Что и не тело и что к пустоте вместе с тем не причастно
И оказаться могло б какой—нибудь третьей природы.
Ибо наличное всё непременно быть чем—нибудь должно,

Будь оно иль велико, или самых ничтожных размеров:
Коль осязанью оно хоть несколько будет доступно,
Тел совокупность умножит собой и к итогу причтется;
Если же будет совсем недоступно оно осязанью
И не поставит преград прохождению любого предмета,
Полостью будет оно, что мы пустотой называем.
Кроме того, всё то, что само по себе существует,
Действует или само, иль подвержено действию будет,
Иль будет тем, где вещам находиться и двигаться можно.
Действовать иль подвергаться воздействию тело лишь может,
Быть же вместилищем тел может только пустое пространство.
Так что самой по себе средь вещей оказаться не может,
Вне пустоты и вне тел, какой-нибудь третьей природы,
Иль ощутимой когда-либо помощью нашего чувства,
Или такой, что она разумению была бы доступна.

Ибо всё то, что мы можем назвать, то окажется свойством
Этих обоих начал иль явлением, как ты увидишь.
Свойство есть то, что никак отделить иль отнять невозможно
Без разрушенья того, чему оно будет присуще:
Вес у камней, у огня теплота, у воды ее влажность,
Тел осязаемость всех и неосязаемость пустого.
Рабство, напротив того, иль бедность, или богатство,
Как и свобода, война и согласие, и всё, что природу,
При появлении своем иль уходе, отнюдь не меняет,
Всё это мы, как и должно, явлением здесь называем.
Также и времени нет самого по себе, но предметы
Сами ведут к ощущенью того, что в веках совершилось,
Что происходит теперь и что впоследствии позже.
И неизбежно признать, что никем ощущаться не может
Время само по себе, вне движения тел и покоя.
Также, когда говорят об увозе Тиндаровой дщери
Иль поражении Трои сынов на войне, то не должно
Думать, что сами собой существуют события эти,
Так как людей, при которых явления эти свершились,
Невозвратно уже унесло миновавшее время.
Ибо всё то, что свершится, явленьем быть названо может
Иль поколений людских, или мест, где всё это случится.
Если б, к тому ж, у вещей ни материи не было вовсе,
Ни пространства и места, в котором всё происходит,
То никогда красотой Тиндариды раздутое пламя
Страсти любовной, в груди Александра Фригийца пылая,
Славных боев не загло бы на поприще брани свирепой,
И никогда бы и конь деревянный тайком от троянцев
Ночью Пергама не сжег, извергнув грекорожденных.
Ясно ты видишь теперь, что у всех без изъятья деяний
Ни самобытности нет, ни сущности той, как у тела,
И не имеют они никакого сродства с пустотою;
Но ты по праву скорей называть их явлениями можешь
Тела, а также и места, в котором всё происходит.

Дальше, тела иль вещей представляют собою начала,
Или они состоят из стечения частиц изначальных.
Эти начала вещей ничему не под силу разрушить:
Плотностью тела своей они всё, наконец, побеждают.
Правда, представить себе затруднительно то, что возможно
Что—нибудь в мире найти с безусловною плотностью тела:
Даже сквозь стены домов проникают небесные молнии,
Как голоса или крик; огонь раскаляет железо,
Скалы трещат, рассыпаясь в куски от свирепого жара,
Золото крепость свою теряет, в пылу расплавляясь,
Жидким становится лед побежденной пламенем меди,
Сквозь серебро и тепло и пронзительный холод проходят.
То и другое всегда мы чувствуем, взявши, как должно,
Чашу рукою, когда она полнится влагой росистой.
Видимо, нет ничего, таким образом, плотного в мире.
Но коль и разум, а с ним и природа вещей принуждают
Думать иначе, то здесь мы в немногих стихах истолкуем,
Что существуют такие тела, что и прочны и вечны:
Это — вещей семена и начала в учении нашем,
То, из чего получился весь мир, существующий ныне.

Прежде всего, раз уж найдено здесь основное различье
Между вещами двумя, по их двоякой природе, —
Именно, телом и местом, в котором всё происходит, —
То существуют они непременно вполне самобытно.
Ибо, где есть то пространство, что мы пустотой называем,
Тела там нет, а везде, где только находится тело,
Там оказаться никак не может пустого пространства.
Значит, начальные плотны тела, и нет пустоты в них.
Так как, затем, в производных вещах пустоту мы находим,
Плотное должно ее вещество окружать непременно;
Да и нельзя допустить на основе разумной, чтоб вещи
В теле своем пустоту, сокровенно тая, содержали,
Ежели плотность того отрицать, что ее заключает.
Далее: только одно вещества сочетание может
Быть в состояньи в себе заключать пустое пространство;
И потому вещество, состоя из плотного тела,
Может быть вечным, хотя разлагается всё остальное.
Далее, если б нигде никакой пустоты не встречалось,
Плотным являлось бы всё; и напротив, коль тел бы известных
Не было, чтобы заполнить места, что они занимают,
Всё б оказалось тогда и пустым, и порожним пространством.
Значит, везде пустота, очевидно, сменяется телом,
Ибо ни полноты нет совершенной нигде во вселенной,
Ни пустоты, а тела существуют известные только,
Что полнотой разграничить способны пустое пространство.
Эти тела ни от внешних толчков разлагаться не могут,
Ни, изнутри чем—нибудь пораженные, врозь распасться,
Ни от воздействия силы иной уничтожиться вовсе,
Как я на это тебе указал уже несколько раньше.
Без пустоты ведь ничто, очевидно, разбиться не может

Или же сломленным быть, или на—двое быть рассеченным,
Или же влагу вбирать, а равно и пронзительный холод,
Или палящий огонь, от чего разрушаются вещи.
Так что, чем более вещи в себе пустоты заключают,
Тем и скорей это всё до конца уничтожить их может.
Если ж начальные плотны тела, если нет пустоты в них,
Как я учил, то должны они вечными быть непременно.
Если же, кроме того, не была бы материя вечной,
То совершенно в ничто обратились давно бы все вещи,
Из ничего бы тогда возрождалось и всё, что мы видим.
Но, раз уж я доказал, что ничто созидаться не может
Из ничего, и всё то, что родилось, в ничто обращаться,
Первоначалам должно быть присуще бессмертное тело,
Чтобы все вещи могли при кончине на них разлагаться,
И не иссяк бы запас вещества для вещей возрожденья.
Первоначала вещей, таким образом, просты и плотны,
Иначе ведь не могли бы они, сохраняясь веками,
От бесконечных времен и досель восстанавливать вещи.

И, наконец, не поставь никакого предела природа
Для раздробленья вещей, тела материи ныне,
Силой минувших веков раздробившись, дошли до того бы,
Что ничему уж, из них зачато, в известное время
Было б пробиться нельзя до высшего жизни предела.
Ибо, мы видим, скорей что угодно разрушиться может,
Чем восстановленным быть; поэтому то, что доселе
Долгие дни и века бесконечных времен миновавших
Врозь разнесли, раздробив и на мелкие части расторгнув
Вновь в остальные века никогда не могло б воссоздаться.
Но, несомненно, предел раздробленью известный положен,
Так как мы видим, что вещь возрождается каждая снова,
И установлен вещам, сообразно с их родом, предельный
Срок, когда могут они достигнуть жизни расцвета.
Надо добавить сюда еще то, что, хотя совершенно
Плотны тела основные, однако вполне объяснимо,
Как из них воздух, вода, и земля, и огонь — всё, что мягко, —
Может возникнуть, какой создается всё это силой,
Если в составе вещей пустоты заключается примесь.
Если ж, напротив, вещей начала мягкими были б,
Взяться откуда могли и твердый камень, и железо, —
Это нельзя объяснить, потому что тогда изначальных
Всех оснований своих совершенно лишится природа.
Значит, начала вещей в существе своем просты и плотны.
Большая сплоченность их доставляет предметам возможность
Более твердыми быть и выказывать большие силы.
Далее, если б совсем не положено было предела
Для раздробления тел, то должны бы, однако, от века
Даже донны в вещах тела сохраняться, которых
Не постигала еще до сих пор никакая опасность.
Но если эти тела по природе дробленью доступны,
То непонятно тогда, почему же они сохранились,

Испоконь века всегда подвергаясь несчетным ударам.

Так как затем, наконец, положены твердые грани
Каждому роду вещей для их разрастанья и жизни,
Раз установлено, что, сообразно законам природы,
Могут они породить и чего совершенно не могут,
Раз перемен никаких не бывает, а всё неизменно,
Так что и птицы всегда в своем оперении пестром
Пятна на теле хранят, присущие каждой породе,
То и материя вся должна пребывать неизменной
В теле отдельных пород. Ведь, если б могли изменяться
Первоначала вещей, подчиняясь каким-то причинам,
Было б неясно для нас и то совершенно, что может
Происходить, что не может, какая конечная сила
Каждой вещи дана и какой ей предел установлен.
И не могли б столько раз повторяться в отдельных породах
Свойства природные, нрав и быт, и движения предков.

Далее, так как есть предельная некая точка
Тела того, что уже недоступно для нашего чувства,
То, несомненно, она совсем не делима на части,
Будучи меньше всего по природе своей; и отдельно,
Самостоятельно, быть не могла никогда и не сможет,
Ибо другого она единая первая доля,
Вслед за которой еще подобные ей, по порядку
Сомкнутым строем сплотясь, образуют телесную сущность;
Так как самим по себе им быть невозможно, то, значит,
Держатся вместе они, и ничто их не может расторгнуть.
Первоначала вещей, таким образом, просты и плотны,
Стиснуты будучи крепко, сцепленьем частей наименьших,
Но не являясь притом скоплением отдельных частичек,
А отличаясь скорей вековечной своей простотою.
И ничего ни отторгнуть у них, ни уменьшить природа
Не допускает уже, семена для вещей сберегая.
Если не будет, затем, ничего наименьшего, будет
Из бесконечных частей состоять и мельчайшее тело:
У половины всегда найдется своя половина,
И для деленья нигде не окажется вовсе предела.
Чем отличишь ты тогда наименьшую вещь от вселенной?
Ровно, поверь мне, ничем. Потому что, хотя никакого
Нет у вселенной конца, но ведь даже мельчайшие вещи
Из бесконечных частей состоять одинаково будут.
Здравый, однако же, смысл отрицает, что этому верить
Может наш ум, и тебе остается признать неизбежно
Существование того, что совсем неделимо, являясь
По существу наименьшим. А если оно существует,
Должно признать, что тела изначальные плотны и вечны.
Если бы всё, наконец, природа, творящая вещи,
На наименьшие части дробиться опять заставляла,
Снова она никогда ничего возродить не могла бы.
Ведь у того, что в себе никаких уж частей не содержит,

Нет совсем ничего, что материи производящей
Необходимо иметь: сочетаний различных и веса,
Всяких движений, толчков, из чего созидаются вещи.

Вследствие этого те, кто считал, что все вещи возникли
Лишь из огня, и огонь полагали основою мира,
Кажется мне, далеко уклонились от здравого смысла.
Их предводителем был Гераклит, завязавший сражение,
По темноте языка знаменитый у греков, но больше
Слава его у пустых, чем у строгих искателей правды.
Ибо дивятся глупцы и встречают с любовным почтеньем
Всё, что находят они в изречениях запутанных скрытым;
Истинным то признают, что приятно ласкает им ухо,
То, что красивых речей и созвучий прикрашено блеском.

Как же, спрошу я, могли получиться столь разные вещи,
Если единственно лишь из огня они чистого вышли?
Ведь не могло бы помочь нимало, коль жгучий сгущался б
Иль разрежался огонь, если б части огня сохраняли
Ту же природу, какой обладает огонь в его целом.
Ведь, при стяженьи частей, только резче бы пыл становился,
При разделении же их и рассеянии — был бы слабее.
Большого тут ничего, будь уверен, случиться не может,
Не говоря уж о том, что никак не могло бы возникнуть
Столько различных вещей из огней, то сгущенных, то редких,
Также еще, допускай в вещах пустоты они примесь,
Было б возможно огням и сгущаться и делаться реже;
«Музы» однакоже их, замечая, что часто впадают
В противоречья они, допускать пустоту избегают,
В страхе пред трудным путем уклоняются с верной дороги,
Вовсе не видя того, что, не будь пустоты, непременно
Всё бы сгуститься должно, из всего бы должно получиться
Тело одно, ничего не способное выделить быстро,
Как раскаленный огонь испускает и жар и сиянье,
Изобличая, что в нем совершенно не сплочены части.
Если ж считают они, что каким-нибудь образом может
В соединении огонь потухать и менять свою сущность,
То, очевидно, (коль так доводить до конца рассуждение)
Сгинет весь огненный пыл и в ничто обратится, и будет
Из ничего возникать таким образом всё, что творится.
Ведь коль из граней своих что-нибудь, изменяясь, выходит,
Это тем самым есть смерть для того, чем оно было раньше.
А потому и должно пребывать нерушимое нечто,
Ибо иначе в ничто у тебя обратятся все вещи,
И возникать из него вещей изобилие будет.
Так как, однако, тела несомненные есть, у которых
Без изменений всегда остается всё та же природа,
Коих уход, иль приход, или смена порядка меняют
Всё существо у вещей и одно превращают в другое,
То, очевидно, они и не огненной вовсе природы.
Было б, поверь, всё равно, что одни исчезали б, другие

Вновь притекали б, и свой изменяли б иные порядок,
Если б природу огня они все сохраняли при этом;
Ибо всегда бы огнем оставались и все их создания.
Дело же, думаю, в том, что тела существуют, которых
Встречи, движения, строй, положения их и фигуры
Могут огонь порождать, а меняя порядок, меняют
Также, природу, и нет ни с огнем у них сходства, ни с вещью
Кроме того никакой, способною к чувствам направить
Нашим тела и касаньем своим осязанье затронуть.

А говорить, что все вещи — огонь и что истинной вещи
Между вещей ни одной помимо огня не бывает,
Как утверждает опять всё он же, ведь это безумье!
Ибо он сам восстает против чувств, отправляясь от чувства,
И потрясает он то, на чем зиждется вся достоверность,
Сам же постигнув из них и то, что огнем называет.
Чувства, он верит, огонь постигают вполне достоверно,
А остальное, что нам не менее явно, — нисколько.
Мнение такое пустым я считаю и прямо безумным.
Ибо на что же еще полагаться нам? Что достоверней
Чувств может быть для того, чтобы правду и ложь
разграничить?

Кроме того, почему, отвергнувши всё остальное,
Нам предпочтенье отдать одной только пыла природе
А не отринуть огонь и что-то иное оставить?
То и другое, поверь, одинаково будет нелепо.

Вследствие этого те, кто считал, что все вещи возникли
Лишь из огня, и огонь полагали основою мира,
Так же, как те, кто почел за основу всего мироздания
Воздух, равно как и те, кто думал, что влага способна
Вещи сама созидать, или мнил, что земля образует
Всё, превращаясь сама в природу вещей всевозможных,
Кажется мне, далеко от истины в сторону сбились.
К этим прибавь еще тех, кто начала вещей удвоет,
С воздухом вместе огонь сочетая иль воду с землею,
Иль за основу всего принимает четыре стихии,
Именно: землю, огонь, дыхание воздуха, влагу.
Первым из первых средь них стоит Эмпедокл Акрагантский,
Коего на берегах треугольных вырастил остров,
Что омывают кругом Ионийские волны и горькой
Солью зеленых валов орошают его побережье,
Узким проливом стремясь, и проносятся вдоль побережья,
От Италийской земли границы его отделяя.
Дикая здесь и Харибда, и здесь же глухие раскаты
Огненной Этны грозят разразиться накопленным гневом,
Чтоб, изрыгая опять из жерла могучее пламя,
Снова она к небесам взнесла огненосные молнии.
Но, хоть и много чудес представляется взору людскому
В этой стране, и слывет она посещения достойной,
Полная всяких богатств, укрепленная силой народа,

Не было в ней ничего, что достойнее этого мужа
И драгоценней, святей и славней бы его оказалось.
И песнопенья его из глубин вдохновенного сердца
Так громогласно звучат, излагают такие открытия,
Что и подумать нельзя, что рожден он от смертного корня.

Всё же и он, и все те, о которых мы раньше сказали,
Что и ничтожней его и во многом значительно ниже,
Хоть вдохновенно открыть удавалось им ценного много,
И из святыни сердец изрекать приходилось ответы
Много священной и тех достоверней гораздо, какие
Пифия нам говорит с треножника Феба под лавром,
Всё же, дойдя до начатков вещей, потерпели крушение,
И велико для великих падение тяжкое было.
Прежде всего, потому, что они допускают движенье
Без пустоты, вместе с тем принимая и мягкость, и редкость
Воздуха, влаги, огня, земли, плодов и животных,
Но пустоту в их тела не желают примешивать вовсе.
Дальше, не знают они и пределов деления тела
И никогда никакой границы дробленью не ставят,
Предполагая, что нет у вещей величин наименьших,
Хоть мы и видим, что есть в каждой вещи предельная точка,
Что представляется нам наименьшей для нашего чувства.
Можешь из этого ты заключить, что предельная точка
В том, что увидеть нельзя, и есть наименьшее нечто.
Так как к тому же еще они полагают, что мягки
Первоначала вещей, каковыми рожденные вещи
С телом, подверженным смерти, мы видим, то значит, должна

бы

Вся совокупность вещей давно уж в ничто обратиться,
И возникать из него должно бы вещей изобилье.
То и другое, как ты убедишься, от правды далеко.
Эти стихии, затем, во многом враждебны, и ядом
Служат одни для других, и поэтому или погибнут,
Вместе сойдясь, или врозь они все разбредутся, как, видим,
Молнии, ветер и дождь разбегаются, бурей гонимы.

И, наконец, если всё из стихий четырех создается,
Если все вещи затем на них разлагаются снова,
То почему же считать, что они представляют собою
Первоначала вещей, а не те им началами служат?
Ведь и рождаются они друг от друга и цветом взаимно
Да и природою всей меняются испоконь века.
Если ж подумаешь ты, что, входя в сочетанья друг с другом
Тело огня и земли или воздух и жидкая влага
Соединяются так, что природы своей не меняют,
То ничего у тебя из них получиться не сможет:
Ни оживленных вещей, ни бездушных, подобно деревьям.
Ибо природу свою в разнородном смешении этом
Всё обнаружит, сойдясь: ты увидишь, как вместе с землею
Воздух мешается там, и огонь остается во влаге.

А между тем, при создании вещей, ведь должны непременно
Первоначала вносить потаенную, скрытую сущность,
Чтоб не являлось ничто препятствием или помехой
Всяким созданиям иметь свои самобытные свойства.

Больше того: от небес и огней их они начинают
И говорят, что сначала огонь обращается в токи
Воздуха, воздухом дождь порождается, дождь образует
Землю, и снова затем из земли всё выходит обратно:
Влага сначала, а там уж и воздух и сызнова пламя.
И непрерывно всё это сменяет друг друга, нисходит
С неба к земле и с земли обратно к светилам небесным.
Но невозможно никак так действовать первоначалам,
Ибо должно пребывать всегда неизменное нечто,
Чтобы не сгинуло всё совершенно, в ничто обратившись.
Ведь, коль из граней своих что-нибудь, изменяясь, выходит,
Это тем самым есть смерть для того, чем оно было раньше.
И потому, если то, о чем только что мы говорили,
Вечно сменяется так, то оно состоит из другого,
Что измененьям совсем подвержено быть уж не может,
Ибо иначе в ничто у тебя обратятся все вещи.
Так не признать ли скорей, что тела есть с такою природой,
Что, породивши огонь как-нибудь, точно так же способны, —
При удалении из них немногих, с прибавкой немногих,
Коль изменился их строй и движение, — воздух составить,
И что таким же путем всё одно из другого выходит?

«Но, возразишь ты, гласит сама очевидность, что в токи
Воздуха всё из земли вырастает и кормится ею,
И коль дождей не пошлет в надлежащую пору погода,
Чтобы под ливнем из туч закачались, согнувшись, деревья,
И если солнце всего не согреет теплом благодатным,
То ведь не смогут расти ни деревья, ни злаки, ни звери».
Правильно. Да и коль нас не питала бы твердая пища
С нежною влагой, то жизнь, покидая нас с гибелью тела,
Все бы и мышцы тогда и все кости оставила наши.
И несомненно, что мы подкрепляем себя и питаем
Пищею, свойственной нам, а иные создания — иною.
Ведь коль во многих вещах однородные первоначала
Смешаны многих вещей в сочетании многообразном,
Разные вещи должны и питаться различной пищей.
Часто имеет еще большое значенье, с какими
И в положении каком войдут в сочетание те же
Первоначала и как они двигаться будут взаимно.
Те же начала собой образуют ведь небо и землю,
Солнце, потоки, моря, деревья, плоды и животных.
Но и смешения их, и движения в разном различны.
Даже и в наших стихах постоянно, как можешь заметить,
Множество слов состоит из множества букв однородных,
Но и стихи, и слова, как ты непременно признаешь,
Разнятся между собой и по смыслу, и также по звуку.

Видишь, как буквы сильны лишь одним изменением порядка.
Что же до первоначал, то они еще больше имеют
Средств для того, чтоб из них возникали различные вещи.

Анаксагора теперь мы рассмотрим «гомеомерию»,
Как ее греки зовут; а нам передать это слово
Не позволяет язык и наречия нашего скудость,
Но тем не менее суть его выразить вовсе не трудно.
Прежде всего, говоря о гомеомерии предметов,
Он понимает под ней, что из крошечных и из мельчайших
Кости рождаются кости, что из крошечных и из мельчайших
Мышцы рождаются мышц, и что кровь образуется в теле
Из сочетанья в одно сходящихся вместе кровинок.
Так из крупниц золотых, полагает он, вырасти может
Золото, да и земля из земель небольших получиться;
Думает он, что огонь — из огней и что влага — из влаги,
Воображая, что всё таким же путем возникает.
Но пустоты никакой допускать он в вещах не согласен,
Да и дроблению тел никакого предела не ставит.
А потому несомненно, что так же двойную ошибку
Делает он, как и те, о которых мы раньше сказали.
Первоначала, к тому ж, у него неустойчивы слишком,
Ежели только считать допустимо за первоначала
То, что природы такой же, как вещи, что так же страдает
И погибает и что уберечь от конца невозможно.
Что же могло бы из них удержаться под натиском мощным
И от кончины бежать под самыми смерти зубами?
Воздух, вода иль огонь? Или что еще? Кровь или кости?
Нет, я уверен, ничто. Ибо все одинаково вещи
Смертными будут вполне, как и то, что, мы видим, открыто
Гибнет на наших глазах, какой-нибудь сломлено силой.
Но невозможно вещам ни в ничто отходить, ни, обратно,
Из ничего вырастать, как я то доказал уже раньше.
Кроме того, так как пища растит и питает нам тело,
Надо считать, что и вся наша кровь, наши жилы и кости
Из чужеродных вещей должны состоять непременно.
Если же тут возразят, что всякая пища имеет
Смешанный, сложный состав, и что в ней заключаются тельца
Мускулов, части костей, и кровинки, и мелкие жилки,
Выйдет, что надо считать, будто всякая твердая пища,
Так же, как жидкость, сама состоит из вещей чужеродных:
Из сухожилий, костей, и гноя, и крови в смешении.
Далее, если всему, что растет из земли, заключаться
Надо в самой же земле, то земля состоит непременно
Из чужеродных вещей, что на свет из земли возникают.
То же ты можешь сказать и о прочем, коль будет угодно:
Если таятся в дровах и пламя, и дым вместе с пеплом,
Из чужеродных вещей и дрова состоят несомненно,
Из чужеродных вещей, что из дров, выходя, возникают.

Здесь остается одна небольшая возможность увертки,

Анаксагор за нее и хватается, предполагая,
Будто все вещи во всех в смешении таятся, но только
То выдается из них, чего будет большая примесь,
Что наготове всегда и на первом находится месте.
Правдоподобия нет никакого в таком объяснении.
Ибо тогда и зерно, дробимое камнем тяжелым,
Крови следы оставлять должно бы на нем постоянно
Или еще что—нибудь, что в нашем питается теле;
Были б и травы должны подобным же образом часто
Кровь источать из себя при трении их между камнями;
Стали бы воды струить такие же сладкие капли,
Как молоко, что течет из сосцов у овец густорунных;
Было бы видно тогда, как и в комьях земли размельченных
Разного рода трава и хлебные злаки, и листья
В маленьком виде в земле потаенно рассеяны всюду;
И, наконец, расколовши дрова, мы увидеть могли бы
Пепел и дым, и огни потаенные в маленьком виде.
Но, очевидно, раз нет подтвержденья тому никакого,
Надо считать, что в вещах не бывает такого смешенья,
А сокровенно должны в вещах семена заключаться,
Общие многим вещам в сочетании многообразном.

«Но на высоких горах, — возражаешь ты, — часто бывает,
Что у громадных стволов вершины соседние трутся,
Если их ветры гнетут могучею силой, и, ярко
Вспыхнув, взвивается тут языками горящими пламя».
Правильно. Но не огонь заложен в деревьях, а только
Множество жара семян, и они—то от сильного тренья,
Вместе друг с другом сплотясь, порождают лесные пожары.
Если же было б в лесах потаенным готовое пламя,
То не могли б ни на миг, скрываясь, огни оставаться,
Но сокрушали б везде все леса и деревья сжигали б.
Видишь ли ты, наконец, о чем только что мы говорили,
Что постоянно имеет большое значение, с какими
И в положении каком войдут в сочетание те же
Первоначала и как они двигаться будут взаимно;
Как, лишь слегка изменив сочетанья, они порождают
Дерево или огонь? И подобным же образом также,
При изменении лишь сочетания букв, создаются
Разного рода слова совершенно различного смысла.
И, наконец, если всё, что в вещах наблюдаешь ты явных,
Может, по—твоему, быть не иначе, как если представить,
Что и у тел основных такая же точно природа, —
Первоначала вещей у тебя совершенно погибнут:
Выйдет тогда, что они заливаются хохотом звонким,
И по лицу и щекам текут у них горькие слезы.

Что остается теперь, — ты узнай и внимательно слушай.
Я не таю от себя, как это туманно, но острый
В сердце глубоко мне тирс вонзила надежда на славу
И одновременно грудь напоила мне сладкою страстью

К Музам, которой теперь вдохновляемый, с бодрою мыслью
По бездорожным полям Пиэрид я иду, по которым
Раньше ничья не ступала нога. Мне отрадно устами
К свежим припасть родникам и отрадно чело мне украсить
Чудным венком из цветов, доселе неведомых, коим
Прежде меня никому не венчали голову Музы.
Ибо, во—первых, учу я великому знанью, стараясь
Дух человека извлечь из тесных тенёт суеверий,
А, во—вторых, излагаю туманный предмет совершенно
Ясным стихом, усладив его Муз обаянием всюду.
Это, как видишь ты, смысл, несомненно, имеет разумный:
Ведь, коль ребенку врачи противной вкусом полыни
Выпить дают, то всегда предварительно сладкою влагой
Желтого меда кругом они мажут края у сосуда;
И, соблазненные губ ощущеньем, тогда легковерно
Малые дети до дна выпивают полынную горечь.
Но не становятся жертвой обмана они, а, напротив,
Способом этим опять обретают здоровье и силы.
Так поступаю и я. А поскольку учение наше
Непосвященным всегда представляется слишком суровым
И ненавистно оно толпе, то хотел я представить
Это ученье тебе в сладкозвучных стихах пиэрийских,
Как бы приправив его поэзии сладостным медом.
Может быть, этим путем я сумею твой ум и вниманье
К нашим стихам приковать до тех пор, пока ты не познаешь
Всей природы вещей и законов ее построенья.

Раз уже я доказал, что плотны тела основные
И что летают они нерушимые в вечном движении,
То мы рассмотрим теперь, бесконечна ли их совокупность
Или же нет; а затем, бытие пустоты доказавши,
Или пространства и места, где все создаются вещи,
Выясним, есть ли конец у пространства во всем его целом,
Или безмерно оно и зияет бездонною бездной.

Нет никакого конца ни с одной стороны у вселенной,
Ибо иначе края непременно она бы имела;
Края ж не может иметь, очевидно, ничто, если только
Вне его нет ничего, что его отделяет, чтоб видно
Было, доколе следить за ним наши чувства способны.
Если ж должны мы признать, что нет ничего за вселенной:
Нет и краев у нее, и нет ни конца ни предела.
И безразлично, в какой ты находишься части вселенной:
Где бы ты ни был, везде, с того места, что ты занимаешь,
Всё бесконечной она остается во всех направлениях.
Кроме того, коль признать, что пространство вселенной
конечно,
То если б кто—нибудь вдруг, разбежавшись в стремительном
беге,
Крайних пределов достиг и оттуда, напрягши все силы,
Бросил с размаху копье, то, — как ты считаешь? — оно бы

Вдаль полетело, стремясь неуклонно к намеченной цели,
Или же что—нибудь там на пути бы ему помешало?
То иль другое признать придется тебе неизбежно,
Но ни одно не дает тебе выхода, и согласиться
Должен ты, что без конца распростерто пространство
вселенной.

Ибо мешает ли тут что—нибудь и препятствием служит,
Не допуская копье до намеченной цели домчаться,
Или летит оно вон, — оно пущено все же не с края.
Так я и дальше пойду и повсюду, где б ты ни наметил
Крайних пределов, спрошу: «Что ж с копьем, наконец, этим
будет?»

Выйдет лишь то, что нигде никакого конца не поставить,
И для полета всегда беспредельно продлится возможность.

Кроме того, если всё необъятной вселенной пространство
Замкнуто было б кругом и, имея предельные грани,
Было б конечным, давно уж материя вся под давлением
Плотных начал основных отовсюду осела бы в кучу,
И не могло бы ничто под покровом небес созидаться:
Не было б самых небес, да и солнца лучи не светили б,
Так как материя вся, оседая всё ниже и ниже
От бесконечных времен, лежала бы сбившейся в кучу.
В самом же деле, телам начал основных совершенно
Нет покоя нигде, ибо низа—то нет никакого,
Где бы, стечение свое прекратив, они оседали.
Все в постоянном движении всегда созидаются вещи,
Всюду, со всяких сторон, и нижние с верхними вместе
Из бесконечных глубин несутся тела основные.

И, наконец, очевидно, что вещь ограничена вещью,
Воздух вершинами гор отделяется, воздухом — холмы,
Морю пределом — земля, а земле служит море границей,
Но бесконечной всегда остается вселенная в целом.
И по природе своей настолько бездонно пространство,
Что даже молнии луч пробежать его был бы не в силах,
В долгом течении чреды бесконечных веков ускользая
Дальше вперед, и никак он не смог бы приблизиться к цели.
Вот до чего для вещей необъятны повсюду просторы,
Всяких границ лишены и открыты во всех направлениях.

Дальше, природа блюдет, чтоб вещей совокупность предела
Ставить себе не могла: пустоту она делает гранью
Телу, а тело она ограждать пустоту принуждает,
Чередованием таким заставляя быть всё бесконечным.
И, если б даже одно не служило границей другому,
Всё же иль это, иль то само бы простерлось безмерно.
Ибо, коль был бы предел положен пустому пространству,
Всех бы бесчисленных тел основных оно не вместило;
Если ж в пространстве пустом их число ограничено было б,
То ни моря, ни земля, ни небес лучезарная область,

Ни человеческий род, ни тела бы святые бессмертных
Существовать не смогли даже часа единого доли.
Ибо материи всей совокупность, расторгнув все связи,
Вся унеслась бы тогда, в пустоте необъятной рассеясь,
Или, вернее сказать, никогда не могла бы сгуститься
И ничего породить, неспособная вместе собраться.
Первоначала вещей, разумеется, вовсе невольно
Все остроумно в таком разместились стройном порядке
И о движеньях своих не условились раньше, конечно,
Но многократно свои положения в мире меняя,
От бесконечных времен постоянным толчкам подвергаясь,
Всякие виды пройдя сочетаний и разных движений,
В расположенья они, наконец, попадают, из коих
Вся совокупность вещей получилась в теперешнем виде
И, приведенная раз в состояние нужных движений,
Много бесчисленных лет сохраняется так и при этом
Делает то, что всегда обновляется жадное море
Водами рек; и земля, согретая солнечным жаром,
Вновь производит плоды; и живые создания, рождаясь,
Снова цветут; и огни, скользящие в небе, не гаснут.
Всё это было б никак невозможно, когда б не являлось
Из бесконечности вновь запасов материи вечно,
Чтобы опять и опять восполнялась всякая убыль.
Ибо, как все существа, лишённые пищи, тощат
И начинают худеть, так же точно и всё остальное
Должно начать исчезать, как только материи станет
Недоставать, и приток постоянный ее прекратится.
Да и наружных толчков недостаточно, чтоб отовсюду
Всю совокупность вещей сохранять и поддерживать в целом.
Частым ударом они удержать ее могут отчасти,
До появления того, что вещей совокупность восполнит,
Но и назад между тем им отпрядывать надо, и этим
Место началам вещей и время давать для побега
Так, чтоб свободно могли они оставлять сочетанья.
Значит, всё новый приток изобильный начал неизбежен.
Да, Чтоб и сами толчки непрерывно могли повторяться,
Необходимо должна материя быть бесконечной.

Тут одного берегись и не верь утверждению, Меммий,
Что устремляется всё к какому-то центру вселенной,
Будто поэтому мир и способен держаться без всяких
Внешних толчков; и никак никуда разложиться не может
Верх или низ у него, ибо всё устремляется к центру,
(Если, по-твоему, вещь на себя опираться способна),
Что, находясь под землей, стремятся к ней тяжести снизу
И пребывают на ней, обернувшись кверху ногами,
Как отраженья, что мы на поверхности вод наблюдаем:
Будто бы вниз головой и животные также под нами
Бродят, и будто с земли упасть им никак невозможно
В нижние своды небес, как и наши тела не способны
Сами собой улететь к высоким обителям неба;

Будто бы солнце у них, в то время как, ночи светила
Мы созерцаем; что мы взаимно меняемся с ними
Сменой времен, а их дни ночам соответствуют нашим.
Но лишь надменным глупцам допустимо доказывать это,
Ум у которых всегда к извращению истины склонен.
Центра ведь нет нигде у вселенной, раз ей никакого
Нету конца. И ничто, будь даже в ней центр, совершенно
Не в состоянии в нем удержаться поэтому больше,
Чем, по причине другой, от него быть отторгнутым вовсе.
Всё ведь пространство и место, что мы пустотой называем,
Иль через центр или не через центр уступает дорогу
Всяким весомым телам, куда б ни влекло их движение.
Нет и места к тому ж, куда бы тела попадая,
Тяжесть теряли свою и могли в пустоте удержаться;
И пустота не должна служить для другого опорой,
В силу природы своей постоянно всему уступая.
Так что не могут никак в сочетании вещи держаться
Лишь потому, что они отдаются влечению к центру.

Кроме того, они мнят, что не всякое тело стремится
К центру, но только земли и жидкости лишь это свойство,
Или того, что в земном, так сказать, заключается теле:
Влаги морей или с гор стекающих мощных потоков.
И говорят, что, напротив, и воздуха тонкие токи
Так же, как жаркий огонь, в то же время несутся от центра;
И потому весь эфир сверкает созвездьями всюду,
И на лазури небес питается солнечный пламень,
Что собирается там всё тепло, убегая от центра.
И не могли б зеленеть и высокие ветви деревьев,
Если для каждой из них от земли понемногу питание
<Не притекало бы в ствол, доходя по ветвям до вершины.
Но заблуждаются все, очевидно, кто так рассуждает,
И доказательства их совершенно противоречивы,
Так как основой для них неверное мнение служит.
Ибо, раз я доказал, что нет конца у пространства
И распростерто оно повсюду, во всех направлениях,
То неизбежно признать, что материи также предела
Нет нигде, и она должна притекать отовсюду,>
Чтобы, подобно летучим огням, мироздания стены
Врозь не распались вдруг, в пустоте необъятной рассеясь,
И чтобы прочее всё не пошло точно так же за ними;
Чтобы не рухнули вниз громоносные области неба;
Чтобы внезапно земле из-под ног целиком не исчезнуть
Вместе с распадом вещей, в смешении с обломками неба,
При разложении тел не пропасть в пустоте необъятной
Так, что в какой-нибудь миг исчезло бы всё, и остались
Только пустыни пространств и незримые первоначала.
Ибо, раз где-нибудь ты предположишь в телах недостаток,
Здесь распадутся вещам широкие смерти ворота,
И через них, уносясь, толпою материя хлынет.

Так без большого труда ты всё это можешь постигнуть,
Ибо одно за другим выясняется всё. Не сбиваясь
Тёмною ночью с пути, ты узнаешь все тайны природы,
И постоянно одно зажигать будет светоч другому.

КНИГА ВТОРАЯ

Сладко, когда на просторах морских разыграются ветры,
С твердой земли наблюдать за бедою, постигшей другого,
Не потому, что для нас будут чьи-либо муки приятны,
Но потому, что себя вне опасности чувствовать сладко.
Сладко смотреть на войска на поле сраженья в жестокой
Битве, когда самому не грозит никакая опасность.
Но ничего нет отраднее, чем занимать безмятежно
Светлые выси, умом мудрецов укрепленные прочно:
Можешь оттуда взирать на людей ты и видеть повсюду,
Как они бродят и путь, заблуждаясь, жизненный ищут;
Как в дарованьях они состязаются, спорят о роде,
Ночи и дни напролет добиваясь трудом неустанным
Мощи великой достичь и владыками сделаться мира.
О вы, ничтожные мысли людей! О чувства слепые!
В скольких опасностях жизнь, в каких протекает потемках
Этого века ничтожнейший срок! Неужели не видно,
Что об одном лишь природа вопит и что требует только,
Чтобы не ведало тело страданий, а мысль наслаждалась
Чувством приятным вдали от сознания заботы и страха?
Мы, таким образом, видим, что нужно телесной природе
Только немного: то, что страдания все удаляет.
Пусть наслаждения ей предоставит и многие можно,
Но и приятней порой и не против воли природы,
Если в хоромах у нас не бывает златых изваяний
Отроков, правой рукой держащих зажженные лампы,
Чтобы ночные пиры озарять в изобилии светом;
И серебром не сверкают дома, и златом не блещут,
И не гудят под резным потолком золоченым кифары;
Люди же вместо того, распростершись на мягкой лужайке
На берегу ручейка, под ветвями высоких деревьев,
Скромными средствами телу дают усладительный отдых,
Если к тому ж улыбается им и погода, и время
Года усыплет цветами повсюду зеленые травы.
Не покидает и жар лихорадочный тела скорее,
Коль на узорных коврах и на ярком пурпуровом ложе
Мечешься ты, а не должен лежать на плебейской подстилке.
И потому, так как нет от сокровищ для нашего тела
Проку нисколько, равно как от знатности или от власти,
То остается считать и душе это все бесполезным.
Разве, когда ты порой глядишь на свои легионы,
Что по равнине снуют, представляя примерную битву,

Вместе с большим подкреплением в запасе и конницей
сильной,

С равным оружием в руках, с одинаковой силою духа,
Иль когда видишь ты флот снующим повсюду на море,
Что ж, убегают тогда, уstraшенные зрелищем этим,
В ужасе все суеверья твои? Разве страх перед смертью
Сердце покинет твое, оставив его беззаботным?
Если ж мы видим, что это смешно и глумленья достойно,
В самом же деле боязнь и заботы, преследуя смертных,
Не уstraшаются звоном доспехов и грозным оружием,
Но пребывают всегда среди царей и властителей смело,
И не робеют они ни пред золотом блеском нисколько,
Ни перед пышностью яркой роскошных пурпуровых тканей,
То усомнишься ли ты, что сила здесь в разуме только,
Если к тому же вся жизнь пробивается наша в потемках?
Ибо как в мрачных потемках дрожат и пугаются дети,
Так же и мы среди белого дня опасаемся часто
Тех предметов, каких бояться не более надо,
Чем того, чего ждут и пугаются дети в потемках.
Значит, изгнать этот страх из души и потемки рассеять
Должны не солнца лучи и не света сиянье дневного,
Но природа сама своим видом и внутренним строем.

Ныне зиждительных тел основных объясню я движение.
Коим все вещи они порождают и вновь разлагают;
Сила какая к тому принуждает их, скорость какая
Свойственна им на пути в пустоте необъятной пространства,
Ты же внимателен будь и выслушай то, что скажу я.
Знай же: материя вся безусловно не сплочена тесно,
Ибо все вещи, как мы замечаем, становятся меньше
И как бы тают они в течение долгого века,
И похищает их ветхость из наших очей незаметно;
В целом, однако, стоит нерушимо вещей совокупность
В силу того, что тела, уходящие прочь, уменьшают
Вещи, откуда ушли, а другие собой приращают:
Те — заставляя стареть, а эти — цвести им на смену,
Всё же не медля и тут. Так весь мир обновляется вечно;
Смертные твари живут, одни чередуясь с другими,
Племя одно начинает расти, вымирает другое,
И поколения живущих сменяются в краткое время,
В руки из рук отдавая, как в беге, светильники жизни.

Если же думаешь ты, что стать неподвижно способны
Первоначала вещей и затем возродить в них движение,
Бродишь от истины ты далеко в заблуждении глубоком.
Ведь, в пустоте находясь и витая по ней, неизбежно
Первоначала вещей уносятся собственным весом
Или толчками других. И часто, в движенья столкнувшись
Вместе, одни от других они в сторону прядают сразу.
И удивляться нельзя: ведь они в высшей степени крепки,
Плотны и вески, и вспять отскочить им ничто не мешает.

Дабы ты лучше постиг, что тела основные мнутся
В вечном движении всегда, припомни, что дна никакого
Нет у вселенной нигде, и телам изначально остаться
Негде на месте, раз нет ни конца ни предела пространству,
Если безмерно оно и простерто во всех направлениях,
Как я подробно уже доказал на основе разумной.
Раз установлено так, то телам изначально, конечно,
Вовсе покоя нигде не дано в пустоте необъятной.
Наоборот: непрерывно гонимые разным движеньем,
Частью далёко они отлетают, столкнувшись друг с другом,
Частью ж расходятся врозь на короткие лишь расстоянья.
Те, у которых тесней их взаимная сплоченность, мало
И на ничтожные лишь расстояния прядая порознь,
Сложностью самых фигур своих спутаны будучи цепко,
Мощные корни камней и тела образуют железа
Стойкого, так же, как всё остальное подобного рода.
Прочие, в малом числе в пустоте необъятной витая,
Прядают прочь далеко и далёко назад отбегают
На промежуток большой. Из них составляется редкий
Воздух, и солнечный свет они нам доставляют блестящий.
Множество, кроме того, в пустоте необъятной витает
Тех, что отброшены прочь от вещей сочетаний и снова
Не были в силах еще сочетаться с другими в движеньи.
Образ того, что сейчас описано мной, и явление
Это пред нами всегда и на наших глазах происходит.
Вот посмотри: всякий раз, когда солнечный свет проникает
В наши жилища и мрак прорезает своими лучами,
Множество маленьких тел в пустоте, ты увидишь, мелькая,
Мечутся взад и вперед в лучистом сиянии света;
Будто бы в вечной борьбе они бьются в сраженьях и битвах
В схватки бросаются вдруг по отрядам, не зная покоя,
Или сходясь, или врозь беспрерывно опять разлетаясь.
Можешь из этого ты уяснить себе, как неустанно
Первоначала вещей в пустоте необъятной мнутся
Так о великих вещах помогают составить понятие
Малые вещи, пути намечая для их постиженья.
Кроме того, потому обратить тебе надо вниманье
На суматоху в телах, мелькающих в солнечном свете,
Что из нее познаешь ты материи также движенья,
Происходящие в ней потаенно и скрыто от взора.
Ибо увидишь ты там, как много пылинок меняют
Путь свой от скрытых толчков и опять отлетают обратно,
Всюду туда и сюда разбегаясь во всех направлениях.
Знай же: идет от начал всеобщее это блужданье.
Первоначала вещей сначала движутся сами,
Следом за ними тела из малейшего их сочетанья,
Близкие, как бы сказать, по силам к началам первичным,
Скрыто от них получая толчки, начинают стремиться,
Сами к движенью затем понуждая тела покрупнее.
Так, исходя от начал, движение мало-помалу
Наших касается чувств, и становится видимым также

Нам и в пылинках оно, что движутся в солнечном свете,
Хоть незаметны толчки, от которых оно происходит.

Ныне в коротких словах объясню тебе, Меммий, какая
Скорость присуща телам основным при движении в
пространстве.

Утром, когда от зари по земле разольется сиянье,
И, запорхав по лесам и по зарослям, пестрые птицы
В воздухе нежном везде заливаются звонкою песней,
Видишь, с какой быстротой восходящее солнце внезапно
Всё облакает кругом потоками яркого света!
В этом мы можем всегда совершенно легко убедиться.
Но и тот жар, что идет от солнца, и свет его ясный
Не в пустоте совершают свой путь; и двигаться тише
Свет принужден, пока он рассекает воздушные волны.
Не в одиночку идут и жара отдельные тельца,
Но подвигаются, все сплотившись и скучившись вместе;
А потому и назад друг друга они отвлекают,
Да и преграды извне заставляют их двигаться тише.
Первоначала же все, которые просты и плотны,
Чрез пустоту совершая свой путь, никаких не встречая
Внешних препятствий, одно составляя с частями своими
И неуклонно несясь туда, куда раз устремились,
Явно должны обладать быстротой совершенно безмерной,
Мчась несравненно скорей, чем солнца сияние мчится,
И по пространству лететь во много раз дальше в то время,
Как по небесному своду проносятся молнии солнца.

И не исследовать тут по отдельности первоначала,
Чтобы узнать, по каким создаются вещи законам.

Те же, которые свойств материи вовсе не знают,
Думают нам вопреки, что без воли богов неспособна,
Приноровляясь ко всем человеческим нуждам, природа
Года менять времена и выращивать хлебные злаки
И остальное творить, чем смертных к себе привлекает
Страсти божественной зов, вождя нашей жизни, и манит
В сладких утехах любви порождать поколения живущих,
Чтоб не погиб человеческий род, для которого боги
Будто бы создали всё. Но они в измышлениях этих,
Кажется мне, далеко уклонились от здравого смысла.
Ибо, коль даже совсем оставались бы мне неизвестны
Первоначала вещей, и тогда по небесным явлениям,
Как и по многим другим, я дерзнул бы считать достоверным,
Что не для нас и отнюдь не божественной волею создан
Весь существующий мир: столь много в нем всяких пороков.
Это впоследствии я объясню тебе, Меммий; теперь же
Мы возвратимся к тому, что осталось сказать о движении.

Я полагаю, теперь доказать тебе будет уместно,
Что никакие тела не имеют возможности сами
Собственной силою вверх подниматься и двигаться кверху,
Чтобы тебя не ввело в заблуждение горящее пламя.
Ибо, лишь вспыхнет оно, всегда разгорается кверху
Так же, как злаки растут и тянутся кверху деревья,
Хоть в силу веса тела всегда устремляются книзу.
И если, взвившись, огонь достигает до кровли строений,
Пламенем быстрым лизать начиная и балки и бревна,
То не подумай, что он это делает собственной силой.
То же бывает, когда, при пускании крови из тела,
Хлещет и брызжет она, выбиваясь высокой струею.
Да и не видишь ли ты, с какой силою балки и бревна
Вон выпирает вода? Ведь чем глубже мы их погружаем
Сверху отвесно, на них напирая сильнее и сильнее,
Тем их стремительней вверх вытесняет она, извергая.
Так что наружу они половиною большей взлетают.
Но и сомнения нет, полагаю, что сами собою
Эти тела в пустоте всегда устремляются книзу.
Так совершенно должно оказаться и пламя способно,
Будучи выжато, вверх подниматься в воздушном
пространстве,
Хоть в силу веса само по себе оно тянется книзу.
Разве не видишь того, как факелы неба ночные
Огненный след за собой оставляют на своде небесном,
В том направлении летя, куда путь им указан природой?
Или как падают вниз на землю блестящие звезды?
Также и солнце с высот небосвода везде разливает
Жар, и поля и луга осыпает своими лучами;
Значит, и солнечный жар точно так же к земле тяготеет.
Наискось, видишь, сквозь дождь пролетают и молнии сверху,
И, вырываясь из туч, то туда, то сюда постоянно
Перебегают огни, и на землю их падает пламя.

Я бы желал, чтобы ты был осведомлен здесь точно так же,
Что, уносясь в пустоте, в направлении книзу отвесном,
Собственным весом тела изначальные в некое время
В месте неведомом нам начинают слегка отклоняться,
Так что едва и назвать отклонением это возможно.
Если ж, как капли дождя, они вниз продолжали бы падать,
Не отклоняясь ничуть на пути в пустоте необъятной,
То никаких бы ни встреч, ни толчков у начал не рождалось,
И ничего никогда породить не могла бы природа.

Если же думает кто, что тела тяжелее способны
В силу того, что быстрее в пустоте они мчатся отвесно,
Сверху на легкие пав, вызывать и толчки, и удары,
Что порождают собой движения жизни, то, право,
Бродит от истины он далеко в заблуждении глубоком.
Ибо всё то, что в воде или в воздухе падает редком,
Падать быстрее должно в соответствии с собственным весом

Лишь потому, что вода или воздуха тонкая сущность
Не в состояньи вещам одинаковых ставить препятствий,
Но уступают скорей имеющим большую тяжесть.
Наоборот, никогда никакую нигде не способна
Вещь задержать пустота и явиться какой-то опорой,
В силу природы своей постоянно всему уступая.
Должно поэтому всё, проносясь в пустоте без препятствий,
Равную скорость иметь, несмотря на различие в весе.
Значит, нельзя и телам тяжелее на легкие сверху
Падать никак и рождать при падении этом удары,
Чтобы движенья менять, из каких созидаются вещи.
Вновь повторяю: тела непременно должны отклоняться,
Но незаметно совсем; чтоб отнюдь никому не казалось,
Что мы движение вкось вопреки очевидности мыслим.
Ибо мы можем всегда совершенно легко убедиться,
Что в силу веса тела, поскольку мы можем заметить,
Вкось устремляясь, итти при падении сверху не могут.
Но что они никуда от линии строго отвесной
Не отклонятся ничуть, — разве кто-нибудь это усмотрит?

Если ж движения все непрерывную цепь образуют
И возникают одно из другого в известном порядке,
И коль не могут путем отклонения первоначала
Вызвать движений иных, разрушающих рока законы,
Чтобы причина не шла за причиною испоконь века,
Как у созданий живых на земле не подвластная року,
Как и откуда, скажи, появилась свободная воля,
Что позволяет итти, куда каждого манит желанье,
И допускает менять направление не в месте известном
И не в положенный срок, а согласно ума побуждению?
Ибо сомнения нет, что во всем этом каждому воля
Служит начальным толчком и по членам движенья проводит.
Также не видишь ли ты, что в тот миг, как отворят ворота
Перед конями, они всё же вырваться вон и помчаться
Столь же мгновенно, как дух их стремительный жаждет,
бессильны?

Ибо материи вся совокупность должна возбудиться
В теле повсюду, чтоб ей, возбудившись во всех его членах,
Духа порыву затем последовать было возможно.
Видишь из этого ты, что движенье рождается в сердце
И начинает итти, руководствуясь волею духа,
Передаваясь затем по телу всему и по членам.
Это совсем не похоже на то, когда мы поддаемся
Внешним толчкам и вперед их силою движемся мощной.
Ибо тогда целиком вся материя нашего тела
Двигаться будет, от нас, очевидно, совсем не завися,
Вплоть до того, как она удержится нашею волей.
Видишь ли ты, наконец, что хоть сила извне и толкает
Многих людей и влечет их часто стремглав, понуждая
Против их воли итти, но всё же в груди нашей скрыто
Нечто, что против нее восстает и бороться способно,

По усмотрению чего совокупность материи также
И по суставам должна, и по членам порой направляться
Или сдержаться, умчавшись вперед, и вернуться на место?
И потому в семенах, помимо ударов и веса,
Должен ты также признать и другую причину движений,
Чем обусловлена в нас прирожденная эта способность;
Из ничего ведь ничто, как мы видим, не может возникнуть.
Правда, препятствует вес появлению всего от ударов,
Силою как бы извне; но чтоб ум не по внутренней только
Необходимости всё совершал и чтоб вынужден не был
Только сносить и терпеть и пред ней побежденный склоняться,
Легкое служит к тому первичных начал отклоненье,
И не в положенный срок и на месте дотоль неизвестном.

И никогда не была материи масса плотнее
Сжатой, ни больших в себе не имела она промежутков,
Ибо ничто не привходит в нее и ничто не уходит.
А потому и теперь пребывают всё в том же движении
Вечно зачатков тела, в каковом пребывали и раньше.
Тем же порядком и впредь продолжать они двигаться будут.
То, что доселе всегда рождалось, то будет рождаться
В тех же условиях и жить, и расти постоянно, и крепнуть
Столько, сколько кому суждено по законам природы.
Силе нельзя никакой нарушить вещей совокупность,
Ибо и нет ничего, куда из вселенной могла бы
Скрыться материи часть, и откуда внезапно вломиться
Новая сила могла б во вселенную, сделать иною
Всю природу вещей и расстроить порядок движений.

Здесь не должно вызывать удивленья в тебе, что в то время
Как обретаются все в движении первоначала,
Их совокупность для нас пребывает в полнейшем покое, —
Если того не считать, что движется собственным телом, —
Ибо лежит далеко за пределами нашего чувства
Вся природа начал. Поэтому, раз недоступны
Нашему зренью они, то от нас и движенья их скрыты.
Даже и то ведь, что мы способны увидеть, скрывает
Часто движенья свои на далеком от нас расстоянии:
Часто по склону холма густорунные овцы пасутся,
Медленно идя туда, куда их на пастбище тучном
Свежая манит трава, сверкая алмазной росой;
Сытые прыгают там и резвятся, бодаясь, ягнята.
Всё это издали нам представляется слившимся вместе,
Будто бы белым пятном неподвижным на склоне зеленом.
Также, когда, побежав, легионы могучие быстро
Всюду по полю снуют, представляя примерную битву,
Блеск от оружия их возносится к небу, и всюду
Медью сверкает земля, и от поступи тяжелой пехоты
Гул раздается кругом. Потрясенные криками, горы
Вторят им громко, и шум несется к небесным созвездьям;
Всадники скачут вокруг и в натиске быстром внезапно

Пересекают поля, потрясая их топотом громким.
Но на высоких горах непременно есть место, откуда
Кажется это пятном, неподвижно сверкающим в поле.

Ну а теперь ты узнай из дальнейшего сущность и свойства
Мира начал основных; сколь они, различаясь по формам,
Многообразны и как разнородны они по фигурам.
Не оттого, что из них лишь немногие сходны по форме,
Но что они вообще не все друг на друга похожи.
Не удивляйся: ведь раз их количество столь изобильно,
Что ни конца у них нет, как указано мной, ни итога,
То и не могут они, разумеется, все совершенно
Склад однородный иметь и похожими быть по фигуре.
Кроме того, посмотри на людей, посмотри на немое
Племя чешуйчатых рыб, на стада, на зверей и на стаи
Пестрые птиц, что, у вод собираясь повсюду веселых,
По берегам ручейков, и озер, и потоков толпятся
Или по дебрям лесов и по зарослям частым порхают;
В особь любую взглядишь по отдельности в каждой породе,
Ты убедишься, что все они разниться будут фигурой.
Иначе дети своих матерей узнавать не могли бы,
Как и детенышей мать; а они это могут, как видишь,
Да и не хуже людей друг друга всегда различают.
Так у святилищ богов, разукрашенных, часто теленок
Падает пред алтарем, в дыму фимиама заколот,
Крови горячий поток испуская с последним дыханьем.
Сирая мать между тем, по зеленым долинам блуждая,
Ищет напрасно следы на земле от копыт раздвоенных,
Всю озирая кругом окрестность, в надежде увидеть
Свой потерявшийся плод; оглашает печальным мычаньем
Рощи тенистые; вспять возвращается снова и снова
К стойлам знакомым в тоске по утраченном ею теленке.
Нежные лозы, трава, орошенная свежей росой,
И глубоко в берегах текущие реки не могут
Ей утешения дать и отвлечь от заботы нежданной;
Не занимают ее и другие телята на тучных
Пастбищах и облегчить не могут ей тяжелой заботы:
Так она жаждет найти то, что близко и дорого сердцу.
Нежное стадо козлят с голосами дрожащими также
Знает рогатых своих матерей; и бодливый ягненок —
Блеянье матки своей. И, голосу внемля природы,
Обыкновенно бежит к материнскому вымени каждый.
Если возьмешь, наконец, ты отдельные хлебные зерна
Злаков любых, то и тут не найдешь совершенно похожих
Так, чтобы не было в них хоть каких-нибудь мелких отличий.
То же различие мы замечаем средь раковин всяких,
Лоно пестрящих земли, там, где мягкими волнами море
Влагу сосущий песок убивает в изгибе залива.
Так что опять повторю, что должны точно так же иные
Первоначала вещей, — раз они порожденья природы,
А не при помощи рук на один образец создавались, —

В формах различных летать и несхожими быть по фигурам.

Нам не составит труда объяснить на основе разумной
То, почему проникать несравненно пронзительней может
Молний огонь, чем земной, исходящий от факелов наших:
Будет довольно сказать, что небесное молнии пламя
Тоньше гораздо и всё состоит из мельчайших частичек,
А потому проходить оно может в такие отверстия,
Где не пробиться огню ни от дров, ни от факелов наших.
Кроме того, через рог фонаря проникает свободно
Свет, но не дождь. Почему? Ибо света тела основные
Мельче, чем те, из каких состоит благодатная влага.
И хоть мгновенно вино, когда цедишь его, протекает,
Но потихоньку идет и сочится ленивое масло;
Иль потому, что его, очевидно, крупней элементы,
Иль крючковатей они и спутаны больше друг с другом;
И получается так, что не могут достаточно быстро
Связь меж собой разорвать по отдельности первоначала
И вытекать, проходя чрез отверстие каждое порознь.

Надо добавить еще, что и мед и молочная влага
На языке и во рту ощущаются нами приятно;
Наоборот же, полынь своей горечью или же дикий
Тысячелистник уста нам кривят отвратительным вкусом.
Так что легко заключить, что из гладких и круглых частичек
То состоит, что давать ощущение приятное может;
Наоборот, то, что нам представляется горьким и терпким,
Из крючковатых частиц образуется, тесно сплетенных,
А потому и пути к нашим чувствам оно раздражает,
Проникновением своим нанося поражения телу.

Всё, наконец, что для чувств хорошо или кажется плохо,
Разнится между собой и несходные формы имеет;
Так, не подумай, что в дрожь приводящий,
пронзительно–резкий

Визг от пилы состоит из гладких равно элементов,
Как и пленительный звук, что певец извлекает искусный,
Беглыми пальцами струн пробужденной касаясь кифары.
И не считай, что по форме похожие первоначала
В ноздри проходят людей, когда трупы зловонные жгутся,
Или когда окропят киликийским шафраном подмости,
И по соседству алтарь благовоньем панхейским дымится.
Не полагай и того, что от сходных семян происходят
Краски, которые взор своим цветом прекрасным ласкают,
Так же, как те, что нам режут глаза, заставляя слезиться,
Или же видом своим возбуждают у нас отвращенье.
Ибо всё то, что для нас и отраднo и чувству приятно,
Должно в себе содержать изначальную некую гладкость;
Наоборот, что для чувств и несносно и кажется жестким,
То несомненно в себе заключает шершавое нечто.
Есть элементы еще, что ни гладкими не назовешь их,

Но и не скажешь про них, что они закорючены остро:
В них выдаются скорей лишь углы небольшие наружу,
Так что скорей щекотать они чувства способны, чем ранить.
Винную гущу сюда отношу я и вкус девясила.
Жгучий огонь, наконец, и холодного инея иглы
Не одинаково нам уязвляют телесные чувства,
Как указывает на то осязание того и другого.
Ведь осязание, да, осязание, клянуся богами,
Чувства источник у нас, когда в тело извне проникает
Что—нибудь, либо же, в нем зародившись, язвит его больно,
Иль веселит, исходя при зиждительном деле Венеры,
Или, когда семена, столкнувшись, мешаются в теле
И, в беспорядок придя, производят смятение чувства,
В чем непосредственно сам убедишься ты, если рукою
Как—нибудь тело свое по любой его части ударишь.
Вот почему и должны далеко не похожие формы
Быть у начал, раз они вызывают различные чувства.

Что, наконец, представляется нам затверделым и плотным,
То состоять из начал крючковатых должно несомненно,
Сцепленных между собой наподобие веток сплетенных.
В этом разряде вещей, занимая в нем первое место,
Будут алмазы стоять, что ударов совсем не боятся,
Далее — твердый кремень и железа могучего крепость,
Так же как стойкая медь, что звенит при ударах в засовы.
Вещи другие, тела у которых текучи и жидки,
Будут скорей состоять из гладких и круглых частичек.
Ибо легко, как вода, растекается горсточка маку:
Круглые зерна его не держатся, вместе сплотившись,
А по наклону бегут от малейшего их сотрясения.
И в заключение: всё, что мгновенно из глаз исчезает
И разлетается, — дым, например, иль туман, или пламя, —
Пусть состоит целиком не из гладких и круглых частичек,
Не сплетено из частиц, тем не менее, спутанных цепко,
Так что и тело колоть они могут и в камни проникнуть,
Не пребывая в связи. Ибо то, что, мы видим, возможно
Чувствам унять, состоит, как не трудно тебе догадаться,
Из элементов таких, что не спутаны цепко, но остры.
Если ж какая—нибудь представляется горькою жидкость, —
Влага морей, например, — то не надо тому удивляться:
Жидкость ее состоит из гладких и круглых частичек,
Но и шершавые к ней примешались, дающие горечь;
А крючковатыми быть для сцепленья им вовсе не надо.
Хоть и шершавы они, однакоже и шаровидны:
Им и катиться легко, и язвить одновременно чувства,
А чтоб ты лучше постиг, что и грубые могут начала
С гладкими смесь составлять в Нептуновом теле соленом,
Можно для этого их разобщить и увидеть отдельно
Пресной воду морей, когда, просочившись сквозь землю,
Каплет она в водоем и, стекая, становится мягкой.
Ибо, при грубости их, ее горечи мерзкой начала,

Не уходя в глубину, на поверхности держатся почвы.

Это тебе разъяснив, продолжаю я следовать дальше.
Первоначала вещей, как теперь ты легко убедишься,
Лишь до известных границ разнородны бывают по формам.
Если бы не было так, то тогда непременно иные
Были б должны семена достигать величин необъятных.
Ибо, при свойственных им одинаково малых размерах,
Не допускают они и значительной разницы в формах.
Предположи, например, что тела изначальные будут
Три или несколько больше частей заключать наименьших;
Если затем ты начнешь эти части у данного тела
Переставлять или снизу наверх, или слева направо,
Ты обнаружишь тогда, сочетания все их исчерпав,
Все изменения форм, что для этого тела возможны;
Если ж иные еще получить ты желаешь фигуры, —
Части другие тебе прибавить придется. И дальше
Новые части опять для дальнейших нужны сочетаний,
Если еще и еще изменять пожелаешь фигуры.
И, таким образом, форм новизна приращение тела
Вслед за собою влечет; а поэтому нечего думать,
Будто вещей семена бесконечно различны по формам:
Иначе надо считать, что иные размеров огромных
Будут, а это принять, как уж я доказал, невозможно.
Ткани тогда у тебя иноземные и мелибейский
Пурпур, окрашенный в цвет Фессалии раковин ярких,
И переливы цветов на хвостах золотистых павлинов
Все бы померкли совсем перед яркостью новых предметов;
Были б в презрении у всех и мирра и мед благовонный;
Лебеда песнь и напев пленительной Фебовой лиры
Не раздавались тогда б и замолкли по той же причине:
Ибо одно за другим превосходней бы всё возникало.
Но и обратно: могло б и в худшее всё обращаться
Тем же путем, как оно достигать бы могло совершенства;
Ибо одно за другим отвратительней всё бы являлось
И для ноздрей и ушей, и для глаз, и для нашего вкуса.
Если же этого нет, но все вещи в известных пределах
Держатся с той и с другой стороны, то признать ты обязан,
Что разнородность фигур у материи также предельна.
И, наконец, от огня и до стужи зимних морозов
Также положен предел и обратно он точно отмерен.
Всякий ведь холод и жар, переходы тепла между ними
В этих границах лежат, равномерно их все заполняя.
Так что творения все различаются в точных пределах,
Ибо с обеих сторон они резкой отмечены гранью:
Пламенем жарким с одной, а с другой — леденящим морозом.

Это тебе разъяснив, продолжаю я следовать дальше:
Первоначала вещей, как теперь ты легко убедишься,
Сходные между собой по своим однородным фигурам,
Неисчислимы совсем. Ибо, если положены грани

Разнице в формах, должны похожие первоначала
Или бесчисленны быть, иль материи вся совокупность
Будет конечною, что невозможно, как я доказал уж
В этих стихах, говоря, что материи мелкие тельца
От бесконечных времен совокупность вещей сохраняют
При непрерывных толчках, возникающих всюду в
пространстве.

Ибо, хоть реже иных ты встречаешь животных и видишь,
Что плодovitость у них значительно меньше, однако
В странах и землях других, далеко отстоящих отсюда,
Может их много найтись, и число их окажется полным.
Так укажу я тебе, для примера, из четвероногих
На змееруких слонов. Всю Индию крепкой стеною
Множество тысяч столбов ограждает из кости слоновой,
Так что проникнуть туда невозможно: такая там сила
Этих зверей, а у нас лишь изредка можно их встретить.
Но уступлю я тебе и в этом: пускай существует
Вещь средь рожденных вещей лишь одна в своем роде,
которой

Нет подобной нигде на всем протяжении мира;
Если, однако, запас материи для зарождения
Вещи такой бесконечен бы не был, она не могла бы
Ни появиться на свет, ни расти, ни найти себе пищу.
Ведь в самом деле, пускай во вселенной для вещи единой
Будет зиждительных тел число ограничено. Как же,
Где и откуда они и силой какой соберутся
В бездне материи всей и в смешении начал инородных?
Нет, я уверен, никак сойтись они вместе не могут;
Но, наподобье того, как при страшных кораблекрушениях
Мощные моря валы разносят кокоры и банки,
Мачты и реи, носы кораблей и плывущие весла,
Так что везде, по всему побережью, видны вырезные
Кормы разбитых судов, указанья дающие смертным,
Чтобы от козней, и сил, и обманов коварного моря
Прочь убегали они и ему бы не верили, даже
Если лукавая гладь улыбается тихого понта, —
Так, если вздумаешь ты число ограничить известных
Первоначал, то тогда их вечно рассеивать будут,
В стороны врозь разнося, материи разные токи,
Так что они никогда не смогут, сойдясь и сплотившись,
Ни удержаться в связи меж собой, ни расти, умножаясь;
Но ведь на наших глазах происходит и то и другое:
Вещи способны всегда возникать и, возникнув, развиваться.
Первоначала вещей, таким образом, всякого рода
Неисчислимы и всё, очевидно, способны восполнить.

Вот почему никогда нельзя смертоносным движениям
Жизни навек одолеть и ее истребить совершенно.
Но и движения, что жизнь создают и способствуют росту,
Вечно создания свои сохранять нерушимо не могут.
Между началами так с переменным успехом в сражениях

Испоконь века война, начавшись, вечно ведется:
То побеждают порой животворные силы природы,
То побеждает их смерть. Мешается стон похоронный
С жалобным криком детей, впервые увидевших солнце.
Не было ночи такой, ни дня не бывало, ни утра,
Чтобы не слышался плач младенческий, смешанный с воплем
Сопровождающим смерть и мрачный обряд погребальный.

Вот что при этом еще основательно надо запомнить,
Запечатлевши в уме, и всегда принимать во внимание:
Нет ни одной из вещей, доступных для нашего взора,
Чтобы она из начал состояла вполне однородных;
Нет ничего, что различных семян не являлось бы смесью.
Что же имеет в себе и сил и возможностей больше,
Тем указывает на то, что и больше оно заключает
Разного рода начал совершенно различного вида.
Множество, прежде всего, заключает земля изначальных
Тел, из которых ключи, прохладу несущие, вечно
Полнят моря, и таких, из которых огни возникают.
Ибо во многих местах пламенеет зажженная почва,
Самый же страшный огонь извергает свирепая Этна.
Дальше содержит земля и такие тела, из которых
Людам и злаки растит наливные, и рощи густые,
И доставляет ручьи, и листья, и тучные пастбы
Диким породам зверей, бродящим по горным высотам.
Матери имя богов потому и дают ей великой,
Матери диких зверей и праматери нашего тела.

Греции древней ее премудрые пели поэты

* * *

Будто бы парю львов она правит в своей колеснице,
Этим давая понять, что повисла в воздушном пространстве
Наша земля, что земля опираться на землю не может.
Львов запрягли потому, что и самые дикие дети
Должны пред силой забот материнских покорно склоняться.
Голову ей увенчали венком крепостным, указуя,
Что защищает она города на местах неприступных.
В этом уборе теперь проносят по целому свету,
Ужас вселяя везде, божественной матери образ.
Люди различных племен по старинным священным заветам
«Матерь Идэя» ее именуют и толпы фригийцев
В свиту дают ей затем, что из этого края впервые
Злаки расти на земле, по преданию, начали всюду.
Галлы сопутствуют ей, указание этим давая,
Что, оскорбив божество материнское и непочтенье
Выказав к родшим, никто не должен считаться достойным,
Чтобы на свет порождать поколения живого потомства.
Бубны тугие гудят в их руках и пустые кимвалы,
Хриплые звуки рогов оглашают окрестности грозно,

Ритмом фригийским сердца возбуждает долбленная флейта;
Свита предносит ножи — необузданной ярости знаки,
Дабы сердца и умы толпы нечестивой повергнуть
В ужас священный и страх перед мощною волей богини.
Лишь колесница ее в городах появилась обширных,
И одаряет она, безмолвная, благами смертных,
Путь перед ней серебром устилает и медной монетой
Щедрой рукою народ, и сыплются розы обильно,
Снежным покровом цветов осеня богиню и свиту.
Вооруженный отряд, которому греки Куретов
Имя фригийских дают, играя оружием острым,
Тут же пускается в пляс, опьяненный пролитой кровью,
Страшно при этом тряся косматыми гребнями шлемов;
Изображают они Диктейских Куретов, на Крите
Зевса младенческий крик заглушавших, коль верить преданью
Вместе с детьми, что вокруг дитяти в стремительной пляске
Мчались и медью о медь, кружась, ударяли размерно,
Чтобы ребенка Сатурн не настиг прожорливой пастью
И не поранил бы тем материнского сердца навеки.
Вот потому—то Великую Мать провожают с оружием.
Или хотят указать, что оружием люди отважно
Отчую землю должны защищать по веленью богини
И для родителей быть и опорой надежной и славой
Как ни прекрасны и стройны чудесные эти преданья,
Правдоподобия в них, однакоже, нет никакого.
Ибо все боги должны по природе своей непременно
Жизнью бессмертной всегда наслаждаться в полнейшем
покое,

Чуждые наших забот и от них далеко отстранившись.
Ведь безо всяких скорбей, далеки от опасностей всяких,
Всем обладают они и ни в чем не нуждаются нашем;
Благодеяния им ни к чему, да и гнев неизвестен.
Что до земли, то вовек лишена она всякого чувства,
Но, так как многих вещей в ней содержатся первоначала,
Может на свет выводить она многое способом разным.
Если же кто называть пожелает иль море Нептуном,
Или Церерою хлеб, или Вакхово предпочитает
Имя напрасно к вину применять, вместо нужного слова,
То уж уступим ему, и пускай вся земная окружность
Матерью будет богов для него, если только при этом
Он, в самом деле, души не пятнает религией гнусной.

Так, хоть нередко стада на одной луговине пасутся
И густорунных овец, и племени коней отважных,
И круторогих быков под той же небесною кровлей,
И утоляют в одной и той же реке свою жажду,
Разно, однако, живут; и родителей свойства, и нравы
Все сохраняют они по наследству в отдельных породах:
Так велика разнородность материи в каждом отдельном
Виде травы полевой и в каждом источнике водном.
Далее, все состоят живые создания из крови,

Мяса, костей, из тепла, из жил, сухожилий и влаги;
Всё это также совсем не похоже одно на другое,
И образовано всё из начал по фигурам не сходных.
Далее, что на огне разгорается пламенем, также,
Если другого в нем нет, оно всё же в себе заключает
Нечто, откуда огонь выбивает и может светиться,
Искры метать из себя и далеко развеивать пепел.
Если подобным путем проследишь ты и всё остальное,
Ты обнаружишь тогда, что во всем потаенно сокрыты
Многих вещей семена и начала различного вида.
Многое есть, наконец, где даны в сочетаньи со цветом
Также и запах, и вкус. И, прежде всего, приношенья,
Что по обряду богам, на алтарь возложив, сожигают.
Значит, начала должны заключаться в них разного вида:
Запах проходит ведь там в наше тело, где цвет не пробьется,
Цвет же отдельно идет, и отдельно и вкус проникает
В чувства: ты видишь теперь, что фигуры их первые разны.
В соединение здесь, таким образом, разные формы
Входят, и всякую вещь образуют семян сочетанья.
Даже и в наших стихах постоянно, как можешь заметить,
Множество слов состоит из множества букв однородных;
Но и стихи, и слова, как ты непременно признаешь,
Разнятся между собой по своим составным элементам:
Не оттого, что из букв у них мало встречается общих,
Иль что и двух не найти, где бы всё было точно таким же,
Но что они вообще не все друг на друга похожи.
Так же и в прочем, хотя существует и множество общих
Первоначал у вещей, тем не менее очень различны
Могут они меж собой оставаться во всем своем целом;
Так что мы в праве сказать, что различный состав образует
Племя людское, хлеба наливные и рощи густые.

Думать, однако, нельзя, что всему сочетаться возможно
Всячески. Ибо тогда ты повсюду встречал бы чудовищ,
И полузвери везде, полулюди водились, и также
Длинные ветви порой вырастали б из тела живого;
Множество членов морских у земных бы являлось животных,
Да и химер бы тогда, извергающих пламя из пасти,
На всеродящей земле выращивать стала природа.
Но очевидно, что так никогда не бывает, и вещи,
Лишь от известных семян и от матери также известной
Все возникая, растут, сохраняя все признаки рода.
Ясно, что это должно по известным законам свершаться.
Ибо из пищи любой проникают в отдельные члены
Тельца, которые им подходящи, и там, сочетаясь
Вместе, рожают они движения нужные; те же,
Что не пригодны, назад извергаются в землю природой;
Также еще от толчков незаметно выходит из тела
Множество тел, что ни с чем не могли ни войти в сочетанье
Ни внутри воспринять и усвоить движения жизни.
Но не подумай, смотри, что относятся эти законы

Только к созданиям живым: ими все ограничены вещи.
Ибо, подобно тому, как природою в целом не схожи
Вещи рожденные все, точно так же они несомненно
Все состоят из начал по фигурам взаимно не сходных;
Не оттого, что из них лишь немногие сходны по форме,
Но что они вообще не все друг на друга похожи.
Далее, коль семена отличны, должны различаться
Все промежутки, пути, сочетания, тяжесть, удары,
Встречи, движения их: всё то, что не только живые
Все разделяет тела, но и землю от моря отдельно
Держит и своду небес не дает на нее опуститься.

Выслушай далее то, что познал я путем изысканий
Сладостных, и не считай, что все белые вещи, какие
Светлыми кажутся нам, из начал образуются белых,
Или что черное всё порождается семенем черным;
Словом, не думай, что вещь, коль она обладает окраской
Той иль иной, потому ее носит, что в ней основные
Тельца ее вещества окрашены цветом таким же.
Ибо у тел основных никакой не бывает окраски,
Ни одинаковой с той, что присуща вещам, ни отличной.
Если же думаешь ты, что тела таковые не могут
Быть постижимы умом, то находишься ты в заблуждении.
Ибо, ведь если слепой от рожденья, который ни разу
Солнца лучей не видал, познаёт осязанием вещи,
Что лишены для него с младенчества всякой окраски,
То, очевидно, наш ум составить себе представленья
Может вполне о телах, никаким не окрашенных цветом.
Да ведь и сами—то мы, в темноте осязая предметы,
Не ощущаем того, что они обладают окраской.
Это тебе доказав, покажу я теперь, что бывают
Также такие тела, что совсем не имеют окраски.
Всякий ведь цвет перейти, изменившись, способен во всякий;
Но невозможно никак так действовать первоначалам,
Ибо должно пребывать всегда нерушимое нечто,
Чтобы не сгнуло всё совершенно, в ничто обратившись.
Ведь, коль из граней своих что—нибудь, изменяясь, выходит,
Это тем самым есть смерть для того, чем оно было раньше
Так что вещей семенам берегись придавать ты окраску,
Ибо иначе в ничто у тебя обратятся все вещи.

Далее, если признать, что окраска совсем не присуща
Первоначалам вещей, и они лишь по формам различны
И порождают из них и меняют цвета как угодно, —
Так как имеет всегда большое значенье, с какими
И в положенья каком войдут в сочетание те же
Первоначала и как они двигаться будут взаимно, —
То доискаться тебе не составит труда никакого,
Как происходит, что вещь, недавно лишь бывшая черной,
Может внезапно предстать блестящей и белой, как мрамор.
Так, если буря начнет вздымать водяные равнины,

Мраморно—белыми тут становятся волны морские.
Будет довольно сказать, что предмет, представлявшийся
черным,

Если смешалась его материя и изменился
В ней распорядок начал, и ушло, и прибавилось нечто,
Может на наших глазах оказаться блестящим и белым.
Если же волны морей из семян состояли б лазурных,
То уж никак бы тогда побелеть было им невозможно.
Ибо как хочешь мешай семена ты лазурной окраски,
Но измениться их цвет во мраморно—белый не сможет.
Если ж одни от других отличаются разной окраской
Те семена, что морям сообщают единый оттенок, —
Как из несхожих фигур, разнородных по форме, нередко
Может квадрат, например, получиться единой фигуры, —
То, как в квадрате таком различаем мы разные формы,
Так же могли б мы тогда разглядеть на поверхности моря
Иль в чем угодно другом, что имеет единый оттенок,
Множество разных цветов, совершенно друг с другом не
схожих.

Но, коль помехой ничуть и препятствием вовсе не служит
Разность фигур, чтоб из них очертанья слагались квадрата,
То не дает никогда разнородность окраски предметов
Им целиком обладать и единым и чистым оттенком.

Далее, довод, что нас соблазняет порой, заставляя
Первоначалам вещей приписывать цвет, отпадает,
Ибо и белая вещь не из белых способна возникнуть,
Черная вещь — не из тех, что черны, а из разных по цвету
Но вероятней всего, что блестящие белые вещи
Могут возникнуть скорей из бесцветных начал, чем из черных,
Иль из каких—то других, совершенно по цвету им чуждых.

Кроме того, потому, что без света цветов не бывает,
И что начала вещей никогда освещаться не могут,
Надо считать, что они никаким не окрашены цветом,
Ибо какие ж цвета в непроглядных потемках возможны?
Больше того: самый свет изменяет окраску предметов,
Падая прямо на них или косвенно их освещая.
Это мы видим, когда освещается солнца лучами
Пух голубей, что венком окружает затылок и шейку:
То багровеет он вдруг, отливая блестящим рубином,
То засияет он так, что покажется, будто лазурный
Камень, сверкая, горит посреди изумрудов зеленых.
Так же павлиньи хвосты под лучами обильного света
При поворотах свою постоянно меняют окраску.
Если ж зависят цвета от падения света, то надо
Нам несомненно считать, что они без него невозможны.
И раз удары зрачок испытует различного рода
При ощущений, так называемом, белого цвета,
Или же черного, или другого какого угодно,
И если вовсе не цвет осязаемых нами предметов

Важно, а только, какой обладают предметы фигурой,
То очевидно, что он для начал совершенно не нужен
Но разнородность их форм осязается нами различно.

Если же, кроме того, не имеют особые формы
Также особых цветов, если всех очертаний начала
Могут являться всегда и в окраске любого оттенка,
То почему же тогда и всему, что из них возникает,
В каждом разряде вещей не носить всевозможной окраски?
Воронов ты бы тогда в оперении белом увидел:
Всюду летали б они и сверкали окраскою белой;
Черных тогда лебедей порождало бы черное семя,
Семя цветное — цветных и какого угодно оттенка.

Мало того: если ты на мельчайшие части предметы
Больше и больше дробишь, то ты видишь, как мало—помалу
Цвет пропадает у них и совсем, наконец, потухает.
Так происходит, когда багряницу в клочки раздираешь:
Пурпур и даже сама финикийская яркая краска,
Если по ниткам ты ткань разорвешь, целиком исчезает.
Можешь отсюда понять, что лишаются цвета частицы
Раньше еще, чем они на вещей семена разложились.

И, наконец, так как ты не считаешь, что всякое тело
Запах и звук издает, то выходит тогда несомненно,
Что невозможно всему приписывать звук или запах.
Также, раз мы далеко не всё различаем глазами,
То, очевидно, тела существуют лишенные цвета,
Как существуют и те, что и звуку и запаху чужды;
Но проницательный ум познает их не менее ясно,
Чем постигает он то, в чем других не имеется качеств.

Но не подумай, смотри, что тела изначальные только
Цвета совсем лишены: и тепла нету в них никакого,
Так же как им не присущи ни холод ни жар раскаленный;
Да и без звука они и без всякого носятся вкуса.
И не исходит от них и особого запаха также.
Так, если думаешь ты драгоценный бальзам изготовить,
С миррой смешав майоран и букет благовонного нарда,
Запах которого нам представляется нектаром, надо,
Прежде всего, отыскать непахучее масло оливы,
Чтобы затронуть оно не могло обонянья и чтобы,
Соком своим заразив, не могло заглушить и попортить
Весь ароматный отвар и душистость его уничтожить.
В силу таких же причин при создании предметов не могут
Первоначала вещей придавать им иль собственный запах,
Или же звук — раз они ничего испускать не способны, —
Равным же образом вкус, наконец, или холод, а также
Жар раскаленный, тепло или прочее в этом же роде,
Ибо и это, и всё, что является смертности свойством:
Мягкость и гибкость, и ломкость и рыхлость, и полость и

редкость —

Всё это также должно совершенно быть чуждо началам,
Если построить весь мир мы хотим на бессмертных основах,
Чтобы он мог пребывать нерушимым во всем его целом,
Ибо иначе в ничто у тебя обратятся все вещи.

Ты убедишься теперь, что и всё, что, как видно, способно
К чувству, однако, должно состоять из начал, безусловно
Чувства лишенных. Ничто против этого не возражает
Из очевидных вещей и того, что для каждого ясно,
Но убеждает нас в том, что, как сказано, из совершенно
Чувства лишенных начал возникают живые создания.
Видеть бывает легко, как из кучи зловонной навоза
Черви живые ползут, зарождаясь, когда разлагаться
Почва сырая начнет, от дождей проливных загнивая;
Так же и прочее всё возникает одно из другого:
В скот переходят ручьи и листья, и тучные пастбы,
Скот, в свою очередь, сам переходит, меняя природу,
В тело людей, а оно точно так же нередко собою
Силы питает зверей и способствует росту пернатых.
Так превращает природа всю пищу в живые создания
И зарождает у них из нее же и всякие чувства
Тем же примерно путем, как она и сухие поленья,
В пламени все разложив, заставляет в огонь обращаться.
Видишь ли ты, наконец, что большое значение имеет,
Как и в порядке каком сочетаются между собою
Первоначала вещей и какие имеют движенья?

Что же такое еще смущает твой ум и колеблет
И заставляет его сомневаться, что можно началам,
Чувства лишенным, рождать существа, одаренные чувством?
Это наверное то, что ни лес, ни земля, ни камень
Чувства живого родить и в смешении даже не могут.
Должен, однакоже, ты припомнить, что я не считаю,
Будто решительно всё, что рождает способное к чувству.
Тут же должно порождать непременно и самые чувства;
Важно здесь, прежде всего, насколько малы те начала,
Что порождают собой ощущение, какой они формы,
Также какие у них положенья, движенья, порядок.
Этого мы ни в дровах, ни в комьях земли не заметим,
Но, коль загнили они, разлагаясь как будто от ливней,
То производят червей, потому что материи тельца,
Прежний порядок тогда изменяя в условиях новых,
Сходятся так, что должны зарождаться живые создания.
Кто ж утверждает затем, что способное к чувству творится
Из одаренного им, давая его и началам,
Тот вместе с тем признает за началами смертную сущность
Мягкими делая их. Ибо связано всякое чувство
С жилами, мышцами, мясом; а это, как всем очевидно,
Мягко и всё состоит несомненно из смертного тела.
Но тем не менее пусть вековечны такие частицы:

Всё же им должно иметь или только отдельные чувства,
Или созданиям живым они в целом должны быть подобны.
Чувствовать сами собой, однакоже, части не могут:
В членах отдельных всегда сочетается чувство с другими,
И невозможно руке, отделенной от нас, или части
Нашего тела иной сохранять обособленно чувство.
Значит, частицы подобны живому созданию в целом
И непременно должны ощущать, что и мы ощущаем,
Чтобы их чувства могли совпадать с ощущением жизни.
Но разве можно сказать, что такие живые частицы —
Первоначала вещей? Разве можно им смерти избегнуть,
Раз всё живое всегда одновременно также и смертно?
Но коль и можно, то всё ж из их сочетаний друг с другом
Только б одна мешанина созданий живых получалась
Так же, как если бы все воедино сошлись и смешались
Люди, и звери, и скот, ничего бы от них не родилось.
Если же чувство свое они, в тело попавши, теряют
И получают взамен другое, к чему придавать им
То, что отходит от них? И мы вновь к заключенью приходим,

Если в живого птенца яйцо превращается птичье,
Если у нас на глазах кишат, из земли выползая,
Черви, когда от дождей проливных разлагается почва, —
Что для рождения чувств никакого не надобно чувства.

Если же мне возразят, что только путем изменений
Чувство из чуждого чувству способно возникнуть, иль только
Как бы посредством родов, что приводят к его появлению,
Я удовольствуюсь тем указанием и разъясненьем,
Что не бывает родов, если не было раньше соитья,
Что изменения все происходят путем сочетанья.
Чувствам, во-первых, нельзя оказаться в каком-либо теле,
Прежде того, как само народится живое создание,
Ибо материя вся, пребывая рассеянной всюду —
В воздухе, в реках, в земле и во всяких земли порожденьях —
Не образует еще, не сошедшись в должном порядке,
Жизни движений в себе, от которых всезрящие чувства
Вспыхнувши, зорко блюдут и хранят все живые создания.

Далее, каждый удар, не по силам живому созданию,
Валит на месте его и немедленно следом за этим
В теле его и в душе все чувства приводит в смятенье,
Ибо тогда у начал разрушаются их положенья
И прекращаются тут совершенно движения жизни
Вплоть до того, что материя вся, сотрясенная в членах,
Узы живые души отторгает от тела и душу,
Врозь разметав ее, вон чрез отверстия все выгоняет.
Да и чего же еще ожидать при ударе возможно
Кроме того, что он всё разнесет и все связи расторгнет?
Правда, бывает и так, что при менее резком ударе
Могут его одолеть уцелевшие жизни движенья

И, одолев от толчка происшедшую сильную бурю,
Всё возвращают опять к теченью по прежнему руслу,
А завладевшее было всем телом движение смерти
Врозь разгоняют и вновь зажигают угасшие чувства.
Иначе как же тогда у самого смерти порога
К жизни вернуться скорей и к сознанию было бы можно,
Чем удалиться навек, предначертанной цели достигнув?

Кроме того, если боль возникает, коль, некою силой
В членах и в мясе живом потрясаясь, тела основные
Во глубине своих гнезд приходить начинают в смятенье,
А по местам водворясь, вызывают отрадное чувство, —
Ясно, что первоначал никакая не может затронуть
Боль и самим по себе им не ведомо чувство отрады,
Раз никаких у них нет своих собственных тел изначальных,
От перемены движений которых они бы страдали
Или какой-нибудь плод наслаждений вкушали приятных.
Значит, началам вещей никакое не свойственно чувство.

Если же чувство иметь способны живые создания
Лишь потому, что самым началам их свойственно чувство,
То каковы же тогда в человеческом роде начала?
Верно, способны они заливаться и хохотом звонким,
И орошать и лицо и щеки обильно слезами,
И о составе вещей говорить с пониманием дела,
И рассуждать, наконец, о собственных первоначалах?
Ибо ведь, если вполне во всем они смертным подобны,
Значит, и сами должны состоять из других элементов,
Эти — опять из других, и конца ты нигде не положишь:
Ибо, по-твоему, всё способное к речи, ко смеху,
К мысли, должно состоять из начал совершенно таких же.
Если ж мы видим, что вздор это всё, да и прямо безумье,
Что и без всяких начал смеющихся можно смеяться
И разуметь, и в ученых словах излагать рассужденья,
Не состоя из семян и разумных и красноречивых,
То почему же нельзя, чтобы всё, одаренное чувством,
Сложный имело состав из семян, не имеющих чувства?

Семени мы, наконец, небесного все порожденья:
Общий родитель наш тот, от которого всё зачинает
Мать всеблагая, земля, дождевой орошенная влагой,
И порождает хлеба наливные и рощи густые,
И человеческий род, и всяких зверей производит,
Всем доставляя им корм, которым они насыщаясь
Все беззаботно живут и свое производят потомство.
Матери имя земля справедливо поэтому носит.
Также всё то, что земля породила, уходит обратно
В землю, а что изошло из пределов эфира, то снова
Всё возвращается к ним, улета в обители неба.
Но, с истребленьем вещей, материи тел не способна
Смерть убивать, а лишь их сочетанья она расторгает

И производит затем сочетанья иные, и этим
Делает то, что и форму и цвет изменяют все вещи,
Чувства рождаются в них и внезапно опять пропадают.
Видишь из этого ты, что имеет значенье, с какими
И в положеньи каком войдут в сочетание те же
Первоначала и как они двигаться будут взаимно;
И не считай, что телам изначальным и вечным присуще
То, что, мы видим, плывет по поверхности всяких предметов,
Что возникает порой и опять исчезает внезапно.
Даже и в наших стихах ведь имеет большое значенье
Расположение букв и взаимное их сочетанье:
Теми же буквами мы означаем ведь небо и землю,
Солнце, потоки, моря, деревья, плоды и животных;
Если не полностью все, то всё—таки большая часть их
Те же, и только один распорядок их дело меняет.
То же и в самых вещах: материи все измененья —
Встречи, движения, строй, положенье ее и фигуры —
Необходимо влекут за собой и в вещах перемены.

Ныне внимателен будь, достоверному внемля ученью:
Новый предмет до ушей твоих бурно стремится достигнуть,
В новом обличьи предстать пред тобою должно мирозданье.
Нет, однако, вещей достоверных, чтоб невероятны
Не показались они нам с первого взгляда, а также
Ни удивительных нет, ни настолько великих явлений,
Чтоб не внушали они изумленья всё меньше и меньше.
Чистую, прежде всего, укажу я лазурь небосвода,
Всё, что объемлется им: и светила, бродящие всюду,
Месяц, блистательный свет, изливаемый солнца сияньем;
Если всё это теперь первый раз бы представилось смертным
И неожиданно всё появилось пред ними внезапно,
Что бы считаться могло изумительней этих явлений,
Иль чему меньше поверить посмели бы раньше народы?
Нет, я скажу, ничему не сравниться со зрелищем этим.
Но уже больше никто, созерцаньем его пресыщённый,
Не удостоит взирать на обители светлые неба!
А потому перестань, лишь одной новизны устрасаясь
Наше ученье умом отвергать, а сначала сужденьем
Острым исследуй его и взвесь; и, коль прав окажусь я,
Сдайся, а если неправ, то восстань и его опровергни.
Ведь, коль лежащему вне, за пределами нашего мира,
Нет пространству границ, то стараемся мы доискаться,
Что же находится там, куда мысль устремляется наша
И улетает наш ум, подымаясь в пареньи свободном.

Видим мы, прежде всего, что повсюду, во всех направлениях
С той и с другой стороны, и вверху и внизу у вселенной
Нет предела, как я доказал, как сама очевидность
Громко гласит, и как ясно из самой природы пространства.
А потому уж никак невозможно считать вероятным,
Чтоб, когда всюду кругом бесконечно пространство зияет

И когда всячески тут семена в этой бездне несутся
В неисчислимом числе, гонимые вечным движеньем,
Чтобы лишь наша земля создалась и одно наше небо,
И чтобы столько материи тел оставалось без дела,
Если к тому ж этот мир природою создан, и если
Сами собою вещей семена в столкновениях случайных,
Всячески втуне, вотще, понапрасну сходясь друг с другом,
Слились затем, наконец, в сочетанья такие, что сразу
Всяких великих вещей постоянно рождают зачатки:
Моря, земли и небес, и племени тварей живущих.
Так что ты должен признать и за гранями этого мира
Существованье других скоплений материи, сходных
С этим, какое эфир заключает в объятиях жадных.

Если же, кроме того, и материя есть в изобилии,
Если есть место и нет ни причины, ни вещи, какая
Ей бы мешала, должны из нее развиваться предметы.
Если к тому же семян количество столь изобильно,
Что и всей жизни никак нехватило б для их исчисления,
Если вещей семена неизменно способна природа
Вместе повсюду сбивать, собирая их тем же порядком,
Как они сплочены здесь, — остается признать неизбежно,
Что во вселенной еще и другие имеются земли,
Да и людей племена и также различные звери.

Надо добавить еще, что нет ни одной во вселенной
Вещи, какая б могла возникать и расти одиноко
И не являлась одной из многих вещей однородных
Той же породы. Взгляни, например, на создания живые,
И ты увидишь, что так нарождаются горные звери,
Так поколенья людей возникают и так же немое
Племя чешуйчатых рыб и все особи птиц окрыленных.
Следственно надо признать, что подобным же образом небо
Солнце, луна и земля, и моря, и все прочие вещи
Не одиноки, но их даже больше, чем можно исчислить,
Ибо их жизни предел точно так же поставлен и ждет их
Так же, как всё; и у них такое же смертное тело,
Как у созданий, что здесь на земле по породам плодятся.

Если как следует ты это понял, природа свободной
Сразу тебе предстает, лишенной хозяев надменных,
Собственной волею всё без участия богов создающей.
Ибо, — святые сердца небожителей, в мире спокойном
Жизнь проводящих свою и свой век безмятежно и ясно! —
Кто бы сумел управлять необъятной вселенной, кто твердо
Бездны тугие бразды удержал бы рукою искусной,
Кто бы размеренно вел небеса и огнями эфира
Был в состоянии везде согревать плодоносные земли,
Иль одновременно быть повсюду во всякое время,
Чтобы и тучами тьму наводить, и чтоб ясное небо
Грома ударами бить, и чтоб молнии метать, и свои же

Храмы порой разносить и, в пустынях сокрывшись, оттуда
Стрелы свирепо пускать и, минуя нередко виновных,
Часто людей поражать, не достойных того и невинных?

Много и после того, как мир родился, и после
Дня появления земли и морей и восшествия солнца
Тел накопилось извне, и кругом семена накопились,
В быстром полете несясь из глубин необъятной вселенной,
Чтобы моря и земля разрастаться могли, чтобы небо
Свой далеко распростерло чертог, чтобы подняло кверху
Своды свои над землей и высоко вознесся бы воздух.
Ибо тела, исходя отовсюду, посредством ударов
Распределяются все по местам сообразно их роду:
Влага ко влаге течет, земля же из тела земного
Вся вырастает, огонь — из огней и эфир — из эфира,
Вплоть до тех пор, пока всё до предельного роста природа
Не доведет и конца не положит вещей совершенству;
Что происходит, когда собирается в жизненных жилах
Столько же, сколько из них, вытекая наружу, исходит.
Тут для всего настает предельного возраста время,
Тут на развитие вещей природа узду налагает.
Ибо всё то, что кругом развивается в радостном росте
И достигает, идя шаг за шагом, зрелости полной,
Более тел принимает в себя, чем наружу выводит,
Ежели пища легко еще в жилы проходит и если
Не раздалось до того, чтобы много оно выделяло
И раздавало скорей, чем питается в возрасте этом.
Ибо, что множество тел из вещей, утекая, выходит,
Надо, конечно, признать; но должно притекать еще больше
В вещи, покуда их рост не достигнет предельной вершины.
Мало—помалу затем возмужалую крепость и силы
Ломят года, и вся жизнь постепенно приходит в упадок.
Ибо, чем больше предмет оказался в конце разрастанья
И чем обширнее он, тем и больше всегда выделяет
Тел из себя, разнося их повсюду во всех направлениях;
Да и по жилам его не легко растекается пища,
И уж источник ее, при таком изобильном отливе,
Не в состоянии течь достаточно мощной струей.
И справедливо должны погибать, таким образом, вещи,
Коль разложились они и от внешних ударов зачахли,
Так как в преклонных годах уже им нехватает питания,
Да и снаружи тела, продолжая толчки беспрестанно,
Вещи изводят в конец и ударами их добивают.

Так же с теченьем времен и стены великого мира,
Приступом взяты, падут и рассыплются грудой развалин.
Пища, конечно, должна восстанавливать всё, обновляя,
Пища — поддерживать всё и пища служить основаньем,
Но понапрасну, когда не способны выдерживать жилы
То, что потребно для них, а природа доставить не может.
Да, сокрушился наш век, и земля до того истощилась,

Что производит едва лишь мелких животных, а прежде
Всяких давала она и зверей порождала огромных.
Вовсе, как думаю я, не цепь золотая спустила
С неба далеких высот на поля поколения смертных,
Да и не волны морей, ударяясь о скалы, создали,
Но породила земля, что и ныне собой их питает;
Да и хлебов наливных, виноградников тучных она же
Много сама по себе сотворила вначале для смертных,
Сладкие также плоды им давая и тучные пастбы, —
Всё, что теперь лишь едва вырастает при нашей работе:
Мы изнуряем волов, надрываем и пахарей силы,
Тупим железо, и всё ж не дает урожая нам поле, —
Так оно скупое плоды производит и множит работу.
И уже пахарь—старик, головою качая, со вздохом
Чаще и чаще глядит на бесплодность тяжелой работы,
Если же с прошлым начнет настоящее сравнивать время,
То постоянно тогда восхваляет родителей долю.
И виноградарь, смотря на щедущие, чахлые лозы,
Век, злополучный, клянет и на время он сетует горько,
И беспрестанно ворчит, что народ, благочестия полный,
В древности жизнь проводил беззаботно, довольствуясь
малым,
Хоть и земельный надел был в то время значительно меньше,
Не понимая, что всё дряхлеет и мало—помалу,
Жизни далеким путем истомленное, сходит в могилу.

КНИГА ТРЕТЬЯ

Ты, из потемок таких дерзнувший впервые воздвигнуть
Столь ослепительный свет, озаряющий жизни богатства,
Греции слава и честь! За тобою я следую ныне
И по твоим я стопам направляю шаги мои твердо.
Не состязаться с тобой я хочу, но, любовью объятый,
Жажду тебе подражать: разве ласточка станет тягаться
С лебедем? Или козлят дрожащие ноги способны
С резвою силой коня быстрой в беге равняться?
Отче! Ты сущность вещей постиг. Ты отечески роду
Нашему ныне даешь наставленья, и мы из писаний,
Славный, твоих, наподобие пчел, по лугам цветоносным
Всюду собирающих мед, поглощаем слова золотые,
Да, золотые, навек достойные жизни бессмертной!
Ибо лишь только твое, из божественной мысли возникнув,
Стало учение нам о природе вещей проповедать,
Как разбегаются страхи души, расступаются стены
Мира, — и вижу я ход вещей в бесконечном пространстве.
Видно державу богов и спокойную всю их обитель,
Где не бушуют ни ветры, ни дождь, низвергаясь из тучи,
Не проливается, где и мороз пеленой белоснежной,

Падая, их не гнетет, а эфир безоблачный вечно
Их покрывает и весь улыбается в свете разлитом.
Всё им природа дает в изобилии, ничто не смущает
Вечного мира богов и ничто никогда не тревожит.
Наоборот: никаких Ахеронта владений не видно,
И не мешает земля созерцанью всего остального,
Что под ногами у нас совершается в безднах пространства.
Всё это некий восторг поселяет в меня и священный
Ужас, когда сознаю, что силой твоею открылась
Вся природа везде и доступною сделалась мысли.

После того, как тебе объяснил я и сущность и свойства
Мира начал основных, и как, различаясь по виду,
Непроизвольно они несутся в движении вечном,
Также и то, как из них созидаются всякие вещи,
Я полагаю, теперь своевременно будет природу
Духа, а также души осветить мне стихами своими
И, ниспровергнув, изгнать совершенно боязнь Ахеронта,
Что угнетает людей и, глубоко их жизнь возмущая,
Тьмою кромешною всё омрачает и смертною мглою
И не дает наслаждаться нам радостью светлой и чистой.
Ибо хотя говорят, что болезни и жизни бесчестье
Быть нам страшнее должны, чем Тартар — смерти обитель,
Что природа души состоит, как известно, из крови
Или из ветра еще, — коли будет угодно так думать, —
И что потребности нет ни малейшей в учении нашем,
Всё это люди, заметь, говорят из тщеславия больше,
Чем потому, что для них непреложно такое сужденье.
Эти же люди, себя запятнав преступлением гнусным,
Изгнаны будучи вон из отчизны и общества близких,
Всякие беды терпя, тем не менее жить продолжают;
Всюду, куда ни придут, они тризну творят по умершим,
Жалкие! черных овец закаляют и Манам подземным
Жертвы приносят, творя возлиянья, и в скорби жестокой
Строже гораздо блюдут религии чин и уставы.
Вот почему наблюдать всегда надлежит человека
В бедах и грозной нужде и тогда убедиться, каков он.
Ведь из сердечных глубин лишь тогда вылетает невольно
Истинный голос, личина срывается, суть остается.
Денег алчба, наконец, и почестей жажда слепая
Нудят несчастных людей выходить за пределы закона
И в соучастников их обращают и в слуг преступлений,
Ночи и дни напролет заставляя трудом неустанным
Мощи великой искать. Эти язвы глубокие жизни
Пищу находят себе немалую в ужасе смерти.
Ибо постыдный позор и жестокая бедность обычно
Несовместимы для нас с приятною тихою жизнью
И представляются нам как будто преддверием смерти.
Люди, стремясь убежать от этого дальше и дальше,
Всё это прочь отстранить, объятые ложным испугом,
Кровью сограждан себе состояния копят и жадно

Множат богатства свои, громоздя на убийство убийство,
С радостью лютой идут за телом умершего брата
И пировать у родных ненавидят они и страшатся.
Точно таким же путем от этого страха нередко
Гложет их зависть, что тот могуществен, этот во блеске
Шествует славы своей, привлекая всеобщие взоры,
Им же приходится жить, валяясь в грязи и во мраке.
Люди иные порой ради имени гибнут и статуй,
Часто же их до того доводит боязнь перед смертью,
Что, отвращеньем полны и к жизни и к свету дневному,
От безысходной тоски они сами себя убивают,
Вовсе забыв, что тоска их питается этим же страхом.
Он прогоняет и стыд, он и узы теснейшие дружбы
Врозь расторгает, и он извращает вконец благочестье.
Ведь и отчизну свою и родителей милых нередко
Люди, стремясь избежать Ахеронта пучин, предавали.
Ибо, как в мрачных потемках дрожат и пугаются дети,
Так же и мы, среди белого дня, опасаемся часто
Тех предметов, каких бояться не более надо,
Чем того, чего ждут и пугаются дети в потемках.
Значит, изгнать этот страх из души и потемки рассеять
Должны не солнца лучи и не света сиянье дневного,
Но природа сама своим видом и внутренним строем.

Я утверждаю, что дух, — мы его и умом называем, —
Где пребывают у нас и сознание живое и разум,
Есть лишь отдельная часть человека, как руки и ноги
Или глаза составляют живого создания части.
Хоть и считает толпа мудрецов совершенно напрасно,
Что ощущающий дух не особую часть занимает,
Но представляет собой состояние тела живое,
То, что греки зовут «гармонией», что, не имея
Места отдельного, нам дает ощущение жизни:
Как говорится порой о здоровьи телесном, однако
Не занимает оно у здорового части отдельной, —
Так ощущающий дух помещают не в части особой,
В чем совершенно они заблуждаются, я полагаю.
В части наружной больным наше тело бывает нередко,
В части же скрытой его мы здоровы и бодры при этом.
Так же, с другой стороны, и обратно нередко бывает.
Именно: болен наш дух, а все тело здорово и бодро.
Так же, как если нога, предположим, страдает больная,
А голова, между тем, никакого страданья не терпит.
Кроме того, когда сладкому сну предаются все члены,
И, распростершись, лежит отягченное тело без чувства,
Всё же имеется в нас и другое, что в это же время
Всячески бьется и всё восприимлет притом: и движенья
Радости все, и пустые, ничтожные сердца заботы.
То, что душа, как и дух, во членах находится наших,
И не гармония в нас возбуждает телесные чувства,
Явствует, прежде всего, из того, что коль даже и много

Отнято тела у нас, всё же жизнь остается во членах.
Но и обратно: когда ускользает лишь самая малость
Тел теплоты и чрез рот улетучится воздух наружу,
Сразу уходит вся жизнь, покидая и жилы и кости.
Можешь отсюда понять, что далёко не все выполняют
Ту же работу тела и жизнь обеспечить способны,
Но, главным образом, те, что собой семена представляют
Ветра и жара, блюдут, чтобы жизнь оставалась во членах.
Значит, и жизненный жар, и ветер присутствуют в самом
Теле у нас, уходя из него с наступлением смерти.
И потому, так как ясно теперь, что духа природа,
Как и природа души, есть некая часть человека,
Слово «гармония» ты отвергни: оно к музыкантам
Иль с Геликона пришло, или сами они раздобыли
Где-то его, чтоб означить предмет, не имевший названья.
Так иль иначе — оставь его им и дальнейшее слушай.

Я утверждаю, что дух и душа состоят меж собою
В тесной связи и собой образуют единую сущность,
Но составляет главу и над целым господствует телом
Разум, который у нас зовется умом или духом.
Он в середине груди расположен и там пребывает.
Мечутся здесь и боязнь и ужас, и сладко трепещут
Радости. Вот почему ума здесь обитель и духа.
Часть остальная души, что рассеяна всюду по телу,
Двигается волей ума и его мановенью подвластна.
Сам по себе он один разумеет и самодовлеет,
Даже когда ни души ни тела ничто не волнует.
И, наподобье того как у нас при болезни страдает
Иль голова или глаз, но при этом не всем своим телом
Мучимся мы, так и дух, случается, страждет нередко
Сам иль ликует порой, когда по суставам и членам
Часть остальная души ничем не тревожится новым.
Если же дух потрясен сильнейшей тревогой, мы видим,
Что и душа целиком то же самое чувствует в теле:
Пот выступает на нем, бледнеет вся кожа, немеет
Оцепенелый язык, заплетается речь, застилает
Мраком глаза, звон в ушах, подкосились колени, и видно
Часто нам, как человек от ужаса падает наземь.
Всякий отсюда легко убедится, что связаны тесно
Дух и душа, и как только она поражается силой
Духа, сейчас же сама толкает и бьет она тело.

Эти же доводы нам говорят, что телесна природа
Духа с душой, раз она и членами движет, и тело
Будит внезапно от сна, и меняет лица выраженье,
И человеком она целиком руководит и правит.
Этого можно достичь не иначе, как осязаньем,
А осязания нет без тела. Не ясно ль отсюда
Нам, что и дух и душа обладают телесной природой?
Также ты видишь и то, что дух одинаково с телом

Чувствует в теле у нас, и все действия их обоюдны.
Пусть хоть не насмерть сразит нас копье, с ужасающей силой
Жилы и кости пронзив и внутрь глубоко проникнув,
Всё же мы замертво тут опускаемся наземь в томленье
Сладком, но вдруг на земле возбуждается ум, и порою
На ноги смутное в нас возникает желанье подняться.
Значит, нам должно признать, что духа природа телесна,
Раз от оружия она и ударов телесных страдает.

Дальше теперь, какова в этом духе телесная сущность
И состоит из чего, я тебе объясню по порядку.
Прежде всего, укажу, что дух из тончайших, мельчайших
Тел основных состоит. В этом можешь легко убедиться,
Если к тому, что скажу я в дальнейшем, внимателен будешь.
Нет ничего, что могло б, очевидно, свершаться быстрее,
Чем это делает ум, что свершает намеренья тотчас.
Так что гораздо скорей может двигаться дух, чем любые
Вещи, что видимы нам и доступны для нашего взора.
Но, для того чтобы быть настолько подвижным, он должен
Весь состоять из семян совершенно округлых и мелких,
Чтобы и легкий толчок приводил их сейчас же в движенье.
Двигается так и вода и течет от толчков незаметных,
Ибо она состоит из катких и малых частичек.
Меда же, наоборот, несравненно устойчивей влага,
Каплет ленивее он и гораздо медлительней льется,
Ибо материи вся совокупность гораздо плотнее
Сцеплена в нем, состоя, несомненно, из менее гладких
Тел основных и совсем не из столь же округлых и тонких.
Так вот и маковых зерен высокую кучу рассеять
До основания легко и ничтожному веянию ветра,
Но никогда ни камней ни колосьев, наваленных грудой,
Не разнесет он. Итак, чем тела будут меньше и глаже,
Тем и подвижность у них непременно окажется большей.
Те же, напротив, тела, что увесистей будут, а также
Шероховатей, всегда обнаружат и большую стойкость.
Так как теперь установлено мной, что духа природа
Крайне подвижна, то он состоит, несомненно, из самых
Маленьких тел, что должны быть также и гладки и круглы.
Сведения эти, мой друг, будь уверен, во всех отношениях
Будут полезны тебе и во многом тебе пригодятся.
Вот что еще тебе даст представление о сущности этой,
Тонкости ткани ее и ничтожности места, в котором
Вся бы вместилась она, если только могла бы сжиматься:
Только лишь смерти покой безмятежный постиг человека,
Только лишь дух и душа, покидая его, удалятся,
Убыли ты никакой не заметишь во всем его теле, —
Видом и весом оно неизменно: всё смерть сохраняет,
Кроме лишь жизненных чувств у него и горячего жара.
Значит, душа сплетена в своем целом составе из очень
Мелких семян, находясь в сухожилиях, жилах и мясе.
Ибо когда она вся уже вышла из целого тела,

То очертанья его остаются, однако, снаружи
Те же, и в весе оно не теряет при этом нисколько.
Так, коль букет пропадет у Вакховой влаги, иль если
Вдруг улетучится весь аромат благовонного масла,
Или же как—нибудь вкус из чего—либо весь удалится,
Нам не заметить на—глаз уменьшения этих предметов,
Да и по весу они остаются нисколько не меньше.
Странного нет ничего, ибо множество семечек мелких
В целом составе вещей образуют и запах и вкус их.
Так что опять повторю, что и дух и душа по природе
Из исключительно мелких семян состоят несомненно,
Ибо они, уходя, ничего не уносят из веса.

Но вместе с тем невозможно считать, что проста их природа:
Тонкое некое вон дуновенье при смерти исходит
С жаром в смешеньи, а жар за собой увлекает и воздух;
И никакого тепла без примеси воздуха нету,
Ибо, раз сущность тепла отличается редкостью, много
Воздуха первоначал в среде ее двигаться должно.
Значит, нашли мы уже, что тройственна духа природа.
Но для создания чувств всего этого все—таки мало,
Ибо нельзя допустить, что из этого могут возникнуть
Чувства движения в нас, а тем более — мысль пробудиться.
Вследствие этого нам четвертую некую сущность
Надо прибавить еще. Никакого ей нету названья,
Тоньше ее ничего и подвижнее нету в природе,
И элементов ни в чем нет более мелких и гладких;
Первая в членах она возбуждает движения чувства,
Ибо, из мелких фигур состоя, она движется первой;
Следом за нею тепло и ветра незримая сила
Движутся, воздух затем, а затем уж и всё остальное:
Бьется и кровь, и внутри повсюду по мясу проходит
Чувство, пока, наконец, и до мозга костей не достигнет, —
Будь удовольствие то иль противное жгучее чувство.
Но ни страданью нельзя проникнуть, ни боли вонзиться
Так глубоко без того, чтобы всё не пришло в беспорядок
Так, что и жизни самой не останется места, и части
Врозь разбегутся души, проходя через скважины тела.
Впрочем, обычно предел у поверхности тела поставлен
Этим движеньям, и жизнь удержать мы поэтому можем.

Дальше, стремленье тебе объяснить, каким образом вместе
Смешаны между собой эти силы и действуют стройно,
Служит препятствием мне наречия нашего скудость;
Но, хоть и в общих чертах, набросать попытаюсь я это.
Первоначала вещей, при движеньи взаимном, друг другу
Перебивают пути таким образом, что невозможно
Их обособить и действие их разграничить пространством,
Но как бы множество сил они в теле одном составляют,
Вроде того, как и в мясе любом у животных найдется
Запах особый и цвет, да и вкус, и, однако, все это

При сочетаньи дает единое целое тело.
Так же и воздух, тепло и ветра незримая мощность,
Вместе смешавшись, одно существо порождают, и с ними
Сила подвижная та, что дает им начало движенья,
Коим рождаются в нас впервые движения чувства.
Сила ведь эта, таясь, заключается в самых далеких
Недрах, и в теле у нас ничего не находится глубже,
Так что душою души она, в свою очередь, служит.
В этом же роде и в членах у нас и во всем нашем теле
Силы таятся души и способности духа в смешеньи,
Так как тела, из каких они созданы, малы и редки.
Так же и та у тебя безыменная сила из мелких
Тел состоит и, сокрыто таясь, представляет собою
Душу для целой души и над целым господствует телом.
Точно таким же путем непременно и ветер и воздух
Должны в смешеньи с теплом проявлять свои действия в теле
Друг перед другом назад отходя иль вперед выступая
Так, чтоб, однако, из них составлялось единое нечто;
Иначе ветер, тепло или воздуха сила расторгнут
Чувства и, действуя врозь, разделением их уничтожат.
Дух развивает тепло, когда, распалившись гневом,
Вдруг закипит, и глаза засверкают неистовой страстью.
Много и веянья в нем холодного, спутника страха,
Что заставляет дрожать сочлененья и корчиться тело;
Но и спокойное есть состояние воздуха также,
Что умирной груди и ясному взгляду присуще.
Больше горячности в тех, у кого необуздано сердце
И раздражается ум, легко закипая во гневе.
Прежде всего, это свойственно львам, на насилие падким:
Грудь разрывается их от рыканья и дикого воя,
И не способны они в ней гнева удерживать волны.
Ум же оленей скорей обладает холодностью ветра
И возбуждает быстрее студеное веянье в теле,
Из-за чего пробегать начинает по членам их трепет.
Ну, а порода быков оживляется воздухом тихим;
Гневного факела дым, застилающий очи туманом,
Не ослепляет ее, чрезмерным огнем разгораясь,
Не цепенеет она и от стрел леденящего страха,
Посередине стоя между бешеных львов и оленей
То же и в роде людском: сколь иным ни давала б наука
Равного лоска, она тем не менее в каждом изгладить
Первоначальных следов дарований природных не может.
Да и не должно считать, что порок можно с корнем
исторгнуть,
Чтоб не склонялись одни слишком сильно к жестокому гневу,
Чтобы другие не так волновались страхом, а третьи
Не принимали всего с равнодушием большим, чем надо.
Да и во многом другом непременно есть разница в людях
И по природе и всем из нее вытекающим нравам.
Но не могу я теперь изложить оснований сокрытых
Этих различий и дать названия стольким фигурам

Первоначал, из каких зарождается разница эта.
Вот что, однакоже, здесь утверждать, полагаю, возможно:
Так незначительны те следы изначальной природы,
Коих не в силах у нас уничтожить рассудок, что можем
Мы беспрепятственно жить богам подобающей жизнью.

Это души естество, таким образом, держится телом,
Но и для тела оно и страж и причина здоровья,
Ибо на общих корнях они держатся цепко друг с другом,
И без гибели их обоюдной нельзя их расторгнуть.
Вроде того как нельзя из комочков смолы благовонной
Было бы запах извлечь без того, чтоб она не пропала,
Так же и душу и дух невозможно из целого тела
Было б исторгнуть, чтоб всё разложению тогда не подверглось:
Переплетаются так их начала со дня зарождения,
Что существуют они, наделенные общею жизнью.
И, очевидно, никак ни тело, ни дух не способны
Чувствовать сами собой, без взаимного действия, порознь,
Но раздувается в нас и внутри разгорается чувство
Из согласованных их и совместных друг с другом движений.
Дальше, само по себе никогда не рождается тело
И не растет, и продлить бытия не способно по смерти,
Ибо не так, как вода сообщенный ей жар испускает
Часто и всё ж оттого никакого не терпит ущерба,
Но остается вполне невредимой, не так, повторяю,
Могут разлуку с душой выносить отделенные члены,
Но погибают они окончательно, все загнивая.
И от рожденья всегда, таким образом, тело с душою
В тесной взаимной связи приучаются к жизни движениям,
Даже еще находясь в материнской утробе и членах,
Так, что разлука для них невозможна без гибели тяжкой.
Видишь из этого ты, что, поскольку причина здоровья
Их обоюдна, должна обоюдною быть и природа.

Кроме того, если кто отрицает чувствительность тела
И говорит, что душа в смешении с телесным составом
Это движение дает, что у нас называется чувством,
Тем отвергает он то, что для всех несомненно и явно.
Чем же еще доказать в самом деле чувствительность тела,
Если не тем, что гласит и внушает сама очевидность?
«Но ведь с утратой души пропадает и чувство у тела».
Да, но теряет оно не свое исключительно свойство, —
Много и кроме того оно, жизни лишаясь, теряет.

А утверждать, что глаза ничего не способны увидеть,
Но что глядит через них наш дух, как в открытые двери,
Трудно: ведь зренье само восстает против этого мнения
И заставляет считать, что зрачками мы видим предметы.
Часто к тому же еще мы не видим блестящих предметов,
Так как препятствует свет светильникам нашего тела.
Так не бывает с дверьми: ведь когда через них мы взираем,

Створы открытые их никаких затруднений не знают.
Кроме того, коль глаза только двери у нас заменяют,
То с устранением их, очевидно, гораздо бы лучше
Видеть способен был дух, коль самих косяков бы не стало.

В этих вопросах, смотри, не держись ты такого же взгляда,
Как полагает о том Демокрита священное мнение:
Будто одно за другим расположены первоначала
Тела и духа и так, чередуясь, связуют все члены.
Ведь элементы души, разумеется, мельче гораздо
Тех, из которых у нас составляются тело и мясо,
Да и число их не так велико, и рассеяны реже
В членах они; и тебе остается одно заключение,
Именно: столь же малы расстояния между собою
Первоначал у души, сколь малы и тела, что впервые
Прикосновеньем у нас вызывают движения чувства.
Ибо не чувствуем мы иногда ни пылинок, прилипших
К телу, ни мела того, что порой осыпает нам члены;
Также, коль ночью туман или тонкая сеть паутины,
Встретившись, нас обовьют, то мы их на ходу не заметим;
Да и покров паука износившийся, сверху упавший
Прямо на голову нам, и пушинки, и семя летучек,
Вследствие легкости их летящие медленно книзу,
Не ощутимы для нас, как и ползанье всяческой твари,
И невозможно никак различить прикосание к телу
Каждой ноги комара и следов остальных насекомых.
Многое должно у нас, таким образом, тут возбудиться,
Прежде чем в теле души семена, что вмешаны в члены,
Первоначал потрясенье телесных почувствовать смогут
И, несмотря на свои расстоянья, взаимно столкнуться,
Вместе друг с другом сойдясь, и опять растолкнуться успеют.

Дух же при этом сильнее бытия охраняет устои,
Нежели сила души, и над жизнью господствует больше.
Ибо совсем без ума и без духа не может остаться
Часть никакая души и мгновения времени в членах,
Но, уходя ему вслед, разлетается в воздухе тотчас,
В холоде смерти лежать коченелое тело бросая.
Но остаются в живых, в ком ум их и дух удержался,
Даже когда у них все изувечены руки и ноги:
Словно колода они, без души, удаленной из членов,
Всё-таки живы еще и вдыхают живительный воздух.
Если души человек лишен не всецело, но большей
Части ее, то и тут за жизнь он цепляется крепко.
Так, если око кругом изранено, но невредимым
Будет зрачок, то живой не лишается зрение силы,
Если глазного совсем не испортишь ты яблока только
И не обрежешь его, одинокой оставив зеницу:
Этого сделать нельзя без гибели их обоюдной.
Если ж разрушишь ее, эту среднюю глаза частичку,
Сразу закатится свет и сейчас же наступят потемки,

Хоть бы во всем остальном и сияло яблоко целым.
Вот как и дух и душа договором связуются вечным.

Чтобы теперь ты постиг, что как дух, так и легкие души
Всеяких созданий живых и рождаются и умирают,
Все изысканья свои — плоды моей сладкой работы —
Здесь пред тобою в стихах я, достойных тебя, излагаю.
Ты ж, под названьем одним понимая и то и другое,
Знай, что когда, например, говорю о душе я и смертность
Я доказую ее, то и дух вместе с ней разумею,
Ибо и дух и душа составляют единую сущность.
Прежде всего, состоит эта тонкая сущность из мелких
Тел, как сказал я уже, и начала ее несравненно
Меньше, чем те, из каких образуется жидкая влага,
Или туман, или дым, потому что она превосходит
Живостью их далеко, и малейший толчок ее движет,
Ибо и призрак тумана иль дыма ее уже движет.
Так в усыплении сна нам может представиться, будто
Жар высоко алтари выдыхают и дымом курятся;
Носятся призраки лишь без сомнения тут перед нами,
Так что, коль видишь теперь, что течет из разбитых сосудов
Влага и жидкой струей отовсюду из трещин выходит,
Если туман или дым точно так же уносятся в воздух,
Верь, что расходится так и душа и, быстрее гораздо
Вновь разлагаясь в тела изначальные, гибнет скорее,
Только лишь члены она человека, покинув, оставит.
Ибо, коль тело, что ей как будто бы служит сосудом,
Душу не может уже, потрясенное, сдерживать больше,
Ежели кровь из него утекла и оно разрешилось,
Как допустить, что ее в состоянии сдерживать воздух?
Реже, чем тело, ведь он и не в силах удерживать душу!

Дальше, мы видим, что ум одновременно с телом рождается
И одновременно с ним и растет, и стареет с ним вместе.
Ибо, подобно тому, как дети неровной и зыбкой
Ходят походкой, так дух с его мыслью у них еще слабы.
Позже, как, в возраст придя, возмужают они и окрепнут,
Больше рассудка у них, и растет их духовная сила.
После ж, когда уже всё расшаталось от старости тело
И одряхлели от лет всеильных разбитые члены,
Разум хромее, язык заплетается, ум убывает;
Всё пропадает тогда и всё одновременно гибнет.
Следственно должно совсем и душе, наконец, разлагаться
И, распускаясь, как дым, уноситься в воздушные выси,
Так как, мы видим, она, одновременно, как указал я,
С телом рождаясь, растет и под бременем старости никнет.

Надо добавить еще, что, подобно тому, как и тело
Тягостно мучат недуг и жестокие боли порою,
Так же подвержен и дух и заботам, и горю, и страху,
А потому надлежит ему также причастным быть смерти.

Мало того: коль болезнь поражает нам тело, то часто
Дух начинает блуждать и высказывать вздорные мысли;
А иногда погружается он летаргией глубокой
В сон непробудный; тогда и глаза поникают, и шея;
Тут уж не слышит больной голосов, и не в силах он больше
Ближих узнать, что его, окружая, стараются к жизни
Снова вернуть и лицо орошают и щеки слезами.
Стало быть, надо признать, что и дух разлагается также.
Если глубоко в него проникает зараза недуга.
Ибо и боль и недуг — одинаково зодчие смерти,
Как убедиться могли на гибели многих мы раньше.
И, наконец, почему, когда внутрь человека проникнет
Едкая крепость вина и огонь разольется по жилам,
Все тяжелеет у нас, заплетаются ноги, коснеет
Тело, шатаясь; язык цепенеет, и ум затуманен;
Мутны глаза, поднимаются крик, икота и ссоры.
Да и дальнейшее все, что при этом бывает обычно?
Не потому ль это так получается всё постоянно,
Что даже в теле душа возмущается крепостью винной?
То же, что может прийти в возмущенье и быть пораженным,
Явно, конечно, должно, при внедрении несколько большей
Силы, погибнуть вконец, продолжения жизни лишившись.
Мало того: человек, пораженный внезапным припадком,
Часто у нас на глазах, как от молнии удара, на землю
Падает с пеной у рта и, дрожа всеми членами, стонет;
Нет сознания в нем, сведены его мускулы корчей,
Дышит прерывисто он и разбитый лежит, обессилев.
Всё это нам говорит, что душа, расторгаясь в суставах
Силой болезни, кипит и пенится, как на соленом
Море бушуют валы под напором неистовым ветра.
Сон вырывается тут, потому что стесняются болью
Члены, и так как всегда семена извергаются крика,
Идя наружу, из уст, и, склুবившись вместе, несутся
Торной дорогой, какой выходить постоянно привыкли.
А помрачение ума происходит, когда возмутятся
Дух и душа и, как я указал, разделяясь на части,
Врозь раздробятся они и расторгнутся этим же ядом.
После ж, как вспять повернет источник болезни, и в недра
Едкая влага назад, отравившая тело, вернется,
Как в опьянении, больной поднимается, мало-помалу
В чувство приходит опять, и душа его вновь оживает.
Если ж и душу и дух потрясают такие болезни
В теле самом и такой их ужасный недуг расторгает,
Как же ты можешь считать, что без тела, на воздухе вольном,
С буйными ветрами жизнь продолжать они были бы в силах?
Если ж мы видим, что ум точно так же, как тело больное,
Можно лечить и что он врачеванью вполне поддается,
Это нам тоже дает указание, что жизнь его смертна.
Должен ведь что-то придать иль по-новому части расставить,
Или от целого взять хотя бы ничтожную долю
Всякий, кто вздумал бы дух изменять и к тому приступил бы,

Или еще что—нибудь переделывать стал бы стремиться.
Но не потерпит ничто, одаренное жизнью бессмертной,
Ни прибавленья частей, ни смещения их, ни утечки.
Ведь, коль из граней своих что—нибудь, изменяясь, выходит,
Это тем самым есть смерть для того, чем оно было раньше.
Значит, болеет ли дух, поддается ль порой врачеванью, —
Признаки смертности он, как уж я указал, проявляет.
Так, очевидно, всегда восстает против ложных учений
Правда, и выхода им никуда не дает никакого,
С той и с другой стороны возражением ложь обличая.

И, наконец, человек на глазах у нас часто отходит
Мало—помалу и жизненных чувств он лишается вовсе;
Прежде всего, на ногах его пальцы и ногти синеют,
Там отмирают ступни и голени, следом за ними
Смерти холодной следы проникают и дальше в суставы.
Так как при этом душа распадается дальше, не сразу
Вся целиком исходя, то должно считать ее смертной.
Если же думаешь ты, что сама она может в суставах
Сжаться внутри и свои все части сплотить воедино,
В теле все члены лишив таким образом всякого чувства,
Должно, однако, тогда то место, куда накопилось
Столько души, обладать и чувством значительно большим.
Нет нигде таких мест, и душа, как уж мы говорили,
В клочья растерзана, вся разлетается, следственно — гибнет.
Мало того: если я уступлю даже ложному мнению
И допущу, что душа в состоянии в теле склубиться
У покидающих свет, умирающих мало—помалу,
Всё—таки смертность души признать непременно придется,
И безразлично для нас: погибает душа, разлетаясь
В воздухе, или, стянув свои части, она цепенеет,
Ежели весь человек всё больше и больше теряет
Чувства, и жизни ему остается всё меньше и меньше.

Кроме того, если ум есть часть человека, в котором
Место известное он занимает, как глаз или ухо,
Или любое из чувств, управляющих жизни движеньем,
И, наподобье того, как рука, или глаз, или ноздри
Чувствовать так же, как жить без нас неспособны отдельно,
Но загнивают всегда, разрушаясь в короткое время,
Так самобытно и дух, вне тела и вне человека,
Быть не способен; оно ему служит как будто сосудом
Или еще чем—нибудь, коль найдешь единение ближе,
Ибо теснейшая связь существует меж духом и телом.

И, наконец, у живых способностей тела и духа
Силы бывают и жизнь, лишь когда они связаны вместе.
Сам по себе ведь ни дух самобытно без тела не может
Жизни движений создать, ни бездушное тело не в силах
Ни бытия продолжать, ни остаться владеющим чувством.
И, наподобье того, как, вырванный с корнем, вне тела

Не в состоянии глаз различать никакого предмета,
Так самобытно ни дух ни душа ни на что не способны.
Да и понятно: они в смешении по жилам и мясу,
По сухожилиям, костям — во всем заключаются теле;
Первоначалам у них невозможно свободно отпрянуть
На промежуток большой; из-за этого, будучи сперты,
Чувств движенья они вызывают, а если их в воздух
Выкинет смерть, то уже они вызвать их будут не в силах,
Ибо в подобной связи они больше не будут держаться.
Телом ведь станет тогда и живым существом будет воздух,
Коль удержаться душе в нем возможно и все те движенья
В нем заключить, что вела она в мышцах и в теле пред этим.
Должен еще и еще таким образом ты убедиться,
Что, с разложением всей оболочки телесной, с исходом
Жизни дыханья, должны рассеяться чувства у духа
Вместе с душой, раз одна связует их вместе причина.

И, наконец, если тело с душой не выносит разрыва
И гнивает всегда, издавая ужаснейший запах,
Что ж сомневаешься ты, что, из самых глубин устремляясь,
Вон истекает душа и расходится, дыму подобно,
Тело же из-за того, изменяясь гниением, так тяжко
Рушится, что до основ все устои его расшатались,
После того как душа, ускользя наружу, по членам
И закоулкам и всем находящимся в теле отверстиям
Вытекла? Всячески ты в состоянии теперь убедиться
В том, что души естество разделенным выходит по членам
И, еще в теле самом находясь, расторгается прежде,
Чем, выходя из него, выплывает в воздушные токи.
Мало того, находясь еще в жизни пределах, нередко
Видимо всё-таки вон, по какой-то причине колеблясь,
Выйти готова душа и от тела совсем отрешиться;
И выражение лица, как пред смертью, становится томным
И без движенья лежит ослабелым бескровное тело.
Это бывает, когда говорится, что «дух захватило»
Или «душа замерла», когда все уж кругом суетятся,
С жизнью последнюю связь удержать в человеке стараясь;
Тут ведь и ум потрясен, и душевные силы, в расстройстве
Полном, готовы уже вместе с телом самим развалиться,
Так что удар посильней окончательно их бы разрушил.
Что ж? сомневаешься ты и теперь, что с изгнанием из тела,
Без оболочки своей и без сил, на открытом просторе
Не в состоянии душа не только прожить вековечно,
Но и на миг лишь один удержаться никак не способна?
И ни один человек, умирая, не чувствует, видно,
Чтобы душа целиком исходила из целого тела
Иль чтоб сначала в гортань проходила она через горло;
Нет, убывает она на своем, ей назначенном месте,
Так же как чувства всегда на местах своего положенья
Гибнут. А если бы ум бессмертным у нас оказался,
То не сердился бы он на погибель свою, умирая,

Но, наподобье змеи, вылезал бы наружу из кожи.

Не оттого ль, наконец, и наш ум и сознание духа
Ни в голове, ни в ногах, ни в руках не роятся, а только
В области точной у всех и в едином содержатся месте,
Что для отдельных вещей отведен и особый участок,
Где и роятся они и где могут потом развиваться,
Располагаясь притом в таком многосложном порядке
Членов, который у них никогда не бывает превратен?
И, таким образом, всё идет по порядку: ни пламя
Не возникает в воде, ни холод в огне не родится.

Кроме того, коль душа, обладая бессмертной природой,
Чувства способна иметь, отделившись от нашего тела,
Всеми пятью наделить ее чувствами надо, пожалуй,
Ибо никоим путем мы иначе себе и представить
Не в состоянии душ, что блуждают в глуби Ахеронта.
Именно так в старину и писатели и живописцы
Изображали их нам наделенными чувствами всеми.
Но ведь ни глаз, ни ноздрей, ни руки у души не бывает,
Ни языка, ни ушей, раз она отделилась от тела;
Значит, ни чувства ни жизнь без тела для душ невозможны.

Если же в теле везде ощущение жизни разлито,
Одушевляя его, как мы видим, во всем его целом,
То, коль в средину удар, нанесенный внезапною силой,
Сразу его поразит, и оно пополам расщепится,
Ясно, что сила души, расчлененная тем же ударом,
Врозь разлетится тогда, одновременно с телом распавшись.
То же, что может, дробясь, разделяться на разные части,
Не позволяет признать за собою бессмертной природы.
Так, говорят, лезвья колесниц серпоносных нередко
Столь неожиданно рвут тела в беспорядочной бойне,
Что на земле увидеть отсеченные руки и ноги
Можно в то время, как ум и сознание людей не способны
Боли еще ощутить, причиненной стремительной раной;
Ибо весь ум у людей всецело захвачен сраженьем,
И на резню и на бой они рвутся с остатками тела,
Часто не видя, что нет уже левой руки, и волочат
Кони ее со щитом средь колес и серпов беспощадных;
Не замечает один, что без правой он на стену лезет,
На ногу хочет другой опереться, которой уж нету,
А шевелит на земле она пальцами в корчах предсмертных;
И голова, отлетев от живого и теплого тела,
Жизнь сохраняет в лице и во взоре, широко открытом,
Вплоть до того, как души не исчезнет последний остаток.
Мало того: коль змею с ее жалом мелькающим, грозно
Кверху поднятым хвостом и растянутым телом, на части
Ты бы железом рассек, то увидел тогда бы, как порознь
Каждый кусок по земле, отрезанный только что, в корчах
Бьется и почву кругом заливает отравленной кровью;

Как голова ее хвост укусить устремляется пастью,
Чтоб утолить свою боль, причиненную жгучею раной.
Что же, придется признать у каждой из этих частичек
Целую душу? Но тут воспоследует вывод, что в теле
У одного существа заключались многие души.
Значит, распалась душа, что единой была, вместе с телом.
И потому надо счесть, что смертна она, как и тело,
Ибо на много частей они могут равно рассекаются.

Кроме того, коль душа обладает бессмертной природой
И поселяется в нас, при рождении в тело внедряясь,
То почему же тогда мы не помним о жизни прошедшей,
Не сохраняем следов совершившихся раньше событий?
Ибо, коль духа могла измениться столь сильно способность,
Что совершенно о всём миновавшем утратил он память,
Это, как думаю я, отличается мало от смерти.
И потому мы должны убедиться, что бывшие души
Сгибли, а та, что теперь существует, теперь и родилась.

Кроме того, коль уже в совершенно готовое тело
К нам бы вселялись всегда способности духа живые,
С нашим рождением на свет и вступлением на берег жизни,
То не могла бы душа в совокупности с членами тела,
В самой крови находясь, развиваться всё дальше, как видно,
Но как бы в клетке тогда самобытно жила одиноко,
Тело же всё-таки быть продолжало б исполненным чувства.
А потому, повторю, невозможно считать, что рожденья
Души не знают совсем и свободны от смерти законов.
Ибо представить нельзя, что так крепко вплетались бы души
В наши тела, коли в них извне бы они проникали,
И очевидность гласит, что бывает совсем по-другому:
Ибо связуется так с сухожилиями, жилами, мясом,
Да и с костями душа, что зубам даже свойственно чувство,
Как указывает на то их боль от воды ли холодной
Иль от песчинки, на зуб при жеваньи попавшей из хлеба.
Если ж в сплетеньи таком находятся души с телами,
То и распутаться им невинно и выйти свободно,
Видно, нельзя изо всех сухожилий, костей и суставов.
Если ж подумаешь ты, что, извне проникая нам в тело,
Обыкновенно душа растекается всюду по членам,
То тем скорее она, растворенная в теле, исчезнет.
Ведь разрушается всё, растекаясь, а следственно — гибнет.
Ибо душа, расчлняясь, по скважинам тела проходит.
Как наша пища, везде расходясь по суставам и членам,
По разложению своем образует иную природу,
Так же и дух и душа, сколь бы целыми в новое тело
Ни проходили, должны они там распускаться, в то время
Как через скважины все проникают в суставы частицы,
Производящие ту наличную духа природу,
Что управляет теперь нашим телом, рожденная раньше
Тою душой, что уже, разойдясь по суставам, погибла.

А потому ни рождения дня, очевидно, не может
Быть лишенной душа по природе своей, ни кончины.

Кроме того, семена остаются ль души в бездыханном
Теле иль нет? Коли там пребывают они, оставаясь,
То мы не в праве тогда почитать за бессмертную душу,
Раз при уходе своем она терпит какую-то убыль.
Если ж бежит она вон, целиком сохраняясь и в теле
Вовсе частей никаких от себя не оставив, — откуда,
Гнить начиная, червей испускают смердящие трупы?
Да и откуда же тут такую несметною кучей
В теле распухшем кишеть бескостным, бескровным
созданиям?

Если же думаешь ты, что, извне проникая, способны
Души внедряться в червей, по отдельности в каждое тело,
И не размыслил о том, почему же собираются вместе
Души несметные там, откуда одна удалилась,
Вот что тебе обсудить и обдумать, однако, придется:
Надо ль признать, наконец, что охотятся души за каждым
Семенем этих червей, для себя обиталища строя,
Или внедряются к ним в совершенно готовое тело?
Но для чего же им так поступать и зачем утруждаться
Этим, сказать мудрено: раз они улетели из тела,
Их не тревожат уже ни болезни, ни голод, ни холод;
Тело ведь больше всего ото всех этих недугов страждет,
И подвергается дух в сочетаньи с ним множеству бедствий.
Но, даже если для души и полезно создание тела,
Чтобы вселиться в него, то не видно, как сделать им это.
Стало быть, членов и тел никогда себе души не строят.
Но и внедриться душе в совершенно готовое тело
Также нельзя, ибо с ним невозможно ей будет связаться,
И в сочетаньи таком не проявится общего чувства.

Не оттого ль, наконец, присуща свирепая лютость
Львиной семье, и лисе — коварство, а прыткость оленям
Передана от отцов, и в отцовском дрожат они страхе,
Не оттого ли и все остальные подобные свойства
Всем врождены и живут от младенчества в теле и в нраве,
Что возрастает во всех семенах и семействах отдельных
С телом совместно и дух, одинаково с ним развиваясь?
Если ж была бы душа бессмертна и вечно меняла б
Тело на тело, то нрав у животных тогда бы мешался:
Часто бежали бы прочь, нападения пугаясь рогатых
Ланей, гирканские псы, трепетал бы в воздушных высотах
Сокол парящий и вдаль улетал бы, завидя голубку,
Ум оставлял бы людей, разумели бы дикие звери.
Ибо, когда говорят, что бессмертна душа, но меняться
Может, сменяя тела, то такое суждение ложно.
Ведь разрушается всё, что меняется, следственно — гибнет.
Части ж души и смещаются тут и выходят из строя,
А потому разрушаться должны они также во членах

И, наконец, погибать целиком одновременно с телом.
Если же скажут, что души людей возвращаются вечно
Снова в людские тела, почему же, спрошу я, из умных
Можно им глупыми стать, почему неразумны младенцы,
И жеребенок не так понятлив, как взрослые кони?
«Да потому, — говорят, — что становится в немощном теле
Немощен ум». Но тогда ты обязан признать непременно
Смертность души, раз она изменяется в теле так сильно,
Что совершенно и жизнь и начальное чувство теряет.
Да и каким же путем одинаково с телом возможно
Было б, окрепнув, достичь желанного жизни расцвета
Силе духовной, не быв от рождения связанной с телом?
Что ж она вырваться вон из дряхлеющих членов стремится?
Иль она в теле гнилом опасается быть заключенной
И погребенною быть под обломками храмина ветхой
При разрушении ее? Но опасностей нет для бессмертных!

И не смешно ль, наконец, что стоят при соитях любовных
И при рождении зверей в нетерпении души на страже:
Смертного тела они, бессмертные, ждут не дождутся
В неисчислимом числе и, бросаясь стремительно, рвутся
Первое место занять и скорее других водвориться?
Или, быть может, у них установлены точно законы,
Что прилетевшая первой душа и внедряется первой,
И никаких состязаний и распрей у них не бывает?

И, наконец, ни деревьев в эфире не может, ни в море
Быть никогда облаков, ни рыб водиться на пашнях;
И не бывает ни крови в дровах ни сока в камнях:
Точно назначено, где чему быть и где развиваться.
Так же и духа природа не может без тела возникнуть
И пребывать самобытно, отдельно от мышц и от крови.
Если же это и было б возможно, гораздо скорее
Сила бы духа сама в голове, иль в плечах, или в пятках
Быть бы могла и в любой из частей зарождаться, но всё бы
В том же она человеке и в том же сосуде осталась.
Если же в теле у нас, очевидно, назначено точно
Место особое, где существуют и могут развиваться
Дух и душа, то тем больше должны мы всецело отвергнуть,
Что они могут одни, вне тела, и быть и рождаться.
Вот почему неизбежно признать, что с кончиною тела,
Всюду расторгена в нем, и душа одновременно гибнет.
Вечное ведь сочетать со смертным и думать, что вместе
Чувствовать могут они и что действия их обоюдны, —
Это безумье и вздор. Что представить себе мы раздельней
Можем и что меж собой различней и более розно,
Если не смертное всё по сравненью с бессмертным и вечным,
При сочетаньи в одно для отпора неистовым бурям?
Кроме того, всё то, что вечным должно оставаться,
Или, по плотности тела, должно, отражая удары,
Не допускать, чтобы что-нибудь внутрь проникало и связи

Тесные разъединяло частей, — таковая природа
Есть у материи тел, на что я указывал раньше;
Или же может оно потому сохраняться вовеки,
Что не подвержено вовсе толчкам — пустоты это свойство:
Неосязаема вовсе она и ударов не терпит;
Или еще потому, что кругом нет места, куда бы
Всё это будто бы врозь могло разойтись и растаять:
Вечное всё таково мироздание в целом, и места
Вне его нет, чтобы врозь разлететься, и тел нет, какие
Пасть на него бы могли и толчком его мощным разрушить.
Если же душу скорей почитать за бессмертную должно,
Как под защитою стен, образуемых силами жизни,
Иль потому, что она никаким недоступна недугам,
Иль, что каким-то путем отражаются все нападения,
Раньше чем нам ощутить удастся всю их вредоносность,
То это к нашей душе не имеет совсем отношенья.
Кроме того, что душа и телесным подвержена болям,
Часто случается так, что она от предчувствий страдает.
Места от страха себе не находит, заботой томится,
И за проступки ее угрызения совести гложут.
Вспомни к тому же еще о безумьи, беспамятстве духа,
Вспомни, как в черную глубь погружается он летаргии.

Значит, нам смерть — ничто и ничуть не имеет значенья,
Ежели смертной должна непременно быть духа природа.
Как в миновавших веках никакой мы печали не знали,
При нападении войск отовсюду стекавшихся пунов,
В те времена, когда мир, потрясаемый громом сражений,
Весь трепетал и дрожал под высокими сводами неба,
И сомневались все человеки, какому народу
Выпадут власть над людьми и господство на суше и море,
Так и когда уже нас не станет, когда разойдутся
Тело с душой, из которых мы в целое сплочены тесно,
С нами не сможет ничто приключиться по нашей кончине,
И никаких ощущений у нас не пробудится больше,
Даже коль море с землей и с морями смешается небо.
Если же сила души и природа духовная всё же
Чувства могла бы иметь, и расторжена будучи с телом,
То и тогда бы ничто это было для нас, раз мы только
Узами тела с душой и союзом их сплочены тесно.
Да и когда б вещество собиралось наше обратно
Временем после кончины и в нынешний вид возвращалось,
Если вторично на свет появиться дано бы нам было,
Всё-таки это для нас не имело бы вовсе значенья,
Так как о прошлом уже была б у нас прервана память;
Так же, как ныне для нас безразлично, чем были мы раньше,
И не томимся о том мы теперь никакою тревогой.
Ибо, коль взор обратить на прошедшее, мыслью окинув
Всю необъятность веков, и подумать, сколь многообразны
Были материи всей движенья, легко убедиться,
Что семена, из каких мы теперь состоим, принимали

Часто порядок такой, в каком пребывают и ныне.
Но тем не менее нам былого того не вспомнить:
Падает тут перерыв бытия, при котором потоки
Тел основных лишены были чувства и праздно блуждали.
Если же в будущем ждут и несчастья и горе, то должен
В это же время и тот оказаться, с кем могут случиться
Эти невзгоды, но раз изымает их смерть, преграждая
Жизнь у того, кто бы мог подвергнуться скопищу бедствий,
Ясно, что нам ничего не может быть страшного в смерти,
Что невозможно тому, кого нет, оказаться несчастным,
Что для него всё равно, хоть совсем бы на свет не родиться,
Ежели смертная жизнь отнимается смертью бессмертной.

А потому, если кто при тебе сокрушается горько
И негодует на то, что сгниет его тело в могиле,
Или же пламя его иль звериная пасть уничтожит,
Ясно, что он говорит не искренне, что уязвляет
Сердце его затаенная мысль, вопреки увереньям
Собственным, что никаких ощущений со смертью не будет;
Не соблюдает, по мне, он своих убеждений заветных,
С корнем из жизни себя извлечь не желая и вырвать,
Но бессознательно мнит, что не весь он по смерти погибнет.
Ибо тому, кто живой представляет себе, что по смерти
Тело терзают его и птицы и дикие звери,
Жалко себя самого; он себя отделить не способен
И отрешиться вполне от простертого трупа: себя он
Видит лежащим пред ним, и свои придает ему чувства.
В негодовании он на то, что смертным родился,
Не сознавая того, что при истинной смерти не может
Быть никого, кто бы мог, как живой, свою гибель оплакать,
Видя себя самого терзаемым или сожженным.
Ибо, коль горестно быть после смерти раздробленным пастью
Диких зверей, почему не ужасно — понять не могу я —
В пламени жарком гореть, на костре погребальном пылая,
Или положенным в мед задохнуться и мерзнуть от стужи,
Ежели труп распростерт на холодных камнях гробницы
Или могильной землей засыпан и тяжело раздавлен.

«Нет, никогда ни твой радостный дом ни жена дорогая
Больше не примут тебя, не сбегутся и малые дети
Наперерыв целовать и наполнить отрадою сердце.
Не в состоянии ты уже больше способствовать благу
И процветанью родных. Погубил, о несчастный! — вызывают

Этот единственный день злополучный все радости жизни!»
Но не прибавит никто: «Но зато у тебя не осталось
Больше тоски никакой, ни стремленья ко всем этим благам».
Если же мысли у них и слова бы их были разумны,
Стал бы свободен их ум от великой заботы и страха.
«Ты ведь, как был, так и впредь в усыплении останешься
смертном

Все остальные века без забот и без тягостной скорби,
Мы же пред жутким костром, где твой труп обращается в
пепел,

Мы безутешно тебя оплакали; вечной печали
Нам никогда не унять и не вырвать из скорбного сердца».
Надо спросить у того, кто так рассуждает: «Да что же
Горького тут, — коли всё возвращается к сну и покою, —
Чтобы всегда изнывать и томиться в тоске безысходной?»

Люди нередко еще, возлежа на пиру и подъявля
Кубки и лица себе осенивши венком, начинают
Так от души восклицать: «Коротко наслаждение людишек:
Было — и нету его, и никак не вернуть его снова».
Точно по смерти для них нет большего зла и несчастья,
Чем непрерывно страдать иссушающей жгучею жаждой
Иль угнетенному быть неуёмным иным вождельем.
Но ведь никто о себе и о жизни своей не жалеет,
Если и тело и ум погружаются в сон безмятежный,
Ибо охотно идем мы на то, чтобы сон этот вечно
Длился, и мы никогда о себе не тоскуем при этом.
И тем не менее тут во всем нашем теле и членах
Первоначала всегда сохраняют движения чувства,
Раз, пробудившись от сна, человек ободряется снова.
Смерть, таким образом, нас еще меньше касается, если
Можно быть меньше того, что ничто представляет собою,
Ибо материя тут в беспорядок сильнейший приходит
И расторгается в нас со смертью: никто не проснется,
Только лишь хладный конец положит предел нашей жизни.

Если же тут, наконец, сама начала бы природа
Вдруг говорить и средь нас кого-нибудь так упрекнула:
«Что тебя, смертный, гнетет и тревожит безмерно печалью
Горькою? Что изнываешь и плачешь при мысли о смерти?
Ведь коль минувшая жизнь пошла тебе впрок перед этим,
И не напрасно прошли и исчезли все ее блага,
Будто в пробитый сосуд налитые, утекли бесследно,
Что ж не уходишь, как гость, пресыщенный пиршеством
жизни,

И не вкушаешь, глупец, равнодушно покой безмятежный?
Если же всё достоянье твое растеклось и погибло,
В тягость вся жизнь тебе стала, — к чему же ты ищешь
прибавки,

Раз она так же опять пропадет и задаром исчезнет,
А не положишь конца этой жизни и всем ее мукам?
Нет у меня ничего, что тебе смастерить и придумать
Я бы в утеху могла: остается извечно всё то же;
Даже коль тело твое одряхлеть не успело и члены
Не ослабели от лет, — всё равно, остается всё то же,
Если тебе пережить суждено поколенья людские
Иль, если, лучше сказать, даже вовсе избежнешь ты смерти».
Что же мы скажем в ответ, как не то, что природа законный

Иск предъявляет, вставая в защиту правого дела?
Если ж печалится так человек пожилой или старый
И о кончине своей сокрушается больше, чем должно,
То не в праве ль она еще более резко прикрикнуть:
«Прочь со слезами, брехун, уйми свои жалобы тотчас!
Жизни все блага познав, стариком ты сделался дряхлым!
Пренебрегая наличным, о том, чего нет, ты мечтаешь:
Вот и прошла, ускользнув, твоя жизнь и без прока погибла,
И неожиданно смерть подошла к твоему изголовью,
Раньше, чем мог бы уйти ты из жизни, довольный и сытый.
Но, тем не менее, брось всё то, что годам твоим чуждо,
И равнодушно отдай свое место потомкам: так надо»
Думаю, так укорять и бранить нас в праве природа,
Ибо отжившее всё вытесняется новым, и вещи
Восстанавливаются вновь одни из других непременно.
И не уходит никто в преисподней мрачную бездну,
Ибо запас вещества поколениям нужен грядущим,
Но и они за тобой последуют, жизнь завершивши;
И потому—то, как ты, они сгинули раньше и сгинут.
Так возникает всегда неизменно одно из другого.
В собственность жизнь никому не дается, а только на время.
Ты посмотри: как мало для нас значенья имела
Вечного времени часть, что прошла перед нашим рождением.
Это грядущих времен нам зеркало ставит природа
Для созерцанья того, что наступит по нашей кончине:
Разве там что—нибудь ужас наводит иль мрачное что—то
Видится там, а не то, что всякого сна безмятежней?

Всё, что, согласно молве, в глубине Ахеронта сокрыто,
Всё, очевидно, у нас в самой жизни находится здешней.
Тантала нет, что боится висящего в воздухе камня,
Как говорят, цепenea, несчастный, от страха пустого;
В жизни скорее гнетет напрасный страх пред богами
Смертных, и каждый судьбы и случайностей рока трепещет.
И не когтят в Ахеронте лежащего Тития птицы,
Да и не могут они несомненно в груди его мощной
Вечно себе находить предмет для терзаний бессменных,
Как ни громадны его распростертого тела размеры;
Хоть бы распластан он был не на девять югеров только,
А занимали бы всю поверхность земли его члены,
Всё—таки он бы не смог ни мучений вытерпеть вечных,
Ни доставлять непрерывно им пищи собственным телом.
Титий у нас — это тот, кто лежит, пораженный любовью;
Птицы терзают его — то мучительно гложет тревога,
Или же рвут на куски иные заботы и страсти.
Также у нас и Сизиф пред глазами находится в жизни:
Кто от народа секир жестоких и ликторских связок
Жадно ждет, но всегда пораженный и мрачный уходит;
Ибо стремиться ко власти, что тщетно всегда и ничтожно,
Тягостный труд вынося при этом еще постоянно,
Это всё то же, что в гору толкать с напряженным усилием

Камень, который, уже достигнув самой вершины,
Всё—таки катится вниз и опять на равнину несется.
Далее, вечно питать ненасытную духа природу,
Не в состояньи ее удовлетворить благами теми,
Что доставляют для нас времен годовых перемены,
В круговороте своем принося и плоды и утехы
Всякие (мы ж никогда не довольны жизни дарами), —
Это, по—моему, то же, что нам говорят о цветущих
Девах, которые воду в пробитый сосуд наливают,
Он же никак до краев наполниться влагой не может.
Что же до Кербера, Фурий, а также лишённого света
Тартара, что изрыгает из пасти ужасное пламя, —
Этого нет нигде, да и быть безусловно не может.
Страх наказаний зато существует при жизни за наши
Злые дела по заслугам и кара за нашу преступность:
Тюрьмы, свержение вниз со скалы жестокое, плети,
Факелы, пытки, смола, палачи, раскаленные прутья.
Ежели даже их нет налицо, то сознание проступков
Всё—таки мучит людей и стрекалами жалит боязни;
Нет у них и надежд, что конец этим бедам наступит,
Иль хоть какой—то предел наказаниям будет положен:
Ждут и боятся они ухудшения их после смерти.
Так и становится жизнь у глупцов, наконец, Ахеронтом.

Вот что еще ты себе говори иногда в назиданье:
«Собственных света очей даже Анк достославный лишился,
Ну, а насколько же был он лучше тебя, нечестивца;
Много затем и других, и царей и владык многомошных,
Целыми правивших властно народами, тоже погибло;
Даже и тот, кто когда—то по волнам великого моря
Путь проложил и открыл легионам дорогу по глуби,
Кто научил их пешком проходить по соленым пространствам,
Дерзко скакал на конях по пучинам рокочущим понта,
Света лишился и дух из смертного выпустил тела.
И Сципион, эта молния войн и гроза Карфагена,
Отдал кости земле, как самый последний прислужник.
Вспомни создателей ты и наук и художеств изящных,
Вспомни сопутников Муз геликонских, Гомера, который
Скиптром один овладел, но почил, как и прочие люди.
И, наконец, Демокрит, когда уже зрелая старость
Предупредила его о слабеющей силе рассудка,
Сам добровольно понес свою голову смерти навстречу.
Сам Эпикур отошел по свершении поприща жизни,
Он, превзошедший людей дарованьем своим и затмивший
Всех, как и звезды, всходя, затмевает эфирное солнце.
Что ж сомневаешься тут и на смерть негодуешь свою ты,
Чья и живого вся жизнь и зрячего смерти подобна,
Раз ты проводишь во сне ее большую долю бесцельно,
Если, и бодрствуя, ты храпишь и живешь в сновиденьях,
Ужасом вздорным всегда возмущая свой ум беспокойный,
Часто не в силах понять, что тебя угнетает, когда ты,

Жалкий, страдаешь, бедняк, опьяненный заботами вечно,
И в помрачении ума волнуешься ты понапрасну?»

Если бы люди могли настолько же, как они, видно,
Чувствуют бремя, их дух давящее гнетом тяжелым,
Также сознать и причины его, и откуда такая,
Камнем гнетущая грудь, появилась страданий громада,
Жизни бы так не вели, как обычно ведут ее нынче,
Не сознавая, чего они сами хотят, постоянно
К мест перемене стремясь, чтоб избавиться этим от гнета.
Часто палаты свои покидает, кому опостылел
Собственный дом, но туда возвращается снова внезапно,
Не находя вне его никакого себе облегчения;
Вот он своих рысаков сломя голову гонит в имение,
Точно спешит на пожар для спасения горящего дома,
Но начинает зевать, и порога еще не коснувшись;
Иль погружается в сон тяжелый, забыться желая,
Или же в город спешит поскорее опять возвратиться.
Так—то вот каждый бежит от себя и, понятно, не может
Прочь убежать; поневоле с собой остается в досаде,
Ибо причины своей болезни недужный не знает.
А понимай он ее, он бы, всё остальное оставив,
Прежде всего природу вещей постарался постигнуть.
Дело ведь здесь не идет о каком—нибудь часе едином,
А состояньи, в каком неизбежно все смертные люди
Должны по смерти своей во веки веков оставаться.

Что ж, наконец, за несчастная страсть и привязанность к
жизни

Нас заставляет всегда трепетать в постоянной тревоге?
Определенный предел установлен для века людского,
И ожидает нас всех неизбежная встреча со смертью.
Кроме того, обращаясь всегда в окружении том же,
Новых добиться утех нельзя продолжением жизни:
То, чего нет у нас, представляется нам вожделенным,
Но, достигая его, вожделенно мы ищем другого,
И неуёмной всегда томимся мы жаждою жизни.
Нам неизвестно, какой нам выпадет жребий в грядущем,
Что нам готовит судьба и какой нас конец ожидает.
На волос даже нельзя продлением жизни уменьшить
Длительность смерти никак и добиться ее сокращения,
Чтобы поменьше могли мы пробыть в состоянии смерти.
Сколько угодно прожить поколений поэтому можешь,
Всё—таки вечная смерть непременно тебя ожидает.
В небытии пребывать суждено одинаково долго
Тем, кто конец положил своей жизни сегодня, и также
Тем, кто скончался уже на месяцы раньше и годы.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ

По бездорожным полям Пиэрид я иду, по которым
Раньше ничья не ступала нога. Мне отрадно устами
К свежим припасть родникам и отрадно чело мне украсить
Чудным венком из цветов, доселе неведомых, коим
Прежде меня никому не венчали голову Музы.
Ибо, во–первых, учу я великому знанью, стараясь
Дух человека извлечь из тесных тенет суеверий,
А, во–вторых, излагаю туманный предмет совершенно
Ясным стихом, усладив его Муз обаянием всюду.
Это, как видишь ты, смысл, несомненно, имеет разумный:
Если ребенку врачи противной вкусом полыни
Выпить дают, то всегда предварительно сладкою влагой
Желтого меда кругом они мажут края у сосуда;
И, соблазненные губ ощущеньем, тогда легковерно
Малые дети до дна выпивают полынную горечь;
Но не становятся жертвой обмана они, а, напротив,
Способом этим опять обретают здоровье и силы.
Так поступаю и я. А поскольку учение наше
Непосвященным всегда представляется слишком суровым
И ненавистно оно толпе, то хотел я представить
Это ученье тебе в сладкозвучных стихах пиэрийских,
Как бы приправив его поэзии сладостным медом.
Может быть, этим путем я сумею твой ум и вниманье
К нашим стихам приковать до тех пор, пока ты не постигнешь
Всей природы вещей и познаешь от этого пользу.

После того, как тебе объяснил я духа природу:
Как он живет, находясь в связи непосредственной с телом,
И, при разрыве ее, возвращается в первоначала,
Я приступаю к тому, что тесно сюда примыкает.
Есть у вещей то, что мы за призраки их почитаем;
Тонкой подобно плеве, от поверхности тел отделяясь,
В воздухе реют они, летая во всех направлениях.
Эти же призраки, нам представляясь, в испуг повергают
Нас наяву и во сне, когда часто мы видим фигуры
Странные призраков тех, кто лишен лицезрения света;
В ужасе мы ото сна пробуждаемся, их увидавши.
Но и подумать нельзя, чтоб могли из глубин Ахеронта
Души уйти, или между живых пролетали бы тени,
Иль чтоб могло что–нибудь от нас оставаться по смерти,
Если и тело и дух, одновременно с телом погибнув,
Врозь разошлись и опять разложились на первоначала.

Значит, я здесь говорю, что с поверхности всяких предметов
Отображения их отделяются тонкого вида.
Даже тупому уму понять это будет нетрудно.

Но, объяснивши тебе предварительно сущность и свойства
Мира начал основных, и как, различаясь по формам,

Непроизвольно они несутся в движении вечном,
Также и то, как из них созидаются всякие вещи,
Я приступаю к тому, что тесно сюда примыкает.
Есть у вещей то, что мы за призраки их почитаем;
Тонкой они подобны плеве, иль корой назовем их,
Ибо и форму и вид хранят отражения эти,
Тел, из которых они выделяясь, блуждают повсюду.
Прежде всего, от вещей очевидных для нас и доступных
Много таких выделяется тел, что расходятся сразу:
Дым от полен, например, или жар, от огня исходящий,
Или таких, что плотней и гораздо сплетеннее, вроде
Круглой запряжки цикад, оставляемой летней порою,
Или же тонкой плевы, что спадает с поверхности тела
Новорожденных телят, или скользкой змеи оболочки,
Что оставляет она на колючках; ведь часто мы видим,
Как на ветвистых кустах повисают летучие шкурки.
Если же всё это так, то и тонкие образы также
Должны итти из вещей, от поверхности тел отделяясь,
Ибо никак доказать невозможно, что те выделения
Могут скорей отходить от вещей, чем тончайшие эти.
Да и особенно, раз заключает поверхность предметов
Множество крохотных тел, что способны от них отрываться
В точном порядке, всегда сохраняя их облик и форму,
Мчась несравненно быстрее, потому что им меньше
препятствий,

Так как не часты они и на первом находятся месте.
Ибо мы видим, что много вещей к выделениям способны
Не из глубин лишь и недр, как сказали мы раньше, но также
С самой поверхности; так они часто и цвет испускают.
Это бывает, когда фиолетовый, или же красный,
Иль желтоватый покров над обширным театром натянут
И развевается он, к шестам прикрепленный и к брусьям.
Тут и сидящий народ на ступенях, и сцены пространство
Вместе с нарядом матрон и сенаторов пышной одеждой
Эти покровы своей заливают цветною волною,
И, чем теснее кругом театрального зданья ограда,
Тем и цветистей на всем отражается отблеск прекрасный,
И улыбается всё при умеренном солнечном свете.
Если ж окраска идет от поверхности тканей, то должны
Всякие вещи давать и подобию тонкие также,
Раз от поверхности тел отлетает и то и другое.
Значит, как видно, следы несомненные форм существуют;
Реют повсюду они, состоя из прозрачайшей ткани,
И, отделяясь, совсем недоступны для зрения порознь.
Кроме того, всякий дым, как и запах, и жар, и другие
Вещи, подобные им, истекают в рассеянном виде
Из-за того, что, внутри зародясь, из глубин возникая,
По закоулкам пути раздробляются: нет им прямого
Выхода, чтобы уйти, вырываясь сплоченным целым.
Наоборот же: плеву тончайшую внешней окраски
Не в состоянии ничто разорвать при ее отделении,

Раз наготове она и на первом находится месте.
Призраки все, наконец, что являются нам, отражаясь
В зеркале или в воде, иль в поверхности всякой блестящей,
Так как по виду они настоящим предметам подобны,
Должны из образов быть, что исходят от этих предметов.
Значит, у всяких вещей существуют тончайшие формы,
Или подобия их, хоть никто не способен их видеть
Порознь, но все же, путем непрерывных своих отражений,
Видны бывают они, отдаваясь от глади зеркальной.
И сохраняться нельзя, очевидно, им иначе, чтобы
В точности отображать всевозможных предметов фигуры.

Ну, а теперь ты узнай о тончайшей природе такого
Образа. Прежде всего, ты прими во внимание, насколько
Первоначала лежат за пределами нашего чувства,
Будучи мельче всего, что уже недоступно для глаза.
Чтобы, однако, иметь подтверждение этого, надо
Выслушать вкратце тебе, как тонки основные начала.
Много, во-первых, таких существует животных, которых
Третьей доли уже мы никак не способны увидеть.
А каковы же нутра у них части любые должны быть?
Сердца комков или глаз? Их отдельные члены, суставы?
Как они малы! А все по отдельности первоначала,
Сущность откуда души или духа должна получаться?
Разве не видно тебе, до чего они тонки и мелки?
Дальше, растения все, издающие резкий и острый
Запах, полынь, например, горьковатая, иль панацея,
Иль чернобыльник пахучий, иль терпкий тысячелистник, —
Если к любому из них ты хотя бы слегка прикоснешься
Пальцами, всё ж на руке останется запах противный.

* * *

Так что не лучше ль признать, что во множестве,
многообразно
Призраки реют вещей, но без сил и для чувств неприметно?

Но не подумай, смотри, будто те лишь летают повсюду
Призраки разных вещей, что от самых вещей отделились.
Могут рождаться они самобытно и сами возникнуть
В небе, которое мы называем воздушным пространством.
Вверх улетают они, принимая различные формы.
Так в вышине облака, как мы видим, легко закрутившись,
Светлое мира лицо омрачают порою и воздух
Нежат движеньем своим. И нередко нам кажется, будто
Там исполины летят и стелют широкие тени,
Или громада горы надвигается сверху, и камни
С гор низвергаются вдруг, заслоня сияние солнца.
Следом же тучи бегут, принимая обличье чудовищ,
И, расплываясь затем, непрестанно свой вид изменяют,
Переходя из одних очертаний при этом в другие.

Кроме того, небеса, за минуту сверкавшие ясно,
Часто внезапно везде облакаются бурною тьмою
Так, что как будто бы весь с Ахеронта поднявшийся сумрак
Вырвался вон, захватив и заполнив небесные своды.
Вот до чего, когда черная ночь возникает из тучи,
Ужаса мрачного лик угрожает нам, сверху нависнув;
Сколь же ничтожная часть этой тучи есть ее образ,
Нам не исчислит никто и не выразит этого словом.

Ну, а теперь, как легко и как быстро рождаются эти
Призраки, как от вещей постоянным исходят потоком,
Я поясню, чтоб к словам не питал ты моим недоверья.
Ибо поверхность вещей источает всегда изобильно
То, что летит от нее. Истечения эти, встречая
Ткани какие-нибудь, проникают насквозь; но, коль скоро
Твердые камни у них на пути или дерево, тотчас
Врозь расщепляются так, что создать отражений не могут.
Если ж столкнутся они с блестящим и плотным предметом,
С зеркалом, прежде всего, — ничего не бывает такого.
Ибо им тут ни пройти, как проходят они через ткани,
Ни расщепиться нельзя: соблюдает их в целости гладкость.
Вот по причине какой отраженья оттуда к нам льются.
И, хоть внезапно поставь, хоть в любое мгновение любую
Вещь перед зеркалом ты, — отраженье появится сразу.
Ясно теперь для тебя, что с поверхности тел непрерывно
Тонкие ткани вещей и фигуры их тонкие льются.
Множество призраков в миг, таким образом, тут возникает,
Так что мы в праве сказать, что они зарождаются быстро;
И, наподобье того, как должно во мгновение солнце
Много лучей испускать, чтобы все постоянно сияло,
Так же совсем от вещей во мгновение ока в несметном
Множестве призраки их непременно должны уноситься,
Многоразличным путем разлетаясь во всех направлениях,
Так как, куда бы вертеть мы ни начали зеркало, всюду
Вещи оно отразит, сохраняя и цвет их и форму.

Ну, а теперь, какова быстрота и подвижность, с которой
Призраки мчатся, когда сквозь воздух они проплывают,
Так что мгновенно пройти расстояние далекое могут
К месту любому, куда побужденье различным стремятся,
Не многословно тебе объясню, но в стихах сладкозвучных:
Лебедя краткая песнь превосходит тот крик журавлиный,
Что раздается вверху, в облаках, нагоняемых Австром.
Легким, во-первых, вещам, из мелких тел состоящим,
Чаще, чем всяким другим, быстрота очевидно присуща.
Солнечный свет, как и жар, относятся к этим предметам,
Так как они состоят из мелких начальных частичек;
Бьются как будто они друг о друга в пространстве воздушном,
Без промедленья идя непрерывно, под градом ударов:
Тотчас же луч за лучом непременно опять возникает,
Молнья за молнией летит, и одна подстрекает другую.

Значит, подобным путем непременно и призраки могут
Неизмеримую даль пробегать во мгновение ока,
Прежде всего потому, что довольно ничтожной причины,
Что бы их, сзади толкнув, далеко уносила и гнала,
Если, к тому же, вперед они столь быстролетно несутся,
И, наконец, потому, что их редкая ткань при полете
Без затрудненья пройти сквозь любые способна преграды
И просочиться везде, где угодно, в пространстве воздушном.
Кроме того, если тельца вещей, как мы видим, способны
Вон из глубин вылетать потаенных и мчаться, как мчится
Солнечный свет или жар, вылетая наружу, мгновенно
Всюду по своду небес растекаясь широким потоком,
Перелетая моря, заливая и землю и небо,
Что же ты скажешь о тех, что на первом находятся месте
И наготове стоят, и ничто им нестись не мешает?
Видишь ли ты, до чего уходить они будут скорее
И по пространству лететь во много раз дальше в то время,
Как по небесному своду проносится солнца сиянье?
Вот что послужит еще доказательством самым вернейшим
Скорости той, что вещей присуща призракам быстрым:
Стоит лишь вынести нам под открытое звездное небо
Полный водою сосуд, как сейчас же в нем отразятся
Звезды небес и лучи засверкают на глади зеркальной.
Видишь ли ты, наконец, как мгновенно является образ
Из поднебесных высот и пределов земли достигает?

Так что, опять повторю: неизбежно признать вылетанье
Телец, которые бьют по глазам, вызывая в них зренье.
Запахи также всегда от известных вещей истекают,
Так же, как холод от рек, зной от солнца, прибой от соленых
Моря валов, что кругом изъедает прибрежные стены;
Разные звуки летят постоянно по воздуху всюду;
Часто нам в рот, наконец, попадает соленая влага,
Если вдоль моря идем; а когда наблюдаем, как рядом
С нами полынный настой растворяют, мы чувствуем горечь
Так ото всяких вещей непрерывным потоком струятся
Всякие вещи, везде растекаясь, по всем направлениям;
Без остановки идет и без отдыха это течение,
Раз непрерывно у нас возбуждается чувство, и можем
Всё мы увидеть всегда, обонять и услышать звучащим.

Дальше, раз ошупью мы, осязая любую фигуру,
Можем признать в темноте ее тою же самой, что видим
Мы среди белого дня, в освещении ярком, то, значит,
Сходным путем возбуждаются в нас осязание и зренье.
Так что, когда мы впотьмах осязаем квадрат и таким он
Нам представляется тут, то что же квадратным при свете
Взора способно достичь, как не образ того же квадрата?
Видим из этого мы, что причиною зрения служат
Образы нам, и без них ничего мы не можем увидеть.
Призраки эти вещей, о каких говорю я, несутся

Всюду, и мчатся они, разлетаясь по всем направлениям.
Но оттого, что смотреть мы одними глазами способны,
И происходит, что там лишь, куда обращаем мы взоры,
Может по ним ударять и окраска и форма предметов.
И расстояние то, что от нас отделяет предметы,
Образ нам видеть дает и его распознать помогает.
Ибо, от вещи пойдя, он сейчас же толкает и гонит
Воздух, который меж ним и глазами у нас расположен;
Весь этот воздух тогда сквозь наши глаза проскользает
И, задевая зрачки, таким способом дальше проходит.
Так происходит, что мы различаем, насколько далеко
Каждая вещь отстоит. И чем гонится воздуха больше,
Чем протяженной струя, что наши глаза задевает,
Тем отдаленнее нам представляются разные вещи.
Надо сказать, что идет это все с быстротой чрезвычайной,
Так что мы сразу и вещь и ее расстояние видим.
Здесь не должно вызывать удивления в нас, почему же,
Ежели призраков тех, что в глаза ударяют, не можем
Видеть в отдельности мы, различаем мы самые вещи:
Так, когда ветер нас бьет, учащая порывы, иль резкий
Холод струится, то мы ведь обычно не чувствуем порознь
Ветра отдельных частиц или холода; нет, мы скорее
Их совокупность тогда ощущаем и видим, что наше
Тело удары несет, совершенно как будто бы нечто
Бьет нас, давая извне представление о собственном теле.
Кроме того, коль стучать начинаем мы пальцем о камень,
То, прикасаясь к самой его внешней, наружной окраске,
Мы осязаньем совсем не ее ощущаем, а только
Самую твердость скалы до глубоких ее оснований.

Ну, а теперь ты узнай, почему нам за зеркалом виден
Образ; ведь кажется нам, что он вглубь отодвинут далеко.
Это похоже на то, что наружи действительно видно,
Если отворена дверь и, вид открывая свободный,
Из дому многое нам позволяет наружи увидеть.
Воздухом также двойным вызывается виденье это:
Прежде всего различать начинаем мы воздух пред дверью,
Справа и слева затем появляются створки дверные,
Свет задевает глаза после этого внешний, и воздух
Новый, и далее то, что наружи действительно видно.
Так же и образ: когда отразится от зеркала, тотчас
К нашему взору идя, пред собой он толкает и гонит
Воздух, который меж ним и глазами у нас расположен,
Делая так, что его целиком ощущаем скорее,
Нежели зеркало, мы. Но, лишь только мы зеркало видим,
Тотчас приходит от нас до него доносящийся образ
И, отраженный, опять до наших глаз достигает,
И пред собою струю он нового воздуха гонит,
Делая так, что его мы до образа видим; и это
Видеть нам образ дает в расстояньи от зеркала должном.
Так что опять повторю: удивляться нисколько не надо

Что точно так же, как в дверь, мы многое видим, и образ
Виден бывает для нас, отдаваясь от глади зеркальной,
Ибо и тут, как и там, двоякий воздействует воздух.
Части же тела, затем, что у нас расположены справа,
В зеркале будут всегда потому находиться налево,
Что, когда образ, идя, ударяется в зеркала плоскость,
Он неизменным никак обернуться не может, но прямо
Он отдается назад точно так же, как маска из глины,
Если сырою ее ударить о столб или балку;
Коль сохранила б она очертания прежние, тотчас
После удара должна наизнанку у нас обернуться:
Правый глаз у нее тут окажется левым, а бывший
Левым сначала — взамен непременно очутится справа.
Также бывает еще, что, от зеркала в зеркало образ
Передаваясь, дает до пяти и шести отражений.
И, таким образом, все потаенные даже предметы,
Хоть бы скрывались они глубоко в закоулках укромных,
Могут, извилистый путь проходя, появляться посредством
Многих зеркал и свое обнаружить присутствие в доме.
Так, отражаясь, идет из зеркала в зеркало образ:
Будучи с левой руки, переходит направо обратно
И, обернувшись, опять в положеньи является прежнем.
Мало того: зеркала из бочков, обладающих в целом
Тем же изгибом, какой существует у нашего бока,
К нам отсылают назад расположенный правильно призрак
Иль потому, что несется от зеркала к зеркалу образ
И долетает затем до нас, отразившись дважды,
Или еще потому что, идучи, образ крутится
И обращается к нам, искривлению зеркала вторя.
Далее, кажется нам, что призраки ходят и с нами
Вместе шагают и всем подражают движениям нашим
Из-за того, что та зеркала часть, от которой ушли мы,
Перестает от себя отбрасывать призраки тотчас,
Ибо отскакивать всё от вещей заставляет природа
И отражаться назад под таким же углом, как упало.

Дальше: стремятся глаза убежать и укрыться от блеска
Если же станешь смотреть ты на солнце, оно ослепляет,
Ибо и сила его самого велика, да и сверху,
В воздухе чистом летя, его призраки падают тяжко
И ударяют в глаза, приводя в разрушение ткани.
Кроме того, всякий блеск слишком яркий глаза опаляет
Часто нам в силу того, что семян в нем огня заключенных
Много, которые боль порождают, в глаза проникая.
Дальше, становится всё желтоватым, на что ни посмотрит
Всякий желтушный больной, ибо тело у них источает
Много семян желтизны навстречу призраку вещи,
Да и в глаза, наконец, у них вмешано много таких же,
Бледный оттенок всему, что затронут они, придающих.
Из темноты ж потому освещенные видим мы вещи,
Что, хотя мрачная мгла ближайшего воздуха раньше

Нам проникает в глаза открытые, их застияя,
Следом, однако, идет белизною сияющий воздух
И очищает наш взор, разгоняя все черные тени
Воздуха темного: он несравненно его и подвижней,
Тоньше гораздо его и гораздо более мощен.
Только лишь светом своим он проходы глазные заполнит,
Освободивши пути, что до этого заняты были
Воздухом темным, тотчас появляются призраки следом
Всех освещенных вещей, заставляя нас тут же их видеть.
Из освещенных же мест ничего в темноте мы не видим
Из-за того, что вослед надвигается мрачною мглою
Воздух густой и собой отверстия все заполняет;
Все занимает он тут проходы глазные, и призрак
Вещи уже никакой, ударяясь, глаза не затронет.
Если же издали мы на квадратные города башни
Смотрим, то нам потому они круглыми кажутся часто,
Что всякий угол вдали представляется нам притуплённым,
Или он даже скорей незаметен совсем: пропадает
Всякий толчок от него, и удар не доходит до глаза,
Ибо, коль воздуха слой, чрез который все призраки мчатся,
Толст, то удары слабеть начинают от частых препятствий.
Так, когда вовсе углы ускользают от нашего чувства,
Кажется нам под резец округлённой постройка из камня;
Правда, не так, как вблизи действительно круглые зданья,
Но в очертаньях своих приблизительно сходною с ними.
Кажется также, что тень шевелится наша на солнце,
По следу идя и всем подражая движениям нашим,
Ежели только шагать, по-твоему, воздух способен,
Света лишенный, и всем человека движениям вторить:
То ведь, что тенью мы все называем обычно, не может
Что-то иное собой представлять, как не воздух без света.
Это действительно так, потому что земля постепенно
Света лишается там, где солнце, идя, мы закроем,
И наполняется им в том месте, откуда уходим.
Вследствие этого нам представляется как бы бегущей
Прямо за нами та тень, что своим мы отбросили телом.
Вечно ведь света лучи изливаются прежним на смену
И исчезают, как шерсть, коль в огонь ее тянутся нити.
Вот почему так легко земля и лишается света,
И наполняется им, и смывает все черные тени.

Не допускаем при том мы, чтоб глаз хоть слегка ошибался,
Ибо увидеть, где свет, а где тени легли, — это дело
Нашего глаза; но тот же ли свет здесь сияет иль новый,
Та же иль новая тень переходит с места на место,
Иль происходит здесь то, о чем только что мы говорили, —
Этот вопрос разрешить единственно разум обязан;
Глаз же природу вещей познавать совершенно не может,
А потому не вини его в том, в чем повинен лишь разум.
Кажется нам, что корабль, на котором плывем мы, недвижим,
Тот же, который стоит причаленный, — мимо проходит;

Кажется, будто к корме убегают холмы и долины,
Мимо которых идет наш корабль, паруса распутивши.
Звезды кажутся нам укрепленными в сводах эфирных,
Но тем не менее все они движутся без перерыва,
Так как восходят и вновь к отдаленному мчатся закату,
Путь совершив в небесах и пройдя их сверкающим телом.
Кажется нам, что и солнце с луной остаются на месте,
Стоя спокойно, хотя и несутся они в самом деле.
Горы, которые ввысь из морской поднялися пучины,
Между которых проход кораблям остается обширный,
Издали всё—таки нам представляются островом целым.
Даже тогда, как уже перестали ребята кружиться,
Всё еще кажется им, что вертится атрий и ходит
Вся колоннада кругом; и едва они могут поверить,
Что не грозят задавить их, обрушившись, стены и крыша.
И над холмами когда поднимать начинает природа
Красную зорю, в лучах переливных горящую ярко,
Кажется, будто холмы, над которыми солнце восходит,
Прямо вплотную огнем раскаленным оно заливаает.
Тысячи две лишь полетов стрелы отделяет нередко
Все эти горы от нас иль пятьсот перелетов копейных,
А на пространстве от них и до солнца раскинулись глади
Моря огромных равнин, под безбрежным простертым эфиром;
Многие тысячи стран в промежутке находятся этом,
Где и различный народ обитает и всякие звери.
В луже стоячей воды, глубиною не более пальца,
Что меж камней мостовой соберется на улицах наших,
Видно такую же глубь необъятную нам под землю,
Как от земли до небес, распростертую бездной открытой;
Нам представляется тут, что и тучи мы видим и небо,
И в изумлении глядим на небесные звезды под землю.
И, наконец, если конь заупрямится борзый под нами
По середине реки, и мы взглянем на быстрые воды,
Будет казаться тогда, что влечется стремительной силой
Тело коня поперек и уносится против течения;
И, обращая глаза на любые предметы, увидим,
Будто бы мчатся они и плывут точно так же в потоке.
Портик, который в конец из конца равномерно построен,
На протяжении всё утверждённый на равных колоннах,
Кажется всё—таки нам, если вдоль сквозь него мы посмотрим,
Мало—помалу к концу сходящимся конусом узким,
Кровлю сближая с землей и правую сторону — с левой,
Вплоть до того, пока весь не сольется в туманной вершине.
А морякам на морях представляется, будто бы солнце
Утром восходит из волн и в волнах, заходя, потухает,
Ибо они ничего, кроме моря и неба, не видят;
Но не подумай, смотри, что всегда посрамляются чувства.
Кажется в гавани тем, кто не знает морей, что хромают
Все корабли на воде и стоят с перебитой кормою,
Ибо у весел та часть, что из волн выдается соленых,
Прямо идет, и пряма у рулей их надводная доля;

Всё же, что в воду ушло, представляется нам преломленным
Загнутым будто назад и как будто изогнутым кверху,
Так что на самой почти поверхности плавает водной.
Иль, когда ветры начнут по небу ночью порою
Редкие тучи нести, то нам кажется, будто навстречу
Светлые звезды скользят и поверх облаков убегают,
Идя совсем не туда, куда мчатся они в самом деле.
Если же как-нибудь мы, случайно подпершись рукою,
Снизу надавим на глаз, то покажутся нам почему-то
Будто двойными тогда все предметы, какие мы видим:
Станет двоиться в глазах и светильника яркое пламя,
Станет двоиться и вся по дому стоящая утварь,
Так же, как лица людей и тела их начнут раздвояться.
И, наконец, когда сон дремотою сладкою свяжет
Члены, и тело лежит, безмятежным объято покоем,
Всё-таки кажется нам, что мы бодрствуем будто, и члены
Двигутся наши тогда, и в тумане ночном непроглядном
Будто сияние дня и блестящее солнце мы видим;
И, находясь взаперти, мы по морю, и рекам, и горам
В страны иные идем, и поля мы пешком переходим;
Слышим мы звук голосов в суровом безмолвии ночи
И произносим слова, сохраняя, однако, молчанье.
Видим мы много еще в этом роде чудесных явлений,
Словно желающих в нас подорвать всё доверие к чувствам,
Но понапрасну: ведь тут большей частью ведут к заблуждению
Нас измышленья ума, привносимые нами самими,
Видимым то заставляя считать, что чувствам не видно.
Ибо труднее всего отделить от вещей очевидных
Недостоверную вещь, привносимую умственно нами.

Если же думает кто, что немысленно знание, не знает,
Может ли это он знать, коль свое утверждает незнание.
И с утверждающим так заводить не желаю я спора,
Ибо он голову там помещает, где ноги должны быть.
Но тем не менее я, допуская, что знает он это,
Как же, — спрошу, — если он не видал достоверного раньше,
Знает он то, что собой представляет незнание и знание,
Что породило в нем мысль как об истинном, так и о ложном,
Как разобрался он в том, что сомнительно, что достоверно?
Ты убедишься сейчас, что понятие истины чувства
В нас порождают; и чувств опровергнуть ничем невозможно,
Ибо доверие в нас возбуждать наибольшее должно
То, что само по себе своей истиной ложь побеждает.
Что же доверие в нас возбуждать может больше, чем чувство?
Будет ли разум, идя от ложного чувства, способен
Противу чувств возражать, коль из них целиком он исходит?
Если ж не верны они, то и разум весь должен быть ложен.
Или же ухо глаза опровергнуть окажется в силах,
А осязание — слух? Или вкус уличит осязанье,
Или же ноздри его укорят, иль глаза образумят?
Я полагаю, что нет: ведь особые каждому чувству

Область и сила даны, и поэтому необходимо
Чувству особому в нас ощущать то, что мягко, что твердо,
Холодно иль горячо, иль окрашено так иль иначе,
И различать у вещей присущую каждой окраску.
Силой особою вкус обладает, особо родится
Запах, особо и звук. И поэтому необходимо
Следует, что обличать не способны чувства друг друга,
Да и не могут никак они сами себя опровергнуть,
Так как им всем доверять всегда одинаково должно.
А потому то, что им показалось когда-либо, — верно.
Если же разум у нас разобраться не будет способен
В том, почему тот предмет, что квадратен вблизи, издалёка
Кажется круглым, то всё ж, когда нет оснований разумных,
Лучше ошибочно дать объяснения обеим фигурам,
Чем упускать из-под рук неизвестно куда очевидность
И, подорвав основное доверие к чувствам, низвергнуть
То, на чем зиждется вся наша жизнь и ее безмятежность.
Ибо не только падет всякий разум тогда, но погибнет
Самая жизнь вместе с ним, коль ты ввериться чувству не
смеешь

И от стремнин убежать и от прочих опасностей также,
Коих бежать надлежит, и идти за противоположным.
Всё это скопище слов, таким образом, что наготове
С чувствами броситься в бой, будь уверен, — одно
пустословье.

Как при постройке домов, коль начальное криво правило,
Коль наугольник фальшив и от линий прямых отступает,
Если хромает отвес и хотя бы чуть-чуть он неровен,
Всё непременно тогда выйдет здание криво и косо,
Будет горбато, вперед и назад отклоняясь нескладно,
Точно готово сейчас завалиться; и валится часто
Дом, если он пострадал от ошибок в начальном расчете;
Так и суждение твое о вещах будет лживо и вздорно,
Если исходит оно от заведомо ложного чувства.

Ну, а теперь объяснить, каким образом чувства другие
Свой ощущают предмет, не представит больших затруднений.

Слышится, прежде всего, всякий звук или голос, как только,
В уши проникнув, своим они телом нам чувство затронут.
Ибо и голос и звук непременно должны быть телесны,
Если способны они приводить наши чувства в движение.
Голос, к тому же, гортань нам часто скребет, и наружу
Крик исходя, все пути горловые шершавит немало.
Ибо, лишь в узкую щель, накопляясь большою толпою,
Первоначала начнут голосов вырываться наружу,
Выход, конечно, в уста, заполняемый ими, скребется.
Так что сомнения нет, что должны состоять из телесных
Голос и слово начал, раз наносят они пораненья.
Также ты знаешь, какой причиняет телу убыток,
Сколько и нервов берет, сколько сил у людей отнимает

Бесперерывная речь, от сиянья зари восходящей
Произносимая вплоть до глубокого сумрака ночи,
Если, к тому же, она произносится голосом громким.
Значит, признать мы должны непременно, что голос телесен,
Если от долгих речей убывает часть нашего тела.
Голоса грубость всегда порождается грубостью самых
Звука начал основных, а от гладкости гладкость зависит.
В уши внедряются нам разнovidные первоначала:
Коль завывает труба, и глубокие звуки глухие
Дико рокочут ее, отдаваясь раскатистым шумом,
Или когда Геликон средь журчания быстрых потоков
Звонкая лебеда песнь оглашает мольбою унылой.

Дальше, когда из глубин вытесняются нашего тела
Звуки, которые мы через рот выпускаем наружу,
Гибкий, искусный язык на слова разделяет их быстро,
С помощью также и губ, принимающих должную форму.
И коль не долог тот путь, по какому до нас долетает
Каждый в отдельности звук, то и сами слова непременно
Ясно доходят до нас и слышатся членораздельно:
Звук ведь тогда сохраняет свой склад, сохраняет и форму.
Если же слишком далек этот путь для отдельного звука,
В толще воздушной слова неизбежно сливаются вместе,
И, проходя сквозь нее, непременно мешается голос.
Так происходит, что ты, хоть и слышишь какие-то звуки,
Но разобраться в словах и понять их значение не можешь:
Столь неразборчиво звук долетает до нас и столь смутно.
Часто бывает и так, что в народном собраньи до слуха
Всех долетает одно глашатая громкое слово:
Голос единственный здесь дробится на много отдельных
Вдруг, потому что идет, по отдельным ушам разбегаясь,
Звучную форму словам, направляемым в них, придавая.
Та же часть голосов, что до самых ушей не доходит,
Попусту мимо идет и, рассеявшись в воздухе, гибнет;
Часть же другая, в пути отскочивши от твердых предметов,
Звук отдает и порой морочит подобием слова.
Это усвоив, теперь ты себе самому в состоянии,
Как и другим, объяснить, каким образом в местности дикой
Скалы слова отдают, соблюдая их склад и порядок,
Ежели спутников мы, заблудившихся в горных ущельях,
Ищем и голосом их созываем разбредшихся громким.
Видеть пришлось мне места, где раз шесть или семь отдается
Изданный звук, где холмы от холмов отражают немедля
Слово за словом, на них отвечая и вторя друг другу.
Эти места, по словам в соседстве живущего люда,
Служат пристанищем Нимф, козлоногих Сатиров и Фавнов,
Это они, говорят, затевают веселье и ночью
Шумно играют везде, тишину и покой нарушая;
Рокот доносится струн, и жалобно-нежные слышны
Звуки, какие свирель из-под пальцев певцов изливает;
Издали слышит народ деревенский, как Пан, головою

Полузвериной качая венок из веток сосновых,
Часто поджатой губой скользит по стволам тростниковым,
Чтоб на цевнице его заливалась Муза лесная.
Всяких других измышляют они и страшилищ и чудищ,
Чтоб не подумал никто, что пустыни их даже богами
Брошены. А потому и слагают чудесные сказки, —
Или, быть может, еще потому они так поступают,
Что человеческий слух до всяческих росказней падок.

Я продолжаю. Тебе удивляться нимало не надо,
Что сквозь преграды, глазам ничего не дающие видеть,
Звуки доходят до нас и касаются нашего слуха.
Часто, мы видим, идет разговор за затворенной дверью,
Ибо, действительно, там по извилистым голос отверстиям
Может свободно итти, где для образов нету прохода:
Ведь расщепятся они, если эти отверстия не прямые,
Как у стекла, где проплыть может призрак любой без
препятствий.

Кроме того, разлетается голос по всем направлениям,
Ибо одни из других голоса возникают: лишь только
Голос раздался один, как дробится сейчас же на много
Так же, как искры огня рассыпаются в новые искры.
Так в потаенных местах голоса постоянно роятся,
И раздаются их звук, пробуждая окрестности всюду;
Призраки ж все по пути устремляются только прямому,
Как изначала пошли; и поэтому мы не способны
Видеть сквозь стены домов, голоса же оттуда мы слышим.
Впрочем, и голос, когда он проходит в замкнутые двери,
То заглушается всё ж и невнятно внедряется в уши,
Так что скорей не слова, а лишь звуки мы слышим при этом.

То, чем мы чувствуем вкус, — наш язык или нёбо, —
нисколько

Более сложны для нас, при разборе их действий, не будут.
Вкус мы сначала во рту ощущаем, когда при жеваньи
Выдавим сок из еды, наподобье того, как из губки,
Если в руке ее сжать, можно досуха вытянуть воду.
Далее, выжатый сок по проходам расходится нёба
И проникает в язык, по извилистым идучи порам.
Коль основные тела сочащейся жидкости гладки,
Сладко щекочат они и сладко касаются всюду
Влажных пространств языка, из себя выделяющих слюни.
Чувство, напротив, колоть и его раздирать начинают
Эти тела тем скорей, чем грубее они и шершавей.
Вкуса услада, затем, ограничена полостью нёба.
Если же соки прошли через горло и ниже спустились,
Нет услады уже, когда сок разошелся по членам.
И безразлично, какой едою питается тело,
Лишь бы по членам могла разойтись переваренной пища,
А в животе бы всегда сохранялась должная влажность.

Ну, а теперь объясню, отчего для иного иная
Пища подходит, и как то, что гадко иному и горько,
Может казаться другим чрезвычайно приятным и вкусным.
Разница здесь велика, и различие вкусов громадно:
То, что питает одних, для других служит ядом смертельным.
Так, если только змеи коснется слюна человека,
Сгинет змея и себя самоё, искусавши, прикончит.
А с чемерицы, для нас служащей отравой смертельной,
Козы тучнеют и жир нагоняют себе перепелки.
Чтобы понять, отчего это так происходит, ты должен
Вспомнить, во-первых, о том, о чем ранее мы говорили:
Что семена у вещей перемешаны многообразно.
Далее, все существа, что живут и питаются пищей,
Раз непохожи они по наружности, и по породам
Все очертанья у них отличаются внешностью разной,
Значит, они состоят из семян точно так же различных.
Далее, коль семена отличны, должны различаться
Все промежутки, пути (что порами мы называем)
В членах повсюду, во рту и в самом, разумеется, нёбе.
Стало быть, надо одним быть поменьше, другим же —
побольше:

И треугольны у тех они будут, у этих — квадратны,
Многие круглы из них, а иные и многоугольны.
Ибо, раз требует склад и движенье семян изначальных,
То непременно должны быть несхожи по складу и поры
И различаться пути, сообразно строению ткани.
Так, если сладко одним, что другому становится горьким,
То у того, кому сладко, должны, прикасаясь нежно,
Гладкие очень тела расходиться по нёбным проходам;
Наоборот, у того, кому это же кажется терпким,
Грубые в поры идут семена крючковатого складу.
Это поняв, ты легко разберешься и в прочих явлениях.
Так, если желчи приток вызывает у нас лихорадку,
Или иная болезнь по причине другой нас охватит,
Тело приходит тогда в беспорядок полнейший, и всюду
В нем положенья свои изменять начинают начала;
То, что до этого нам подходило и было приятно,
Тут не подходит уже, а другое, напротив, отрадней,
Что, проникая, могло оказаться скорее несносным.
Смесь и того я другого во вкусе имеется меда,
Как я об этом тебе говорил уже часто и раньше.

Ну, а теперь я скажу, каким образом трогает ноздри
Запах. Во-первых, вещей несомненно есть много, откуда
Запахов разных поток, изливаясь, течет и струится;
Надо считать, что они, растекаясь, разносятся всюду.
Но для различных существ приятен и запах различный
Вследствие разности форм. Из-за этого, в воздухе рея,
Издали даже пчела привлекается запахом меда,
Коршунов — падаль манит, по следам же копыт раздвоенных
Чуют собаки, куда побежать за укрывшимся зверем;

Издали слышит уже хорошо человеческий запах
Римских хранитель твердынь и спаситель их — гусь
белоснежный.

Нюх, таким образом, дан различный различным созданиям
И, приводя их к еде, заставляет от смрадного яда
Прочь убегать, и зверей охраняет он этим породы.

Самые запахи все, щекотать нам способные ноздри,
Могут то дальше итти, то на ближнее лишь расстояние.
Но никогда ни один не проходит столь длинной дороги,
Как голоса или звук, доносящийся к нам издалека,
Не говоря уж о том, что глаза поражает и зренье.
Медленно запах идет и, блуждая, в пути погибает,
Мало—помалу легко расходясь в дуновении ветра,
Так как, во—первых, с трудом покидает он недра предметов,
Ибо всегда, из глубин вытекая, является запах,
Как это видно во всем, что разбито и пахнет сильнее,
Так же как то, что растерто, и то, что разрушило пламя.
Надо заметить затем, что начала у запаха больше,
Нежели звука тела, ибо запах сквозь стену из камня
Не в состоянии пройти, голоса же и звуки проходят.
Вот почему не легко нам бывает заметить, как видишь,
В месте каком расположен предмет, от которого пахнет.
Запаха стынет толчок от того, что он в воздухе медлит,
И не доходят до чувств горячими вестники вещи.
Часто поэтому псы блуждают, следы потерявши.

Впрочем, не запахи лишь или вкусы имеют такие
Свойства, как я указал, но и вид и окраска предметов
Не одинаково всем подходящи всегда и приятны:
Могут иные из них быть резче для зренья иного.
Мало того: петуха, привыкшего крыльями хлопать
Ночью и громко кричать, призывая зарю на рассвете,
Ярые львы выносить совершенно не в силах и тотчас,
Только завидят его где—нибудь, обращаются в бегство.
Ясно, конечно, для нас, почему это так происходит:
Некие есть семена, что, от тел петухов отлетая,
Львам попадают в глаза и сверлят им зрачки, причиняя
Острую боль, и для них, хоть и лютых, она нестерпима.
Зренье же наше ничуть от подобных семян не страдает
Иль оттого, что нельзя им проникнуть в глаза, иль, проникнув,
Могут свободно уйти и задержкой своей никакого
Глазу страдания они нигде причинить не способны.

Ну а теперь ты узнай, чем движется дух, и откуда
То, что приходит на ум, приходит, ты выслушай вкратце.
Призраки разных вещей, говоря я, во—первых, витают
Многоразличным путем, разлетаясь во всех направлениях
Тонкие; так же легко они в воздухе, встретясь друг с другом,
Сходятся вместе, как нить паутины иль золота блески.
Дело ведь в том, что их ткань по строению значительно

тоньше

Образов, бьющих в глаза и у нас вызывающих зренье,
Ибо, нам в тело они проникая чрез поры, тревожат
Тонкую сущность души и приводят в движение чувство.
Так появляются нам и Кентавры и всякие Скиллы,
С Кербером схожие псы, и воочию призраки видны
Тех, кого смерть унесла и чьи кости землею объаты:
Всякого вида везде и повсюду ведь признаки мчатся,
Частью сами собой возникая в пространстве воздушном,
Частью от разных вещей отделяясь и прочь отлетая,
И получаясь из образов их, сочетавшихся вместе.
Ведь не живым существом порождается образ Кентавра,
Ибо созданий таких никогда не бывало, конечно;
Но, коли образ коня с человеческим как-то сойдется,
Сцепятся тотчас они, как об этом сказали мы раньше,
Вследствие легкости их и строения тонкого ткани.
Так же и прочее всё в этом роде всегда возникает.
Необычайно легко и с такой быстротой они мчатся,
Как указал я уже, что любые из образов легких
Сразу, ударом одним, сообщают движение духу.
Тонок ведь ум наш и сам по себе чрезвычайно подвижен.

Что это так, без труда из дальнейшего ты убедишься.
Если есть сходство меж тем, что мы видим умом и глазами
То и причины того и другого должны быть подобны.
Раз уже я указал, что льва, предположим, я вижу
С помощью призраков, мне в глазах возбуждающих зренье,
Можно понять, что и ум приходит в движение так же,
С помощью призраков льва, да и прочее всё различая,
Как и глаза, но еще он и более тонкое видит.
И не иначе наш дух, когда сном распростерты все члены,
Бодрствует, как потому, что его в это время тревожат
Призраки те же, что ум, когда бодрствуем мы, возбуждают
Ярки настолько они, что, нам кажется, въяве мы видим
Тех, чьею жизнью давно уже смерть и земля овладели.
Из-за того это всё допускает природа свершаться,
Что в нашем теле тогда все чувства объаты покоем
И не способны к тому, чтобы истиной ложь опровергнуть.
В изнеможении сна к тому же и память слабеет,
В спор не вступая с умом, что добычей могилы и смерти
Стали давно уже те, кто живыми во сне ему снятся.
Не мудрено, наконец, что двигаться призраки могут,
Мерно руками махать да и прочие делать движенья,
Как это часто во сне, нам кажется, делает образ.
Что же? Лишь первый исчез, как сейчас же в ином положении
Новый родится за ним, а нам кажется, — двинулся первый.
Скорость, с которой идет эта смена, конечно, огромна:
Столь велика быстрота и столько есть образов всяких,
Столь необъятен запас частичек в любое мгновенье,
Что ощутимо для нас, и хватить его полностью может.

Много вопросов еще остается и многое надо
Выяснить, ежели мы к очевидности полной стремимся.
Первый вопрос: почему, не успело возникнуть желанье,
Как уж немедленно ум начинает об этом же думать?
Призраки все не следят ли за нашею волей и, только
Стоит лишь нам захотеть, не является ль тут же и образ,
Море ль на сердце у нас, иль земля, или самое небо?
Сходбищ народных, пиров, торжественных шествий,
сражений
Не порождает ли нам по единому слову природа,
Да и к тому же, когда у людей, находящихся вместе,
Дух помышляет совсем о несхожих и разных предметах?
Что же еще нам сказать, когда видим во сне мы, как мерно
Призраки идут вперед и гибкое двигают тело,
Гибкое, ибо легко, изгибаясь, их вертятся руки,
И пред глазами у нас они вторят движеньям ногами?
Призраки, видно, сильны в искусстве и очень толковы,
Если, витая в ночи, они тешиться играми могут?
Или верней объяснить это тем, что в едином мгновеньи,
Нам ощутимом, скажу: во мгновении, нужном для звука,
Много мгновений лежит, о которых мы разумом знаем,
И потому—то всегда, в любое мгновенье, любые
Призраки в месте любом в наличности и наготове?
Столь велика быстрота и столько есть образов всяких.
Только лишь первый исчез, как сейчас же в ином положеньи
Новый родится за ним, а нам кажется, — двинулся первый,
В силу же тонкости их, отчетливо видимы духу
Только лишь те, на каких он внимание свое остановит;
Мимо другие пройдут, к восприятию каких не готов он.
Приспособляется он и надеется в будущем видеть
Всё, что случится с любым явлением: успех обеспечен.
Не замечаешь ли ты, что и глаз наш всегда напряженно
Приспособляется сам к рассмотрению тонких предметов,
И невозможно для нас их отчетливо видеть иначе?
Даже коль дело идет о вещах очевидных, ты знаешь,
Что без внимания к ним постоянно нам кажется, будто
Каждый предмет удален на большое от нас расстояние;
Что же мудреного в том, что и дух упускает из виду
Всё, исключая лишь то, чему сам он всецело отдался?
И, наконец, от примет небольших мы приходим к огромным
Выводам, сами себя в западню вовлекая обмана.

Также бывает порой, что иным, не похожим на первый,
Образ заменится вдруг, и, что женщиной раньше казалось,
Может у нас на глазах оказаться нежданно мужчиной,
Или сменяются тут друг за другом и лица и возраст.
Сон и забвение нам помогают тому не дивиться.

Здесь существует еще коренное одно заблуждение,
Как я уверен; и мы всеми силами будем стремиться,
Чтоб избегал ты его и берегся от грубой ошибки,

И не считал, что глазам дарованы ясные взоры,
Чтобы могли мы смотреть; или что для ходьбы и движенья
Шагом широким вперед устроено так, что способны
Бедра и голени ног в суставах конечных сгибаться;
Или что руки у нас к плечам приспособлены крепким;
Или же кисти даны, как служанки, и справа и слева,
Чтобы мы с помощью их исполняли, что нужно для жизни.
Также и прочее всё, что толкуется в этом же роде,
Все отношенья вещей извращает превратным суждением.
Для применения нам ничего не рождается в теле,
То, что рождается, само порождает себе применение.
До зарождения глаз ведь и зрения не было вовсе,
До появленья на свет языка не бывало и речи,
Но, несомненно, возник он значительно ранее слова;
Уши задолго еще до того появились, как первый
Звук был услышан, и все, одним словом, отдельные члены
Существовали уже, я уверен, до их применения.
Значит, никак не могли они все для него создаваться.
Наоборот же, вступать в рукопашные схватки и битвы,
Тело терзать и пятнать себе руки пролитой кровью
Стали задолго пред тем, как помчались блестящие стрелы.
И уклоняться от ран людей побудила природа
Раньше искусства щитом ограждать себе левую руку;
Да и привычка вверять утомленное тело покою
Много древнее, чем спать, растянувшись на мягких постелях;
И утоление жажды родилось раньше, чем кубки.
И, таким образом, всё, что нам жизнь и нужда подсказала,
Было, как можно считать, изобретено для применения.
Иначе с тем обстоит, что само по себе появилось
И уже после того на свою указало нам пользу.
Первое место у нас занимают здесь чувства и члены.
Так что, опять повторю, совершенно немисливо думать,
Будто бы пользой для нас обусловлено их появление.

Также не должно тому удивляться, что в самой природе:
Всяких созданий живых заложена пищи потребность.
Ибо ведь множество тел, из вещей вытекая, выходит
Разным путем, как указывал я, но особенно много
Их из животных идет, потому что от частых движений
Много летит их из уст, при тяжелом дыханьи, и много
Также их потом идет, изнутри вытесняясь наружу.
Тело при этом редеть начинает, и вся его сущность
Рухнуть готова уже, и страдания следуют дальше.
Пища затем и нужна, чтобы ею поддерживать тело,
Чтобы она, расходясь, возрождала в нем сызнова силы
В членах и жилах и пасть ненасытного чрева заткнула.
Также и влага течет и проходит повсюду, где тело
Требует влаги себе, да и жара тела, что, скопившись
Кучей у нас в животе, опалить его могут пожаром,
Гасятся жидкостью там, растворяющей их, чтобы пламя
Члены пожечь не могло своим иссушающим пылом.

Так избавляемся мы от жажды, спирающей горло,
Так утоляем мы свой неуёмный мучительный голод.

Ну, а теперь почему подвигаться вперед мы способны,
Как захотим, и даны нам различные телодвиженья,
Сила какая дает нам возможность столь тяжкое бремя
Тела толкать, я скажу, ты же слушай, как я рассуждаю.
Я говорю, что вперед появляется призрак движенья
В духе у нас и его ударяет, как сказано раньше;
Воля родится затем: ведь никто никакого не может
Дела начать, пока дух не предвидит, чего он желает;
Что же предвидит он, то и является образом вещи.
Так что, когда возбуждается дух и охвачен стремленьем
Двигаться, тотчас удар он силе души сообщает,
Что по суставам везде и по членам рассеяна в теле;
Это не трудно ему, ибо тесно с душою он связан.
Следом же тело душа ударяет, и мало-помалу
Так вся громада вперед от толчка получает движенье.
Тело же, кроме того, редеть начинает, и воздух, —
Как подобает ему при движеньи его постоянном, —
Входит обильно в него, проникая в открытые поры,
И растекается там, доходя до мельчайших частичек
Тела. Итак, от двойной здесь исходит причины движенье:
Тело как будто корабль, что и вёсла уносят и ветер.
Да и, по правде сказать, ничего тут мудреного нету
В том, что возможно таким ничтожнейшим тельцам свободно
Тяжестью править такой и у нас поворачивать тело.
Гонит же ветер, при всей своей сущности легкой и тонкой,
Мощный корабль пред собой, как бы ни был он тяжек и
грузен;
Только одною рукой его бег направляется быстрый,
Только единственный руль руководит им как угодно.
И, при посредстве колес и лебедек, без всяких усилий
Множество тяжестей кран и ворочает и поднимает.

Ну, а теперь, каким образом сон овевает покоем
Тело, заботы души изгоняя из нашего сердца,
Не многословно тебе объясню, но в стихах сладкозвучных:
Лебеда краткая песнь превосходит тот крик журавлиный,
Что раздаётсяверху, в облаках, нагоняемых Австром.
Ты же, прошу я, свой слух предоставь мне и ум прозорливый,
Чтобы возможность того не отвергнуть, о чем говорю я,
И не уйти, оттолкнув от сердца правдивые речи,
Будучи сам виноват, что не видишь своих заблуждений.
Сон наступает тогда, когда разбежится по членам
Сила души, и она выгоняется частью наружу,
Частью же, сбившись плотней, в глубину удаляется тела.
Все расслабляются тут и становятся дряблыми члены.
Ибо сомнения нет, что душой возбуждается чувство
В теле у нас, а когда усыпление его пресекает,
То, безусловно, душа пребывает в смятении наша,

Выгнанной вон из него, но не вся, ибо иначе тело
Вечно б осталось лежать, объятые холодом смерти.
Если ж и части души никакой не осталось бы скрытой
В теле, подобно огню, под кучею скрытому пепла,
Чувство откуда могло оживиться бы в теле внезапно
Так же, как может огонь из потухшего пламени вспыхнуть?

Но обусловлена чем перемена такая, откуда
Может смятение души и расслабленность тела явиться,
Я объясню, и смотри, чтоб слова я не на ветер бросил.
Прежде всего, стороною наружною всякое тело,
В силу того, что его окружают воздушные токи,
Быть под ударом должно и толчки их испытывать часто.
Вот почему большинство из созданий покрыто снаружи
Шкурою, иль скорлупой, или толстою кожей, иль коркой.
Внутренних также частей у дышащих касается воздух,
Их поражая всегда при вдыхании и выдыхании.
А потому, что с обеих сторон ударяется тело
И проникают толчки через разные мелкие поры
В тело до самых основ и начальных его элементов,
Мало—помалу оно в разрушение как бы приходит.
Ибо тогда у начал нарушаются их положенья
В теле и духе. Душа изгоняется частью наружу,
Частью, гонимая внутрь, забивается в самые недра,
Частью ж, рассеясь везде по суставам, она не способна
Вместе сплотиться уже и взаимные делать движенья:
К соединению ей преграждает дороги природа.
Так удаляется вглубь, с нарушением движения, чувство;
А оттого, что уж нет ничего, чтоб поддерживать тело,
Ослабевает оно, и становятся дряблыми члены;
И опускаются руки и веки, и часто колени
Гнутся бессильно, хотя и лежит усыпленное тело.
Также за пищу сон наступает: ведь то же, что воздух,
Делает пища, когда растекается всюду по жилам.
В сон погружаешься ты наиболее тяжкий в то время,
Как иди сыт, иль устал, ибо тут постигает смятение
Многое множество тел, потрясенных тяжелой работой.
Это ведет и к тому, что душа забивается частью
Глубже, а вон выходя, она большим потоком стремится
И, разделяясь внутри, дробится гораздо сильнее.

Если же кто—нибудь занят каким—либо делом прилежно,
Иль отдавались мы чему—нибудь долгое время,
И увлекало наш ум постоянно занятие это,
То и во сне представляется нам, что мы делаем то же:
Стряпчий тяжбы ведет, составляет условия сделок,
Военачальник идет на войну и в сраженья вступает,
Кормчий в вечной борьбе пребывает с морскими ветрами,
Я — продолжаю свой труд и вещей неуклонно природу,
Кажется мне, я ищу и родным языком излагаю.
Да и другие дела и искусства как будто бы часто

Мысли людей, погрузившихся в сон, увлекают обманно.
Если подряд много дней с увлечением играми занят
Был кто-нибудь непрерывно, мы видим, что, большею частью,
Даже когда прекратилось воздействие зрелищ на чувства,
Всё же в уме у него остаются пути, по которым
Призраки тех же вещей туда проникают свободно.
Так в продолжение дней эти самые призраки реют
Перед глазами людей, и они, даже бодрствуя, видят
Точно и пляски опять и движения гибкого тела;
Пение звонких кифар и говора струн голосистых
Звук раздаётся в ушах, и привычных зрителей видно,
Сцена открыта опять и пестреет блестящим убранством.
Вот до чего велико значение склонностей, вкусов,
Как и привычки к тому постоянному делу, которым
Заняты люди, а кроме людей и животные также.
Можешь ведь ты наблюдать, в самом деле, как быстрые кони,
В сон погружившись, потеть начинают, дышать учащенно,
Будто упорно скача за пальмою первенства в беге,
Иль, из ограды летя открытой, стремительно мчатся.
Часто охотничьи псы, несмотря на спокойную дрёму,
Вдруг или на ноги вскочат, иль громко внезапно залают,
Нюхают воздух кругом, беспокойно ноздрями поводят,
Будто бы чуют они и по следу рыщут за зверем;
Или, во сне увидав уходящего быстро оленя,
Гонят его наяву, обманный преследуя призрак,
И, лишь очнувшись от сна, прекращают напрасную травлю.
Ласковых племя щенят, к хозяйскому дому привыкших,
То ошестинится вдруг, то хочет с земли приподняться,
Будто бы видят они чужих незнакомые лица.
И чем свирепее норы у каждой отдельной породы,
Тем и неистовей будет она и во сне непременно.
Пестрые птицы летят и трепетом крыльев внезапным
Рощ священных покой нарушают ночью порою,
Коль в усыплении легком почудится им, что в погоне
Ястреб над ними парит и отважно бросается сверху.
Также и люди во сне постоянно свершать продолжают
Те же деянья, какие и въяве они совершали:
Грады пленяют цари, полоняются сами, воюют,
Крик подымая такой, как будто их режут на месте;
Многие бьются вразмах, жестоко вопят от мучений,
Точно свирепому льву иль пантере даны на съеденье,
И оглашают далеко округу стенанием громким.
Многие также во сне выдают сокровенные тайны
И выдавали не раз иные свои преступления.
Многим является смерть, а многие будто с высоких
Гор низвергаются вниз и, будто всей тяжестью тела
Рухнув, в безумьи со сна не могут опомниться сразу
В страхе: бросает их в жар, и дрожь пробегает по телу.
Также и жаждущий пить у ручья себя видит и, жадно
Ртом приныкая к воде, точно всю ее выпить стремится.
Мальчики часто во сне, представляя себя иль у ямы,

Иль у ночного горшка с приподнятой кверху рубашкой,
Весь выпускают запас накопившейся влаги из тела
И покрывала насквозь вавилонские пышные мочат.
К тем же, в кого проникать и тревожить их бурную юность
Начало семя, в тот день, лишь во членах оно созревает,
Сходятся призраки вдруг, возникая извне и являя
Образы всяческих тел, прекрасных лицом и цветущих.
Тут раздражаются в них надутые семенем части,
Так что нередко они, совершив как будто, что надо,
Вон выпуская струю изобильную, пачкают платье.

И возбуждается в нас это семя, как мы указали,
Тою порою, когда возмужалое тело окрепло.
Вследствие разных причин раздражаются разные вещи:
Образом только людским из людей извергается семя.
Только лишь выбьется вон и свое оно место оставит,
Как, по суставам стремясь и по членам, уходит из тела,
В определенных местах накапливаясь по жилам, и тотчас
Тут возбуждает само у людей детородные части.
Их раздражает оно и вздувает, рождая желанье
Выбросить семя туда, куда манит их дикая похоть,
К телу стремясь тому, что наш ум уязвило любовью.
Обыкновенно ведь все упадают на рану, и брызжет
Кровь в направлении том, откуда удар был получен;
И, если близок наш враг, то обрызган он алою влагой.
Также поэтому тот, кто поранен стрелою Венеры, —
Мальчик ли ранил его, обладающий женственным станом,
Женщина ль телом своим, напоенным всеильной любовью,

Тянется прямо туда, откуда он ранен, и страстно
Жаждет сойтись и попасть своей влагою в тело из тела,
Ибо безмолвная страсть предвещает ему наслажденье.

Это Венера для нас; это мы называем Любовью,
В сердце отсюда течет сладострастья Венераина влага,
Капля за каплей сочась, и холодная следом забота.
Ибо, хоть та далеко, кого любишь, — всегда пред тобою
Призрак ее, и в ушах звучит ее сладкое имя.
Но убегать надо нам этих призраков, искореняя
Всё, что питает любовь, и свой ум направлять на другое,
Влаги запас извергать накопившийся в тело любое,
А не хранить для любви единственной, нас охватившей,
Тем обрекая себя на заботу и верную муку.
Ведь не способна зажить застарелая язва, питаясь;
День ото дня всё растет и безумье и тяжкое горе,
Ежели новыми ты не уймешь свои прежние раны.
Если их, свежих еще, не доверишь Венере Доступной,
Иль не сумеешь уму иное придать направленье.

Вовсе Венеры плодов не лишен, кто любви избегает:
Он наслаждается тем, что дается без всяких страданий.

Чище услада для тех, кто здоров и владеет собою,
Чем для сходящих с ума. Ведь и в самый миг обладанья
Страсть продолжает кипеть и безвыходно мучит влюбленных:
Сами не знают они, что насытить: глаза или руки?
Цель вожделений своих сжимают в объятьях и, телу
Боль причиняя порой, впиваются в губы зубами
Так, что немеют уста, ибо чистой здесь нету услады;
Жало таится внутри, побуждая любовников ранить
То, что внушает им страсть и откуда родилась их ярость.
Но в упоеньи любви утоляет страданья Венера,
Примесью нежных утех ослабляя боль от укусов.
Ибо надежда живет, что способно то самое тело,
Что разжигает огонь, его пламя заставить угаснуть.
Опровергает всегда заблуждение это природа.
Здесь неизменно одно: чем полнее у нас обладанье,
Тем всё сильнее в груди распаляется дикая страстность.
Пища ведь или питье проникает во внутренность тела,
И раз она занимать способна известное место,
То и бывает легко утолить нам и голод и жажду.
Но человека лицо и вся его яркая прелесть
Тела насытить ничем, кроме призраков тонких, не могут,
Тщетна надежда на них и нередко уносится ветром.
Как постоянно во сне, когда жаждущий хочет напиться
И не находит воды, чтоб унять свою жгучую жажду,
Ловит он призрак ручья, но напрасны труды и старанья:
Даже и в волнах реки он пьет, но напиться не может, —
Так и Венера в любви только призраком дразнит влюбленных
Не в состояньи они, созерцая, насытиться телом,
Выжать они ничего из нежного тела не могут,
Тщетно руками скользя по нему в безнадежных исканьях.
И, наконец, уже слившись с ним, посреди наслаждений
Юности свежей, когда предвещает им тело восторги,
И уж Венеры посев внедряется в женское лоно,
Жадно сжимают тела и, сливая слюну со слюною,
Дышат друг другу в лицо и кусают уста в поцелуе.
Тщетны усилия их: ничего они выжать не могут,
Как и пробиться во внутрь и в тело всем телом проникнуть
Хоть и стремятся порой они этого, видно, добиться:
Так вожделенно они застревают в тенётах Венеры, —
Млеет их тело тогда, растворяясь в любовной усладе,
И, наконец, когда страсть, накопившись в жилах, прорвется,
То небольшой перерыв наступает в неистовом пыле.
Но возвращается вновь и безумье и ярость всё та же,
Лишь начинают опять устремляться к предмету желаний,
Средств не умея найти, чтобы справиться с этой напастью:
Так их изводит вконец неизвестная скрытая рана.

Тратят и силы к тому ж влюбленные в тяжких страданиях,
И протекает их жизнь по капризу и воле другого;
Всё достояние их в вавилонские ткани уходит,
Долг в небреженьи лежит, и расшатано доброе имя.

На умашенных ногах сикионская обувь сверкает,
Блещут в оправе златой изумруды с зеленым отливом,
Треплется платье у них голубое, подобное волнам,
И постоянно оно пропитано потом Венеры.
Всё состоянье отцов, нажитое честно, на ленты
Или на митры идет и заморские ценные ткани.
Пышно убранство пиров с роскошными яствами, игры
Вечно у них и вино, благовонья, венки и гирлянды.
Тщетно! Из самых глубин наслаждений исходит при этом
Горькое что-то, что их среди самых цветов донимает,
Иль потому, что грызет сознание того, что проводят
Праздно они свою жизнь и погрязли в нечистом болоте,
Иль оттого, что намек двусмысленный, брошенный «ею»,
В страстное сердце впился и пламенем в нем разгорелся,
Или же кажется им, что слишком стреляет глазами,
Иль загляделась «она» на другого и, видно, смеется.

Эти же беды в любви настоящей и самой счастливой
Также встречаются нам; а те, что ты можешь заметить,
Даже закрывши глаза, в любви безнадежной, несчастной,
Неисчислимы. Итак, заранее лучше держаться
Настороже, как уж я указал, и не быть обольщенным,
Ибо избежать тенет любовных и в сеть не попасться
Легче гораздо, чем, там очутившись, обратно на волю
Выйти, порвавши узлы, сплетенные крепко Венерой.
Но, и запутавшись в них, ты всё-таки мог бы избежать
Зла, если сам ты себе поперек не стоял бы дороги,
Не замечая совсем пороков души или тела
И недостатков у той, которой желаешь и жаждешь.
Так большинство поступает людей в ослеплении страстью,
Видя достоинства там, где их вовсе у женщины нету;
Так что дурная собой и порочная часто предметом
Служит любовных утех, благоденствуя в высшем почете.
Часто смеются одни над другими, внушая Венеры
Милость снискать, коль они угнетаемы страстью позорной,
Не замечая своих, несчастные, больших напастей.
Черная кажется им «медуницей», грязнуха — «простушкой».
Коль сероглаза она, то — «Паллада сама», а худая —
«Козочка». Карлица то — «грациозная крошечка», «искра»;
Дылду они назовут «величавой», «достоинства полной»;
«Мило щебечет» заика для них, а немая — «стыдлива»;
Та, что несносно трещит беспрестанно, — «огонь настоящий»;
«Неги изящной полна» тщедушная им и больная;
Самая «сладость» для них, что кашляет в смертной чахотке;
Туша грудастая им — «Церера, кормящая Вакха»;
Если курноса — «Силена», губаста — «лобзания сладость».
Долго не кончить бы мне, приводя в этом роде примеры.
Но, даже будь у нее лицо как угодно прекрасно,
Пусть и всё тело ее обаянием дышит Венеры,
Ведь и другие же есть: без нее-то ведь жили мы раньше;
Всё, что дурные собой, она делает так же, мы знаем,

И отравляет себя, несчастная, запахом скверным,
Так что служанки бегут от нее и украдкой смеются.
Но недопущенный всё ж в слезах постоянно любовник
Ей на порог и цветы и гирлянды кладет, майораном
Мажет он гордый косяк и двери, несчастный, целует.
Но лишь впустили б его и пахнуло бы чем-то, как тотчас
Стал бы предлогов искать благовидных к уходу, и долго
В сердце таимая им осеклась бы слезная просьба;
Стал бы себя упрекать он в глупости, видя, что больше
Качеств он «ей» приписал, чем то допустимо для смертной.
Это для наших Венер не тайна: с тем большим стараньем
Сторону жизни они закулисную прячут от взоров
Тех, кого удержать им хочется в сети любовной.
Тщетно: постигнуть легко это можешь и вывести наружу
Все их секреты и все смехотворные их ухищренья,
Или, с другой стороны, коль «она» и кротка и не вздорна,
Можешь сквозь пальцы взглянуть ты на слабости эти людские.

Кроме того, не всегда притворною дышит любовью
Женщина, телом своим сливаясь с телом мужчины
И поцелуем взасос увлажненные губы впивая.
Часто она от души это делает в жажде взаимных
Ласк, возбуждая его к состязанью на поле любовном.
И не могли бы никак ни скотина, ни звери, ни птицы,
Ни кобылицы самцам отдаваться в том случае, если
Не полыхала бы в них неумно природная похоть
И не влекла бы она вождельно к Венере стремиться.
Да и не видишь ли ты, как те, что утехой друг с другом
Сцеплены, часто от мук изнывают в оковах взаимных?
На перекрестках дорог нередко, стремясь разлучиться,
В разные стороны псы, из сил выбиваясь, тянут,
Крепко, однако, они застревают в тенётах Венеры!
И никогда б не пошли на это они, коль не знали б
Радости общих утех, что в обман и оковы ввергают.
Так что опять повторю я: утехы любви обоюдны.

Если в смешении семян случится, что женская сила
Верх над мужскою возьмет и ее одолеет внезапно,
С матерью схожих детей породит материнское семя,
Семя отцово — с отцом. А те, что походят, как видно,
И на отца и на мать и черты проявляют обоих,
Эти от плоти отца и от матери крови родятся,
Если Венеры стрелой семена возбужденные в теле
Вместе столкнутся, одним обоюдным гонимые пылом,
И ни одно победить не сможет, ни быть побежденным.
Может случаться и так, что дети порою бывают
С дедами схожи лицом и на прадедов часто походят.
Ибо нередко отцы в своем собственном теле скрывают
Множество первоначал в смешении многообразном,
Из роду в род от отцов к отцам по наследству идущих;
Так производит детей жеребьевкой Венера, и предков

Волосы, голос, лицо возрождает она у потомков.
Ибо ведь это всегда из семян возникает известных,
Так же, как лица у нас и тела, да и все наши члены.
Дальше: как женщин рождать способно отцовское семя,
Так материнская плоть — произвести и мужское потомство.
Ибо зависят всегда от двоякого семени дети,
И на того из двоих родителей больше походит
Всё, что рождается, кому обязано больше; и видно,
Отпрыск ли это мужской или женское то порождение.

И не по воле богов от иного посев плодотворный
Отнят, чтоб он никогда от любезных детей не услышал
Имя отца и навек в любви оставался бесплодным.
Многие думают так и, скорбя, обагрят обильной
Кровью они алтари и дарами святилища полнят,
Чтобы могли понести от обильного семени жены.
Тщетно, однако, богам и оракулам их докучают:
Ибо бесплодны они оттого, что иль слишком густое
Семя у них, иль оно чрезмерно текуче и жидко.
Жидкое (так как прильнуть к надлежащему месту не может)
Тотчас стекает назад и уходит, плода не зачавши;
Семя же гуще, из них извергаясь сплоченным больше,
Чем надлежит, иль лететь не способно достаточно быстро,
Иль равномерно туда, куда нужно, проникнуть не может,
Или, проникнув, с трудом мешается с семенем женским.
Ибо зависит в любви от гармонии, видимо, много.
Этот скорее одну отягчает, а та от другого
Может скорей понести и беременной сделаться легче.
Многие жены, дотоль неплодными бывши во многих
Браках, нашли, наконец, однако, мужей, от которых
Были способны зачать и потомством от них насладиться.
Также нередко и те, у кого плодовые жены
Всё ж не рожали детей, подходящих супруг находили
И свою старость детьми могли, наконец, обеспечить.
Крайне существенно тут, при смешении семян обоюдном,
Чтоб в сочетанье они плодотворное вместе сливались:
Жидкое семя — с густым, густое же — с семенем жидким.
Также существенно то, какой мы питаемся пищей,
Ибо от пищи одной семена в нашем теле густеют,
Наоборот, от другой становятся жиже и чахнут.
Также и способ, каким предаются любовным утехам,
Очень существен, затем, что считается часто, что жены
Могут удобней зачать по способу четвероногих,
Или зверей, потому что тогда достигают до нужных
Мест семена, коль опущена грудь и приподняты чресла.
И в сладострастных отнюдь не нуждаются жены движеньях.
Женщины сами себе зачинать не дают и мешают,
Если на похоть мужчин отвечают движением бедер
И вызывают у них из расслабленных тел истечение.
Этим сбивают они борозду с надлежащей дороги
Плуга и семени ток отводят от нужного места.

Эти движенья всегда преднамеренно делают девки,
Чтоб не беременеть им и на сносе не быть постоянно.
И утончённей дарить мужчинам любовные ласки, —
То, что для наших супругов, очевидно, нисколько не нужно.

Да и не воля богов, не Венерины стрелы причиной
Служат того, что порой и дурнушка бывает любима.
Ибо порою ее поведение, приветливость нрава
И чистоплотность ведут к тому, что легко приучает
Женщина эта тебя проводить твою жизнь с нею вместе.
И, в завершение всего, привычка любовь вызывает.
Ибо всё то, что хотя и легко, но упорно долбитя,
Всё ж уступает всегда и, в конце концов, подается.
Разве не видишь того, как, падая, капля за каплей,
Точит каменья вода и насквозь, наконец, пробивает?

КНИГА ПЯТАЯ

Кто в состоянии найти в своем сердце столь мощную силу,
Чтобы достойно воспеть все величие этих открытий?
Кто же владеет словами настолько, что мог бы прославить
Должно заслуги того, кто собственной силою духа
Столько сокровищ добыл и оставил их нам во владенье?
Нет, я уверен, никто из рожденных со смертною плотью.
Ибо, коль выразить мысль сообразно с величием дела,
Богом он был, мой доблестный Меммий, поистине богом!
Он, кто впервые нашел ту основу разумную жизни,
Что называем теперь мы мудростью. Он, кто искусно
Жизнь из волнений таких и такой темноты непроглядной
В полную ввел тишину, озаренную ярким сияньем.
С этим теперь сопоставь ты богов откровения древних:
Так, говорят, обработке полей научила Церера
Смертных, а сок из гроздей виноградных выдавливать —
Либер,
Хоть и без этих даров продолжалось бы жизни течение,
Как и доныне живут, по слухам, иные народы;
Но безмятежная жизнь невозможна без чистого сердца.
Вот почему еще больше достоин богом считаться
Тот, чьи доныне везде, расходясь по великим народам,
Душам отраду дают утешения сладкие жизни.
Если же ты предпочтенье отдашь Геркулеса деяньям,
То еще дальше тогда уклонишься от истинной правды.
Чем бы огромная нам, в самом деле, теперь угрожала
Пасть Немейского льва иль щетинистый вепрь Эриманфа?
Критский бык, наконец, или Лерны пагуба — гидра,
Змей ядовитых кольцом окруженная, разве нам страшны?
Что Гериона для нас трехгрудого сила тройная,
Иль Диомеда Фракийца дышащие пламенем кони

На Бистониды полях и на горных отрогах Исмара?
Разве бы мучили нас Стимфальские страшные птицы?
Да и блестящих плодов золотых Гесперидских хранитель
Зоркий, свирепый дракон, обвивающий телом огромным
Дерева корни и ствол, разве мог бы он вред нанести нам
Там у Атланта берегов и у шумно гудящего моря,
Где появиться ни мы не отважимся ни чужеземец?
Так и другие, подобные им, истребленные чуда
Чем бы могли угрожать, даже если бы живы остались?
Нет, я уверен, ничем: и доселе земля в изобилии
Диких рождает зверей, и наполнены ужасом смутным
Чащи, и горная высь, и лесные глубокие дебри;
Но избегать этих мест мы почти что всегда в состоянии.
Если же сердце не чисто у нас, то какие боренья,
Сколько опасностей нам угрожает тогда поневоле,
Сколько жестоких забот и терзаний, внушаемых страстью,
Мучат смятенных людей и какие вселяют тревоги!
Гордость надменная, скупость и дерзкая наглость — какие
Беды они за собою влекут! А роскошь и праздность?
И потому, кто всё это низверг при помощи слова,
А не оружием изгнал из души, неужель не достойно
Будет нам к сонму богов человека того сопричислить?
Если к тому же еще, одержимый божественным духом,
Многое он говорил о бессмертных богах, постоянно
Всю природу вещей объясняя в своих изречениях.

Я по стопам его ныне иду и ему продолжаю
Следовать, здесь излагая своими словами порядок,
Коим и создано всё и в котором всё пребывает,
Времени вечный закон нерушимый не в силах расторгнуть.
Прежде всего, мы нашли путем рассуждений, что сущность
Духа телесна, и он, как и всё, что рождается, смертен,
И невредимым во век пребывать для него невозможно.
Это ведь призраки нас во сне в заблуждение вводят,
Если, нам кажется, видим того мы, кто жизнью покинут.
Мне объяснить остается, — и к этому ход рассуждений
Наших приводит, — что мир образован из смертного тела
И одновременно то, что имел он начало когда-то;
Как получилось, что тут сочетание материи дало
Землю, и небо, и море, и звезды, и солнце, и лунный
Шар, а затем и какие из нашей земли появились
Твари живые, а также каких никогда не рождалось;
Как человеческий род словами различными начал
Между собою общаться, названья давая предметам,
Как в наше сердце проник этот ужас и страх пред богами,
Всюду, на всем протяжении земли, охраняющий святость
Капищ, озер и дубрав, алтарей и богов изваяний.
Кроме того, и течением луны, и движением солнца
Силой какой, объясню, руководит кормило природы,
Чтоб не подумали мы, что между землею и небом
Собственной волей они пробегают свой путь постоянный,

Произрастанью содействуя нив и живущих созданий,
И не сочли, что вращением их божество управляет.
Ибо и те, кто познал, что боги живут безмятежно,
Всё-таки, если начнут удивляться, каким же порядком
Всё происходит кругом, особенно то, что мы видим
Над головою у нас в беспредельных пространствах эфира,
Часто они обращаются вновь к суевериям древним
И признают над собой, несчастные, строгих хозяев,
Веруя в то, что они всемогущи, не зная, что может
Происходить, что не может, какая конечная сила
Каждой вещи дана, и какой ей предел установлен.

Впрочем, не буду томить я тебя обещаньями дольше.
Прежде всего, посмотри на моря, на земли и небо;
Все эти три естества, три тела отдельные, Меммий,
Три столь различные формы и три основные сплетенья
Сгинут в какой-нибудь день, и стоявшая долгие годы
Рухнет громада тогда, и погибнет строение мира.
Знаю отлично, что всех поражает и кажется дикой
Нам эта мысль о грядущем небес и земли разрушеньи;
Трудно мне будет ее доказать убедительной речью.
Так происходит всегда, когда преподносится слуху
То, что, однако, нельзя ни глазу сделать доступным,
Ни осязанию рук; а ведь это ближайший и торный
Путь убеждения, в сердце ведущий и в область сознания.
Всё-таки выскажусь я: словам моим самое дело
Веру, быть может, придаст, и ты, при земли колебаньях,
Сможешь увидеть, что всё сокрушается в краткое время —
Да отвратит испытанье такое судьбины кормило!
И не на деле уж лучше уверимся мы, а рассудком,
Что уничтожиться всё с ужасающим грохотом может.

Прежде, однако, чем я начну изрекать прорицанья
Много священной и тех достоверней гораздо, какие
Пифия нам говорит с треножника Феба под лавром,
Много разумных вещей сообщу я тебе в утешенье.
Чтобы не счел ты, уздой религии стянутый, будто
Солнце, земля и луна, и звезды, и море, и небо
Вечно остаться должны, обладая божественным телом,
И не подумал бы ты, что должны, по примеру Гигантов,
Каре жестокой подвергнуться все за свои преступления,
Кто мироздания оплот расторгает своим разуменьем
Или дерзает тушить на небе пресветлое солнце,
Смертною речью своей клеймя бессмертное нечто.
Всё это столь далеко от божественной сути, однако,
И не достойно в числе богов почитаться, что, право,
Может скорее помочь составить о том представление,
Что лишено совершенно движения жизни и чувства.
Ибо никак допустить невозможно для тела любого,
Чтоб обладало оно духовной природой и смыслом.
Так ни деревьев в эфире не может, ни в море соленом

Быть никогда облаков, ни рыб водиться на пашнях,
И не бывает ни крови в дровах, ни сока в камнях:
Точно назначено, где чему быть и где развиваться.
Так же и духа природа не может без тела возникнуть
И пребывать самобытно, отдельно от мышц и от крови.
Если же это и было б возможно, гораздо скорее
Сила духа сама в голове, иль в плечах, или в пятках
Быть бы могла и в любой из частей зарождаться, но всё бы
В том же она человеке и в том же сосуде осталась.
Если же в теле у нас, очевидно, назначено точно
Место особое, где существуют и могут развиваться
Дух и душа, то тем больше должны мы всецело отвергнуть,
Что они могут одни, вне тела и формы животной,
В комьях ли рыхлых земли или где-нибудь в пламени солнца,
Или в воде пребывать, иль в пределах высоких эфира.
Значит, всё это отнюдь не владеет божественным чувством,
Раз не имеет в себе никакого дыхания жизни.

Также поверить никак невозможно и в то, что святые
Где-то жилища богов обретаются в мира пределах,
Ибо природа богов настолько тонка и от чувства
Нашего столь далека, что едва ли умом постижима.
Если ж она осязанью рукой и толчкам недоступна,
То и сама не должна осязать то, что мы осязаем:
То, что нельзя осязать, и само осязанию чуждо.
Так и жилища богов непохожи на наши жилища
Быть непременно должны и тонки сообразно с их телом.
Это потом я тебе докажу в рассуждении подробном.
Думать же, что для людей изготовить изволили боги
Дивную мира природу, что будто по этой причине
Нам подобает богов достославное славить творенье
И полагать, что оно и бессмертным и вечным пребудет,
Что нечестиво всё то, что божественным промыслом древле
Было для рода людей установлено твердо навеки,
Как-нибудь нам колебать, потрясая в самих основаниях,
Или словами дерзать окончательно всё ниспровергнуть, —
Все эти вымыслы, Меммий, и все измышленья такие
Только безумье одно. Какую бессмертным блаженным
Выгоду можно извлечь из всей благодарности нашей,
Если б они ради нас предприняли что-нибудь делать?
Новость какая могла бы, столь долго дотоль безмятежных,
Их соблазнить и склонить к изменению прежней их жизни?
Новшества рады лишь те, кому, очевидно, несносен
Старый порядок вещей. У кого ж не случалось печали
В прежнее время, и кто свой век проводил беззаботно,
Что у того разожжет стремление к новым порядкам?
Или, быть может, их жизнь влачилась в тоске и во мраке,
Прежде чем занялась заря зарождения мира?
Да и для нас что дурного, коль мы не родились бы вовсе?
Всякий рожденный на свет непременно в живых оставаться
Хочет, пока привлекают его наслаждений утех,

Но для того, кто любви никогда не отведывал к жизни
И не причислен к живым, — что плохого совсем не родиться?
Дальше: откуда взялся у богов образец мироздания,
Да и само представление о людях запало впервые,
Чтобы сознание того, что желательно сделать, явилось?
Как же узнали они и о силе частиц изначальных
И о возможностях их в сочетаниях между собою,
Если природа сама не давала примера творенья?
Ибо начала вещей во множестве, многообразно
От бесконечных времен постоянным толчком подвергаясь,
Тяжестью также своей гнетомые, носятся вечно,
Всячески между собой сочетаясь и всё испытывая,
Что только могут они породить из своих столкновений.
И удивляться нельзя, что они в положенья такие
Между собою пришли и в такое движенье, которым
Держится нынешний мир в постоянном своем обновлении.

Если бы даже совсем оставались мне неизвестны
Первоначала вещей, и тогда по небесным явлениям,
Как и по многим другим, я дерзнул бы считать достоверным
Что не для нас и отнюдь не божественной создана волей
Эта природа вещей: столь много в ней всяких пороков.
Прежде всего, из того, что объято громадою неба,
Часть захватили себе иль чащи лесные и горы,
Полные диких зверей, иль болота и голые скалы,
Или моря, широко разделившие страны земные.
Около двух остальных частей или зной раскаленный,
Или же вечный мороз отнимают у смертного рода.
Что ж остается под пашню, то силой природа своею
Всё бы покрыла бурьяном, когда б не противились люди,
Жизнь защищая свою, привыкнув над крепкой мотыгой
Тяжко вздыхать и поля бороздить нагнетаемым плугом.
Если ж, ворочая в них сошником плодородные глыбы
И разрыхляя земельный покров, не пробудим их к жизни,
Самостоятельно в воздух прозрачный ничто не пробьется.
Всё ж зачастую и то, что трудом добывается тяжким,
Даже когда на полях зеленеть и цвести начинает, —
Иль непомерно палит раскаленное солнце с эфира,
Или же вдруг истребляют дожди, или иней холодный,
Или же ветры гнетут, поднимаясь неистовым вихрем.
Кроме того, почему враждебное роду людскому
Племя ужасных зверей природа на суше и в море
Кормит, плодит? Почему с переменной погоды болезни
Губят людей? И зачем преждевременно смерть настигает?
Вот и младенец: он, точно моряк, что жестокой волною
Выброшен, так и лежит на земле нагой, бессловесный,
В жизни совсем беспомощный, лишь только из матери чрева
В тяжких потугах на свет его породила природа;
Плач заунывный его раздаётся кругом, и понятно:
Много ему предстоит испытать злоключений при жизни.
Скот, между тем, вырастает и крупный, и мелкий, и звери;

Ни в погремушках нужды у них нет, ни в том, чтобы в детстве
Лепетом ломаным их утешала кормилица нежно;
Да и одежды им разной по времени года не надо;
Нет, наконец, им нужды ни в оружьи ни в стенах высоких,
Чтобы свое охранять достоянье: им всем в изобилии
Всё производит земля и природа готовит искусно.

Прежде всего, если тело земли и текучая влага,
Легкое ветра дыханье, а также и жар раскаленный, —
Что составляет, мы видим, всю эту вещей совокупность,
Всё состоит целиком из рожденного смертного тела,
То почитаться должна таковой же и мира природа,
Ибо, коль мы о частях или членах чего-нибудь знаем,
Что и начала имели тела их и формы их смертны,
Мы заключаем тогда, что и в целом предмет этот смертен,
Как и рожден вместе с тем. И если огромные мира
Члены и части, — я вижу, — погибнув, опять возникают,
Ясно, что было когда-то начальное некое время
И для небес и земли, и что им предстоит разрушение.

Ты не подумай, что я поспешил со своим заключеньем,
Если сказал, что земля или пламя подвержены смерти,
Ежели счел несомненным, что гибнут и влага и воздух,
Иль утверждал, что родится всё это и вновь вырастает,
Почва, во-первых, когда накаляет ее непрерывно
В части какой-нибудь солнце, когда ее топчут ногами,
То выдыхает она туманные легкие тучи
Пыли, которую мощный разносит по воздуху ветер.
Частью же комья земли растворяются силою ливней,
И берега разъедают и точат бегущие реки.
Но, в свою очередь, то, что дает приращенье другому,
Восстанавливается вновь. И когда появляются вещи
Из всетворящей земли, и она же им служит могилой,
То, очевидно, земля убывает и вновь вырастает.

Дальше, о том, что всегда источники, реки и море
Новою влагой полны и что воды текут постоянно,
Нет нужды говорить: потоков великих стремленье
Это являет везде; но вода постепенно уходит,
Так что в целом и нет никакого избытка во влаге.
Частью стремительный ветер, взметая морские равнины,
Воду уносит, а солнце лучами ее распускает,
Частью же в недрах земли она растекается всюду,
Ибо морская вода проникает сквозь почву, и жидкость
В землю сочится назад, собираясь к источникам водным,
После чего по земле устремляется пресным потоком
Там, где дорогу для волн она влажной пятою пробила.

К воздуху я теперь перейду: бесконечно состав свой
Множество раз он меняет в течение каждого часа.
Ибо всё то, что течет от вещей, постоянно несется

В бездны воздушных морей; и если бы воздух обратно
Не возмещал эту убыль телами, их вновь восполняя,
Всё бы тогда разложилось уже, превратившись в воздух.
Так порождается он из вещей непрестанно и в них же
Вновь попадает назад, ибо всё течет постоянно.

Так же и света родник изобильный — эфирное солнце
В небо сияние льет постоянное свежим потоком,
Тотчас же луч за лучом непрерывно опять посылая,
Ибо сейчас же лучи исчезают одни за другими,
Где б ни упали они. В этом сам ты легко убедишься:
Только лишь тучи начнут проходить, появляясь под солнцем,
И световые лучи прерывают как будто собою,
Тотчас же нижняя часть лучей исчезает бесследно,
И покрывается тенью земля, где проносятся тучи.
Ясно, что нужно вещам всегда обновление света,
Что пропадают лучи сейчас же, как только упали,
И невозможно, чтоб вещь освещенною солнцем являлась,
Если бы свет от него бесконечным потоком не лился.
Да и ночные, смотри, светильники наши земные —
Лампы висячие иль горящие трепетным светом
Факелы смольные, дымом и сажей коптящие черной,
Точно таким же путем спешат, разгораясь жарко,
Снова и снова светить; мерцают огнями и блещут,
Блещут, и будто бы свет непрерывный кругом разливают:
Так торопливо огни стремятся все вместе скорее
Света потерю сокрыть рождением пламени быстрым.
Так что должны мы признать, что и солнце, и месяц, и звезды
Света метают лучи, возмещая их снова и снова,
Пламя теряя всегда, излученное ранее ими;
А потому и не верь, что они нерушимы и вечны.

Иль, наконец, ты не видишь, что век побеждает и камни,
Рушатся башни и в прах рассыпаются твердые скалы,
Храмы ветшают богов и кумиры приходят в упадок,
А божество неспособно продлить роковые пределы
И побороть непреложный закон и порядок природы?
Иль, наконец, мы не зрим, что руины мужей монументов
Сами вопрос задают: не уверен ли ты в их истлении?
Что, отрываясь от гор, низвергаются наземь утесы,
И неспособны они выносить сокрушительной силы
Века предельного? Ведь иначе бы вдруг не срывалось
То, что от века веков терпело и стойко сносило
Все истязания лет и не рушилось с грохотом громким.

Ты посмотри, наконец, и на то, что, с высот распростершись,
Землю объяло кругом. Коль оно из себя порождает
Всё, — как считают иные, — и всё, что погибло, приемлет,
В целом оно состоит из рожденного смертного тела,
Ибо всё то, что растит из себя и питает другие
Вещи, должно убывать, а приемля их вновь, обновляться.

Если же, кроме того, никогда не имели начала
Ни небеса ни земля и всегда пребывали от века,
То почему до Фиванской войны и падения Трои
Не воспевали иных событий иные поэты?
Кануло столько куда деяний мужей и забылось,
И не цветет, воплотившись в творения славы бессмертной?
Нет, я уверен, вещей совокупность нова, и недавня
Мира природа еще и не древле имела начало.
Вот отчего и теперь еще много различных художеств
Всё к совершенству идут. Теперь улучшений немало
В судостроении есть и немало возникло мелодий;
Только теперь, наконец, и природа вещей и порядок
Были открыты; я сам оказался способен из первых
Первым его изъяснить, на родном языке излагая.
Если же думаешь ты, что и ранее было всё это,
Но поколения людей от палящего жара погибли,
Или что рухнули все города в мировых потрясениях,
Иль понеслись по земле от дождей постоянных потоки,
Всё увлекая кругом, и селения все поглотили, —
Должен тем более ты уступить и признать непременно,
Что небесам и земле предстоит неизбежная гибель.
Ибо, коль вещи таким подвергались несчастьям и стольким
Недугам тяжким, то, раз их постигла бы худшая участь,
Сгинули все бы они и разрушились в тяжком падении.
И не иначе и мы почитаемся смертными также,
Как потому лишь, что все мы подвержены тем же болезням,
Что и другие, кого из жизни природа изъяла.

Кроме того, всё то, что вечным должно оставаться,
Или, по плотности тела, должно, отражая удары,
Не допускать, чтобы что—нибудь внутрь проникало и связи
Тесные разъединяло частей, — таковая природа
Есть у материи тел, на что я указывал раньше, —
Или же может оно потому сохраняться вовеки,
Что не подвержено вовсе толчкам, — пустоты это свойство:
Неосязаема вовсе она и ударов не терпит;
Или еще потому, что кругом нет места, куда бы
Всё это будто бы врозь могло разойтись и растаять, —
Вечное всё таково мироздание в целом, и нету
Вне его места, чтоб врозь разлететься, и тел нет, какие
Пасть на него бы могли и толчком его мощным расторгнуть.
Но, доказал я уже, состоит не из плотного тела
Мира природа: в составе вещей пустота существует;
И пустотой не является мир; и в телах недостатка
Нет, что могли бы нежданно всю эту вещей совокупность,
Из беспредельности выйдя, свалить сокрушительным смерчем
Или иначе ее уничтожить какой—либо силой.
Места достаточно есть и бездонного много пространства,
Чтобы рассыпаться в нем могли мироздания стены
Иль от напора другой какой—нибудь силы погибнуть:

Смерти не замкнута дверь ни для свода небес, ни для солнца,
Ни для земли, ни для вод на равнинах глубокого моря, —
Настежь отверста она и зияет огромною пастью.
И потому неизбежно признать, что всё это начало
Также имело свое: невозможно для смертного тела
Было бы испоконь века досель еще быть в состоянии
Пренебрегать необъятных веков сокрушительной силой.

И при борьбе, наконец, меж великими членами мира
И нечестивой войне, которая их охватила,
Разве не видишь, что сей усобице длительной может
Быть и предел положён? Например, если солнцем и жаром
Влага осушится вся, и они, наконец, одолеют?
К этому вечно они стремятся, но всё понапрасну:
Столь изобильно текут и грозят, в свою очередь, волны
Сами всё затопить из пучины глубокого моря.
Тщетно! Могучие ветры, взметая морские равнины,
Воду уносят, а солнце лучами ее распускает
В твердой надежде на то, что всё иссушить они смогут
Раньше, чем влаге удастся достигнуть намеченной цели.
Так неустанно они ведут с переменным успехом
Этот усиленный бой, добиваясь упорно господства.
Всё-таки раз удалось огню одолеть, и однажды,
Как существует молва, вода на полях воцарилась.
Верх взял огонь и пожег он многое в пламени жарком,
Как Фаэтона, помчав, без дороги в стремительном беге
Кони Солнца несли по эфиру всему и по землям.
Но всемогущий отец, распалившийся гневом жестоким,
Многоотважного сверг Фаэтона внезапною молнией
Наземь с коней, и к нему, ниспадавшему, вышло навстречу
Солнце, успев подхватить извечный светильник вселенной;
Вместе собравши коней, запрягло разметававшихся в страхе
И оживило опять вселенную, правя их бегом.
Именно так воспевали старинные греков поэты.
Правдоподобия нет, однако же, в этих рассказах:
Может огонь одолеть в том случае, если скопилось
Из бесконечности тел его материи много;
После же силы его, побежденные, снова слабеют,
Или же губит он всё, сожигая палящим дыханьем.
Некогда также вода прибывать начала и, скопившись,
Много она городов залила, говорят, многолюдных.
После ж, как силы ее, одоленные, вновь отступили, —
Из бесконечности выйдя пред этим и вместе скопившись, —
Лить перестали дожди, и силу убавили реки.

Как же случилось то, что стечение материи дало
Землю и своды небес, а также и моря глубины,
Солнца пути и луны, — разъясню я теперь по порядку.
Первоначала вещей, разумеется, вовсе невольно
Все остроумно в таком разместились стройном порядке
И о движениях своих не условились раньше, конечно.

Если ж начала вещей во множестве, многоразлично
От бесконечных времен постоянным толчкам подвергаясь,
Тяжестью также своей гнетомые, носятся вечно,
Всячески между собой сочетаясь и всё испытывая,
Что только могут они породить из своих столкновений, —
То и случается тут, что они в этом странствии вечном,
Всякие виды пройдя сочетаний и разных движений,
Сходятся так, наконец, что взаимная их совокупность
Часто великих вещей собой образует зачатки:
Моря, земли и небес, и племени тварей живущих.

Ни светоносного круга высоколетящего солнца
Не различалось тогда, ни созвездий великого мира
И ни морей, ни небес, ни земли, ни воздуха так же,
Как ничего из вещей, схожих с нашими, не было видно.
Был только хаос один и какая-то дикая буря
Всякого рода начал, беспорядок нестройный которых
Все промежутки, пути, сочетания, тяжесть, удары,
Встречи, движения их возмущал, затеявая сраженья,
Так как, при разнице форм и в силу несходства в фигурах,
Ни съединенными так им нельзя было всем оставаться,
Ни произвести меж собой каких-либо стройных движений.
Врозь разбегаться затем стали разные части, со сходным
Сходное в связи входить и мир разграничивать стало,
Члены его разделять и дробить на великие части.
Стало тогда от земли отделяться высокое небо,
Стали моря отходить, обособившись водным пространством
И выделяться огни стали чистые в дальнем эфире.

Стали сначала земли тела все отдельные купно, —
Так как они тяжелы и сцеплены крепко, — сходитьсь,
Все в середине и в самом низу места занимая.
Чем они больше и больше, сцепляясь друг с другом,
сходились,
Тем и сильней выжимали тела, что моря образуют,
Звезды, солнце, луну и стены великого мира:
Это ведь всё состоит из семян и круглее и глаже
И заключает в себе элементы значительно мельче,
Чем у земли. Потому через скважины пористой почвы
Вырвался первым эфир огненосный и вместе с собою
Много увлек он огней, поднимался с легкостью кверху
Тем же примерно путем, как случается часто нам видеть
Утром, когда по траве, окропленной росой алмазной,
Пламенем алым блещут лучи восходящего солнца
И выдыхают туман озёра и вечные реки,
Да и земля иногда в это время как будто дымит.
Только лишь всё это, ввысь поднимаясь, сливается вместе,
Сплоченным телом вверху облака небосвод обвивают.
В те времена и эфир, точно так же, текучий и легкий,
Сплоченным телом наш мир окружая, во свод изогнулся
И, распростершись везде, растекаясь по всем направлениям

Всё остальное в своих заключил он объятиях жадных.
Следом за ним зародились зачатки и солнца с луною,
Коих вертятся шары посредине в пространстве воздушном,
И ни земля не присвоила их, ни эфир необъятный,
Ибо не столь тяжелы они были, чтоб вниз опуститься,
И не настолько легки, чтобы выскользнуть к высшим пределам
Как бы живые тела, они кружатся в среднем пространстве
И представляют собой мироздания целого части.
Это же мы наблюдаем в себе: в состоянии покоя
Могут быть члены одни, между тем как другие — в движении.
Сразу же после того, как отторглось все это внезапно, —
Там, где простерлась теперь океана лазурная область, —
Вниз провалилась земля и пучиной соленой залилась.
День ото дня, чем сильнее и эфир раскаленный и солнце,
Распространяя лучи, отовсюду давили на землю,
Так что, под градом толчков на все ее крайние части,
Плотно сбивалась она, постепенно сгущаясь к центру,
Тем изобильнее пот у нее выжимался из тела.
Влагой соленой моря и водные полня равнины;
Тем изобильней тогда и множество вон улетало
Жара и воздуха тел, далеко над землей поднимаясь,
И уплотняло вверх обители светлые неба.
Стали поля оседать, выросли высокие горы
Кверху подъемом своим: ведь нельзя было снизиться скалам,
Как и нельзя было всей равномерно земле опуститься.

Так утвердилось земли, сплотившись, грузное тело,
Будто бы ил со всего мирового пространства тяжелый
Стекся на самое дно и осел наподобие гущи.
Море же, воздух затем, а затем и эфир огненосный
С телом прозрачным своим остались смешения чужды.
Всё это легче одно другого, а самый текучий,
Как и легчайший, эфир плывет над потоком воздушным
И не мешает свое текучее тело с мятежным
Воздуха током совсем: допускает он всё там свирепым
Вихрям крутить; допускает вздыматься там бурям
нестройным,

Сам увлекая огни свои стройным и плавным стремленьем.
То, что эфир может течь равномерно, единым напором,
Понт указывает нам — море, текущее стройным потоком,
Вечно плавно в одном направлении скользят неуклонно.

Ныне движения звезд воспоем мы с тобою причину.
Прежде всего, если круг обращается неба великий,
Необходимо признать нам, что оба конца его оси
Воздух гнетет и ее замыкает снаружи и держит;
Сверху ж потоком другим он течет в направлении том же,
В коем, мерцая, бегут созвездия вечного мира;
Или же снизу он круг небесный вращает обратно,
Так же, как реки вертят водяные колеса с ковшами.
Но допустимо и то, что весь небосвод пребывает

Вечно недвижим, тогда как несутся блестящие звезды.
Иль потому, что эфира стремительный ток, заключенный,
Выхода ищет себе и крутится вверх, он и катит
Всюду огни и несет по Суммановым областям неба;
Иль, притекая извне из другого источника, воздух
Гонит, вращая, огни; или сами скользить они могут
В том направлении, куда привлекает и манит их пища,
Тело питая свое огневое на небе повсюду.
Трудно наверно решить, какая же действует в этом
Мире причина; но то, что возможно и что происходит
В разных вселенной мирах, сотворенных на разных началах,
Я объясняю и ряд излагаю причин, по которым
Может движение светил совершаться в пространстве
вселенной.

Всё же из этих причин непременно одна побуждает
Звезды к движению и здесь; но какая — предписывать это
Вовсе не должен тот, кто исследует всё постепенно.

Далее, чтобы земля в середине покоилась мира,
Мало—помалу легчать, уменьшаяся в собственном весе,
Следует ей и иметь естество под собою другое,
Испоконь века в одно сплочённое целое тесно
С мира частями воздушными, где она в жизнь воплотилась.
Вот почему и не в тягость земля и не давит на воздух:
Так же, как члены его человеку любому не в тягость,
Как голова не обуза для шеи, и нам не заметно,
Что опирается всей своей тяжестью тело на ноги.
Если же тяжесть извне на нас налегает, то часто
Мы изнываем под ней, будь она и во много раз легче:
Крайне существенно нам учитывать то, что возможно.
Так что не вторглась земля, точно чуждое нечто, внезапно
В чуждый ей воздух извне, откуда—то в нем оказавшись,
Но одновременно с ним зачалась от начала вселенной,
Частью известной ее, как у нас наши члены, являясь.
Кроме того, если гром потрясает раскатом внезапным
Землю, она и сама всё то, что над нею, колеблет.
Этого сделать никак не могла бы, не будь она крепко
Связана с мира частями воздушными так же, как с небом.
Ибо на общих корнях они держатся цепко друг с другом,
Испоконь века в одно сплочённые целое тесно.
Да и не видишь ли ты, что тела великую тяжесть
Сущность тончайшая нашей души поддерживать может
В силу того, что в одно они целое сплочены тесно?
Что, наконец, приподнять может быстрым скачком наше тело
Если не сила души, которая членами правит?
Видишь ли, мощью какой обладает и тонкая сущность,
Ежели с телом она тяжелым сплотилась, — как воздух
Сплочен с землей или сила души с человеческой плотью?

Пламенный солнечный диск, пылающий жаром, не может
Больше значительно быть или меньше, чем кажется чувствам.

Ибо, с какого огни расстояния свет ни бросали б
И ни вдыхали бы жар раскаленный во все наши члены,
Пламя в составе своем ничего не теряет при этом,
И отдаленность огня не являет его уменьшенным.
Значит, коль свет и тепло, изливаясь обильно из солнца
Наших касаются чувств и пространства земли озаряют,
Солнце нам видно с земли в его настоящих размерах,
И полагать, что оно или больше иль меньше, не должно.
Да и луна, — всё равно, несется ль она, озаряя
Светом присвоенным всё, или собственный свет излучает, —
Что бы там ни было, — всё ж и она по размерам не больше,
Чем представляется нам и является нашему взору.
Ибо всё то, что в большом отдалении, сквозь воздуха толщу
Мы наблюдаем, скорей представляется в облике смутном,
Чем в уменьшенных чертах. Потому и луну непременно,
Раз ее облик и вид представляется ясным и четким,
Видеть отсюда должны мы на небе такую же точно,
Как она есть по своим очертаньям краев и размерам.
Также эфира огни, наконец, что ты видишь отсюда,
Могут на деле совсем незначительно быть или меньше,
Или же больше того, чем кажется нашему глазу,
Раз и земные огни, которые всюду мы видим,
Ежели явственно их трепетанье, коль пламя их видно,
Кажутся лишь иногда измененными самую малость
В сторону ту иль другую, поскольку они отдаленны.

Также не должно тому удивляться, как может такое
Малое солнце давать такое обилие света,
Чтобы волнами его и моря, и все земли, и небо
Полнить и все заливать потоком горячего жара,
Ибо возможно, что здесь единственный в мире источник
Света открыт и лучи изливает он мощный струею,
Если из мира всего скопляются жара зачатки
Здесь, отовсюду сходясь, и сюда собираются вместе
В общий единый родник, тепло изливающий всюду.
Разве не видишь: порой орошает и малый источник
Водной струею луга и равнины кругом заливает?
Также возможно и то, что от солнца огня небольшого
Воздух объемлется весь раскаленным, пылающим зноем.
Если допустим, что он настолько к огню восприимчив,
Что распаляется весь при малейшем воздействии жара
Так же, как видим порой, и солома, и колос на ниве
Сразу от искры одной загораются в общем пожаре.
Может быть также, небес светильник розовый — солнце
Множеством жарких огней обладает, невидимых нами,
Что окружают его совершенно без всякого блеска,
Лишь умножая своей теплотою лучей его силу.

Также нельзя привести простой и единой причины
Для объясненья того, как солнце из летних пределов
До поворота зимой в Козероге идет и обратно

Вновь к остановке своей подходит на тропике Рака,
Или того, почему луна в один месяц проходит
Тем же путем круговым, что солнце в год пробегает.
Этим явлениям дать простого нельзя объяснения.
Можно, во—первых, считать, что все это так происходит,
Как полагает о том Демокрита священное мнение.
То есть, чем ближе к земле проходят светила, тем меньше
Могут они увлекаться вращением небесного вихря,
Ибо стремление его и напор, постепенно слабея
Книзу, становятся меньше; поэтому мало—помалу
Солнце всегда отстает от движения звездного круга,
Ниже гораздо идя пылающих в небе созвездий.
А еще больше луна: чем путь ее ниже проходит,
Дальше от неба лежит и ближе к земле расположен,
Тем еще меньше она поспевать за созвездьями может.
И, чем слабее тот вихрь, которым луна, увлекаясь,
Ниже, чем солнце, идет, тем скорее небесные знаки
Все обгоняют ее и вокруг нее мимо несутся.
Тут—то и кажется нам, что луна достигает скорее
Каждого знака опять, ибо к ней возвращаются знаки.
Но допустимо и то, что от полюсов мира противных
Воздух потоком двойным в положенный срок вытекает.
Может он солнце теснить, прогоняя от летних созвездий
До самого поворота зимой и до стужи холодной,
И от холодных теней ледяных отгонять его снова
В жаркие лета края, обратно к созвездиям знойным.
Можно считать, что подобным путем и луна и планеты,
Долгие годы свои обращаясь по долгим орбитам,
Воздуха током двойным подвигаются в неба пространствах.
Разве не видишь, что так, противным гонимые ветром,
Тучи вверх и внизу идут в направлении противном?
Так почему ж по кругам необъятным эфира не могут
Эти светила нестись, противным гонимые вихрем?

Ночь же туманною мглой одевает все страны земные,
Или когда, совершив свой бег продолжительный, солнце
К неба подходит краям и гаснет, огни выдыхая,
Долгим путем изнузив и разбив их о воздуха толщу,
Иль потому, что оно под землю уводится силой
Той же, какая его над землей заставляет вращаться.

Также, в положенный срок появляясь на небе, Матута
В розовом свете зарю разливает повсюду в эфире
Иль потому, что, пройдя под землей, то же самое солнце
Небо спешит предупредить, лучами его зажигая,
Иль потому, что огни и тепла семена неизменно
Утром в положенный срок во множестве сходятся вместе,
Новое солнце всегда заставляя опять возгораться.
Это, как носится слух, наблюдается с Иды вершины:
Там пред рассветом огней разрозненных видно сиянье;
Сходятся шаром потом они будто и круг образуют.

Но вызывать не должно при этом у нас удивленья
То, что огня семена способны стекаться совместно
В точно положенный срок и блеск восстанавливать солнца.
Видим же мы, что в положенный срок совершается много
Всяких явлений других: в положенный срок зацветает
Лес, и в положенный срок увядают цветы на деревьях;
Да и зубам выпадать в положенный возраст также
Срок надлежит, и пушку, на щеках появляясь, одеждой
Мягкою их покрывать и мягкой расти бородою.
Молнии, снег и дожди, наконец, и ненастье, и ветры, —
Все наступают в году в достаточно точное время,
Ибо, когда таковы изначальные были причины,
И оказались такими все вещи с рождения мира,
То и теперь они вновь возвращаются в точном порядке.

Также возможно, что дни прибывают, а ночи хиреют,
И уменьшается свет, когда прибавляются ночи,
Иль потому, что в эфирных краях то же самое солнце,
Что под землю бежит и над нею, неравные дуги
Чертит, орбиту свою деля не на равные доли;
Что от одной из долей оно отняло, то прибавляет
К доле орбиты другой, при обратном в нее возвращении,
Вплоть до того, как дойдет до небесного знака, где года
Узел сияние дней уравнивает с ночными тенями.
Ибо в середине пути, между Северным ветром и Южным,
Солнце равно отстоит от своих поворотов на небе
В силу того положенья, что Круг Зодиака имеет,
Где завершает свои обороты годовые солнце,
Небо и страны земли освещая косыми лучами,
Как объясняют нам те, которые области неба
Все разделили, на нем наметив отдельные знаки.
Иль потому, что в известных местах может гуще быть воздух
И оттого под землей застревает и медлит восходом
Трепетный солнечный свет, не легко пробиваясь наружу.
Так объясняется то, что тянутся ночи зимою
Долго, пока не блеснет лучистого утра сиянье.
Или еще потому, что со сменой времени года
Медленней или быстрее сливаться огни начинают.
Вот почему говорят, как мне кажется, сущую правду,
Кто полагает, что солнце восходит на месте известном,
Где ежедневно оно возгорается снова и снова.

Может луна блеснуть, ударяема солнца лучами,
День ото дня свой лик обращая всё больше и больше
К нашему взору, по мере того, как отходит от солнца
До полнолуния, когда напротив него засверкает
И на восходе своем увидит его заходящим.
Мало—помалу затем ей приходится как бы обратно
Прятать от взоров свой свет, когда она круг завершает,
К солнца спускаясь огню по другой стороне Зодиака.
Так представляется тем, кто считает луну шаровидной,

Напоминающей мяч и бегущею ниже, чем солнце.

Но допустимо и то, что, собственный свет излучая,
Катится в небе луна и дает изменения блеска,
Ибо возможно, что с ней вращается тело другое,
Что заступает ей путь, постоянно от нас заслоняя;
Нам же не видно оно, ибо мчится лишенное света.
Может вращаться луна и как шар или, если угодно,
Мяч, в половине одной облитый сияющим блеском,
При обращении своем являя различные фазы,
Вплоть до того, как она откроется нашему взору
Той стороною, где вся сверкает пламенем ярким,
Мало—помалу затем обращался вспять и скрывая
Всю светоносную часть своего шаровидного тела.
Так вавилонские нам указуют халдеи, сужденьем
Этим низвергнуть стремясь ученье других звездочетов.
Будто нельзя допустить, что возможно и то и другое,
Иль что учение то нисколько не хуже, чем это.
Иль почему, наконец, невозможно луне нарождаться
Новой всегда и менять свои фазы в известном порядке,
И ежедневно опять исчезать народившейся каждой,
Чтобы на место нее и взамен появлялась другая, —
Было бы трудно найти основание и довод бесспорный:
Может ведь многое вновь нарождаться в известном порядке.
Вот и Весна, и Венера идет, и Венеры крылатый
Вестник грядет впереди, и, Зефиру вослед, перед ними
Шествует Флора—мать и, цветы на пути рассыпая,
Красками пышными всё наполняет и запахом сладким.
Знойная следом жара и вся покрытая пылью
С нею Церера идет, и годовичные дуют Бореи.
Осень затем настает, и проносится «Эвоз—Эван».
Следуют после того и погоды и ветры другие:
Гроном гремющий Волтурн и Австр, блистающий молнией.
Солноворот, наконец, приносит снега, и в морозе
Вновь цепенеет Зима, и стучат ее зубы от стужи.
Что же мудреного в том, что в положенный срок зарождаться
Может луна, и опять в положенный срок исчезает,
Если в положенный срок появляются многие вещи?

И омраченья луны и солнца затмения также
Могут, как надо считать, совершаться по многим причинам.
Ибо коль может луна от земли загораживать солнцу
Свет и на небе главу возвышать между ним и землею,
Темный свой выставив диск навстречу лучам его жарким,
Разве нельзя допустить, что на то же способно иное
Тело, что может скользить, навеки лишенное света?
Иль почему же нельзя, чтоб теряло огни, угасая,
Солнце в положенный срок и сызнова свет возрождало,
В тех областях проходя, где пламени воздух враждебен,
Где потухают огни и где они временно гибнут?
Далее, если земля лишать в свою очередь света

Может луну и собой загораживать солнце, покуда
Конусом тени луна суровым скользит в новолунье,
Разве нельзя допустить, что тогда под луной пробегает
Или над солнцем скользит какое-то тело иное,
Что прерывает лучи и течение обильное света?
Если ж луна, наконец, своим собственным блеском сверкает,
То почему ж не тускнеть ей в какой-нибудь области мира,
Где ее собственный свет встречает препятствия всюду?

Ныне тебе объяснив, на каких основаниях может
Всё совершаться и быть в лазури великого мира,
Как о теченьи луны и различных движениях солнца
Можно судить, и какая причина и сила их движет,
Как они могут порой исчезать при закрытии света
И во внезапную тьму погружать неожиданно земли,
Будто смежая глаза, и снова затем открывать их,
Всё озирая кругом озаренное ярким сияньем, —
Я возвращаюсь опять к младенчеству мира и рыхлым
Пашням земли и к тому, что они при начале творенья
Вызвать решили на свет и доверить изменчивым ветрам.

В самом начале травой всевозможной и зеленью свежей
Всюду покрыла земля изобильно холмы и равнины:
Зазеленели луга, сверкая цветущим покровом,
Там и породам различным деревьев на воздухе вольном
Дан был простор состязаться в своем необузданном росте.
Как обрастают сперва пушком, волосами, щетиной
Четвероногих тела и птиц оперенные члены,
Так молодая земля травой и кустами сначала
Вся поросла, а потом породила и смертных животных
Множество, разным путем и в условиях разных возникших.
Ибо не могут никак животные с неба свалиться
Или из заводов выйти соленых земные создания.
Вот почему остается признать, что заслуженно носит
Матери имя земля, ибо всё из земли породилось.
Много еще и теперь из нее выходит животных,
Влагой дождей воплощенных и жаром горячего солнца.
Не мудрено, что крупней были твари тогда, да и больше
Их порождалось, землей молодой и эфиром взращенных.
Прежде всего, окрыленные птиц разнovidных породы
Яйца бросали свои, вылупляясь весенней порою,
Так же, как сами теперь вылезают из круглых запрядок
Летом цикады, ожить и сыскать пропитанье желая.
Тут же земля создала поколения первые смертных,
Ибо в полях и тепла изобилие было и влаги.
Всюду поэтому, где представлялось удобное место,
В почву корнями вцепясь, вырастали утробы; когда же
Их разверзали, созрев в урочное время, младенцы,
Влаги стремясь избежать и на воздух выбраться вольный,
Тотчас природа туда обращала все поры земные
И заставляла из них изливаться по жилам открытым

Сок с молоком однородный, как ныне у женщины каждой
Грудь ее после родов молоком наливается сладким,
Ибо питания приток к сосцам устремляется сразу.
Пищу давала земля, тепло заменяло одежду
Детям и ложе — трава, обильная мягкой подстилкой.
Юный тогда еще мир не давал ни морозов жестоких,
Ни непомерной жары, ни ветров неистовой силы:
Всё ведь растёт постепенно и мало—помалу мужает.

Так что опять повторю: очевидно, заслуженно носит
Матери имя земля, потому что сама сотворила
Весь человеческий род и в урочное время извергла
Всякого рода зверей, по нагорным резвящихся высям,
И одновременно птиц всевозможных, летающих в небе.
Но потому, что рожать без конца никому не возможно,
Стала неплодной она, утомившись, как жены, с годами.
Ибо природу всего мироздания время меняет:
Из одного состояния всё переходит в другое.
Не остается ничто незыблемым: всё преходяще,
Всё претворяет природа и всё заставляет меняться.
Тут истлевает одно и чахнет, с годами слабея,
Там же другое растёт, выходя из ничтожества к блеску.
Так изменяет природу всего мироздания время,
И переходит земля в состоянье одно из другого:
То, что давала, не даст, а даёт, чего не было раньше.

Много и чудищ тогда земля сотворить попыталась
Необычайного вида и странного телосложения:
Жено—мужей, не причастных ни полу тому ни другому,
Или уродов без ног, или вовсе безруких, напротив,
Или безротых немых и безглазых слепых, порождая
Даже таких, у кого на теле все члены сцепились,
Так что ни делать они не могли ничего, ни податься,
Чтобы избежать беды иль достать то, что было им нужно.
Всяких других создавала она и страшилищ и чудищ —
Тщетно: природа запрет на развитие их наложила.
Были не в силах они ни жизни расцвета достигнуть,
Ни пропитанье добыть, ни в объятиях слиться любовных.
Много, как видно, должно сочетаться различных условий,
Чтобы породы сковать, размножение их обеспечив.
Нужен, во—первых, им корм, а затем и пути, по которым
В тело могли б семена из расслабленных членов излиться;
А чтобы самки могли входить в сочетанье с самцами,
Им для взаимных утех подходящие надобны члены.

Много животных тогда поколений должно было сгинуть,
Коль размноженьем приплод не могли они выковать новый.
Те же, что, видишь, теперь живительным воздухом дышат,
С юности ранней всегда берегут и блюдут свое племя,
Или отвагой храня, или хитростью, или проворством.
Также и много других, которых к себе приручили

Мы ради пользы своей, сохранились под нашей защитой.
Племя свирепое львов и хищников лютых породы
Смелость спасла, а лисиц — коварство и прыткость — оленей.
Но легкосонные псы с их привязчивым, преданным сердцем
Вместе с породой всей подъяремных и выючных животных
И густорунные овцы и племя быков круторогих —
Все под защитой людей живут в безопасности, Меммий.
Ибо от диких зверей убежать они страстно стремились
И беззаботно зажить, находя себе корм изобильный;
Мы же их кормим за то, что они нам пользу приносят.
Те же, которых совсем этих качеств лишила природа,
Так что они не могли ни сами прожить, ни полезны
Быть нам хоть сколько-нибудь, чтобы мы допускали
кормиться

Их под охраной своей, блюдя в безопасности род их, —
Эти породы другим доставались в добычу и в жертву,
В узы цепей роковых закованы крепко, доколе
Не привела, наконец, их природа к гибели полной.

Но никогда никаких не бывало Кентавров, и тварей
Быть не могло бы с двойным естеством или с телом двояким,
Сплоченных из разнородных частей и которых бы свойства
Были различны на той и другой половине их тела.
Даже тупому уму понять это будет нетрудно.
Ведь на исходе трех лет уже в полном расцвете ретивый
Конь, а дитя остается младенцем еще и нередко
Ищет во сне материнских сосцов, молоком отягченных.
Позже, когда у коней начинают от старости силы
И одряхлевшие члены слабеть с убегающей жизнью,
Только тогда для детей наступает цветущая юность
И начинают пушком одеваться их нежные щеки.
А потому и не верь, что от семени лошади выючной
И от людей бы могли получиться живые Кентавры;
Как и немыслимы Скиллы, которых тела полурыбьи
Ярые псы обвивают кругом, да и прочие твари,
Члены которых живут, как мы видим, в разладе друг с другом,
И невозможно для них ни расцвета совместно достигнуть,
Ни равномерно мужать, ни утрачивать силы под старость;
Не пламенеют они одинаковой страстью, не сходны
Нравом они, и телам их различная пища полезна.
Так от цыкуты стада бородатые часто жиреют,
А человеку она смертоносною служит отравой.
Если же пламя огня желтобурое львиное тело
Так же и жжет и палит, как и все остальные породы, —
Всё, что у нас на земле состоит из плоти и крови, —
Может ли быть, чтобы с телом тройным и единым Химера —
Лев головою, задом дракон и коза серединой —
Страшный из тела огонь выдыхала зияющей пастью?
Кто ж измышляет, что новой землею и небом недавним
Созданы быть бы могли такие творенья живые,
Тот, лишь на имя одно «новизны» опираясь пустое,

Много способен еще наболтать несуразностей всяких:
Может, пожалуй, сказать, что тогда по земле золотые
Реки текли и цвели самоцветами всюду деревья,
А человек нарождался таким непомерно огромным,
Что по глубинам морей он шагал совершенно свободно
И поворачивать мог руками небесные своды.
Но хоть и много в земле семян вещества обреталось
В те времена, как она впервые животных извергла,
Нет указаний на то, что могли бы со смешанным телом
Твари возникнуть и в них разнородные члены сплотиться,
Ибо и то, что теперь из земли вырастает в избытке, —
Разного рода трава и злаки, и поросль густая, —
Всё же не может никак в сплетении взаимном возникнуть:
Всё вырастает своим чередом, и все вещи законы
Твердо природы блюдут и отличья свои сохраняют.

Та же порода людей, что в полях обитала, гораздо
Крепче, конечно, была, порожденная крепкой землею.
Остов у них состоял из костей и плотнейших и больших;
Мощные мышцы его и жилы прочнее скрепляли.
Мало доступны они были действию стужи и зноя
Иль непривычной еды и всяких телесных недугов.
Долго, в течение многих кругов обращения солнца,
Жизнь проводил человек, скитаясь как дикие звери.
Твердой рукою никто не работал изогнутым плугом,
И не умели тогда ни возделывать поле железом,
Ни насаждать молодые ростки, ни с деревьев высоких
Острым серпом отрезать отсохшие старые ветви.
Чем наделяли их солнце, дожди, что сама порождала
Вольно земля, то вполне утоляло и все их желанья.
Большею частью они пропитанье себе находили
Между дубов с желудями, а те, что теперь созревают, —
Арбута ягоды зимней порою и цветом багряным
Рдеют, ты видишь, — крупней и обильнее почва давала.
Множество, кроме того, приносила цветущая юность
Мира и грубых кормов для жалких людей в изобилии.
А к утолению жажды источники звали и реки;
Как и теперь, низвергаясь с гор, многошумные воды
Жаждающих стаи зверей отовсюду к себе привлекают.
И, наконец, по лесам пробираясь, они занимали
Капища нимф, из которых, как ведомо было им, токи
Плавной скользкой воды омывают влажные скалы,
Влажные скалы, росой над зеленым покрытые мохом,
Частью же, вон вырываясь, бегут по открытой равнине.
Люди еще не умели с огнем обращаться, и шкуры,
Снятые с диких зверей, не служили одеждой их телу;
В рощах, в лесах или в горных они обитали пещерах
И укрывали в кустах свои заскорузлые члены,
Ежели их застигали дожди или ветра порывы.
Общего блага они не блюли, и в сношениях взаимных
Были обычаи им и законы совсем неизвестны.

Всякий, добыча кому попадалась, ее произвольно
Брал себе сам, о себе лишь одном постоянно заботясь
И сочетала в лесах тела влюбленных Венера.
Женщин склоняла к любви либо страсть обоюдная, либо
Грубая сила мужчин и ничем не уёмная похоть,
Или же плата такая, как жолуди, ягоды, груши.
На несказанную мощь в руках и в ногах полагаясь,
Диких породы зверей по лесам они гнали и били
Крепким, тяжелым дубьём и бросали в них мёткие камни;
Многих сражали они, от иных же старались укрыться.
Телом своим загрубелым, подобно щетинистым вепрям,
Наземь валилися спать нагишом с наступлением ночи
И зарывались в листву или ветви густые с деревьев.
С воплями громкими дня или солнца они не искали,
В мраке ночном по полям пробираясь, объятые страхом,
Но ожидали, в молчаньи и в сон погружившись глубокий,
Как небеса озарит светильником розовым солнце.
Ведь с малолетства уже присмотрелись они и привыкли,
Что нарождаются свет и потемки друг другу на смену,
А потому никогда не могло появиться сомненье
Иль опасенье у них, чтобы вечная не распростерлась
Ночь над землею и свет от солнца не сгинул навеки.
Больше заботы им то причиняло, что дикие звери
Часто тревожили их, не давая несчастным покоя.
Крова лишаясь, они из-под каменных сводов бежали
При появлении могучего льва иль вспененного вепря
И уступали глухой полуночью свирепым пришельцам,
В ужасе диком, свои листвою покрытые ложа.

Да и не чаще тогда, чем теперь, поколения смертных
Сладостный свет бытия оставляли со стоном печальным.
Правда, тогда человек, в одиночку попавшийся, чаще
Пищу живую зверям доставлял и, зубами пронзенный,
Воплем своим оглашал и леса, и дубравы, и горы,
Видя, как мясом живым он в живую уходит могилу.
Те же, кому удавалось спастись и с объединенным телом
Прочь убежать, закрывая ладонью дрожащею язвы
Гнусные, Орка потом ужасающим криком на помощь
Звали, доколе их боль не лишала жестокая жизни,
Их беспомощных, не знавших, чем надо залечивать раны.
Но не губила зато под знаменами тысяч народа
Битва лишь за день один. Да и бурные моря равнины
Не разбивали судов и людей о подводные камни.
Даром, напрасно, вотще вздымаясь, волны бесились
Часто и так же легко оставляли пустые угрозы,
И не могли никого коварные моря соблазны
Гладью спокойной прельстить и завлечь, улыбаясь волнами.
Дерзкое людям совсем мореходство не ведомо было.
Скудная пища тогда предавала слабевшие члены
Смерти. Напротив, теперь излишество нас убивает.
Те наливали себе по неведенью часто отраву

Сами, а ныне другим дают ее с большим искусством.

После, как хижины, шкуры, огонь себе люди добыли,
После того, как жена, сочетавшись с мужем, единым
Стала хозяйством с ним жить, и законы супружества стали
Ведомы им, и они свое увидали потомство,
Начал тогда человеческий род впервые смягчаться.
Зябкими сделал огонь их тела, и они перестали
Так уж легко выносить холода под небесным покровом.
Да и Венера их мощь ослабляла, и ласкою детям
Грубый родителей нрав сломить без труда удавалось.
Там и соседи сводить стали дружбу, желая взаимно
Ближним не делать вреда и самим не терпеть от насилья.
Требуя к детям притом снисхожденья и к женскому полу,
Смутно давали понять движеньями тела и криком,
Что сострадательным быть подобает ко всем слабосильным.
Правда, достигнуть нельзя было всюду согласия, но всё же
Добрая часть людей договоры блюла нерушимо.
Иначе весь человеческий род уж тогда бы пресекался,
И не могли бы досель поколения его размножаться.

Что же до звуков, какие язык производит, — природа
Вызвала их, а нужда подсказала названья предметов
Тем же примерно путем, как и малых детей, очевидно,
К телодвиженьям ведет неспособность к словам, понуждая
Пальцем указывать их на то, что стоит перед ними.
Чувствует каждый, на что свои силы способен направить:
Прежде еще, чем на лбу у тельца рога показались,
Он уж сердито грозит и враждебно бодается ими;
И не успели еще зародиться ни когти ни зубы
У молодого потомства пантер и у львят, как они уж
Когтем и лапою бьют и пускают в защиту укусы.
Птичий весь, далее, род полагается, видим, на крылья
И охраняет себя движением трепетным перьев.
А потому полагать, что кто-то снабдил именами
Вещи, а люди словам от него научились впервые, —
Это безумие, ибо, раз мог он словами означить
Всё и различные звуки издать языком, то зачем же
Думать, что этого всем в то же время нельзя было сделать?
Кроме того, коли слов и другие в сношеньях взаимных
Не применяли, откуда запало в него представление
Пользы от этого иль возникла такая способность,
Чтобы сознание того, что желательно сделать, явилось?
Также не мог он один насильно смирить и принудить
Многих к тому, чтоб они названья вещей заучили.
Да и ко слову глухих не легко убедить и наставить
В том, как им надобно быть: они бы совсем не стерпели
И не снесли бы того, чтобы их ушам понапрасну
Надоедали речей дотоле неслыханным звуком.
Что же тут странного в том, наконец, если род человеков
Голосом и языком одаренный, означил предметы

Разными звуками все, по различным своим ощущениям?
Ведь и немые скоты и даже все дикие звери
Не одинаковый крик испускают, а разные звуки,
Если охвачены страхом иль чувствуют боль или радость.
В этом путем наблюдений простых ты легко убедишься:
Если Молосские псы в раздражении огромною пастью
Мягкою только ворчат, оскаливши крепкие зубы,
То по-иному звучат их сдавленной злости угрозы,
Чем если лают они и голосом всё наполняют.
Также, когда языком щенят они с нежностью лижут,
Или же лапами их тормошат и хватают их пастью,
Будто кусая, но к ним едва прикасаясь зубами,
То по-иному совсем они твякают с ласковым визгом,
Чем если в доме одни они воют, иль с жалобным воплем,
Телом припавши к земле, от побоев хотят увернуться.
Разве не видно затем и в ржании разницы также,
Юный когда жеребец, преисполненный силы, беснуясь,
Носится между кобыл, крылатым прищпоренный богом,
Иль когда храп из ноздрей раздутых пускает при битве,
Или же попросту ржет иногда, содрогаясь всем телом?
Да и крылатая птиц, наконец, разнovidных порода —
Ястреб, гагара, скопа, — когда они по морю ищут
В волнах соленых себе пропитанье и корм добывают,
То по-иному совсем кричат в эту пору обычно,
Чем если спорят за корм или борются с самой добычей.
Также иные из них с переменной погоды меняют
Хриплое пенье свое: например, ворон долговечных
Племя и воронов стаи, когда, — говорят, — призывают
Сырость они и дожди или ветер накликают и бури.
Стало быть, коль заставляют различные чувства животных
Даже при их немоте испускать разнородные звуки,
Сколь же естественней то, что могли первобытные люди
Каждую вещь означать при помощи звуков различных!

Во избежанье с твоей стороны молчаливых вопросов,
Знай же, что смертным огонь принесен на землю впервые
Молнией был. От нее и расходится всякое пламя.
Видим, ведь, много вещей, огнем небесным объятых,
Блещут, ударом с небес пораженные, вспыхнув от жара.
Но и от ветра, когда, раскачавшись, деревья ветвями
Сильно шатаясь, начнут налегать одно на другое,
Мощное трение их исторгает огонь, и порою,
Вспыхнувши, вдруг заблестит и взнесется горячее пламя,
Если взаимно они и стволами и сучьями трутся.
То и другое могло огонь доставить для смертных.
После же пищу варить и смягчать ее пламени жаром
Солнце наставило их, ибо видели люди, что силой
Знойно палящих лучей умягчается многое в поле.

День ото дня улучшать и пищу и жизнь научали
Те, при посредстве огня и всяческих нововведений,

Кто даровитее был и умом среди всех выдавался.
Начали строить цари города, воздвигать укрепления,
В них и оплот для себя находя и убежище сами;
И поделили поля и скотину они, одаряя
Всех по наружности их и по их дарованиям и силам,
Ибо наружность тогда почиталась и славились силы.
Позже богатство пришло и золото было открыто,
Что без труда и красивых и сильных лишило почета,
Ибо за тем, кто богаче, обычною следуют свитой
Те, кто и силой своей и красой богачей превосходит.
Тот же, кто в жизни себе кормилом взял истинный разум,
Тот обладает всегда богатством умеренной жизни;
Дух безмятежен его, и живет он, довольствуясь малым.
Люди же вместо того устремились ко славе и власти,
Думая этим себе благоденствие твердо упрочить
И проводить свою жизнь при достатке в спокойствии полном.
Тщетно! Все те, кто достичь до вершины почета стремятся,
Гибельным сделали путь по дороге, к нему восходящей.
С самых почета высот будто молнией их поражает
Зависть и в Тартара мрак низвергает нередко крошечный.
Зависть ведь чаще всего зажигает, как молния, выси,
Всё, что стоит над другим и вершиной своей выдается.
Лучше поэтому жить, повинувшись, в спокойствии полном,
Нежели власти желать верховной и царского сана.
Пусть же напрасно они обливаются потом кровавым,
Изнемогая в борьбе на пути честолюбия узком:
Всё разуменье свое из чужих они уст почерпают,
Слушают мненья других, а собственным чувствам не внимлют.
Было так прежде, так есть и теперь, и впоследствии будет.

По убиеньи царей ниспровергнуты в прахе лежали
Гордые скипетры их и бывшее величие тронов,
И украшенье державной главы, обогрешное кровью,
Под ноги черни упав, за великую почесть платилось:
Жадно ведь топчется то, что некогда ужас внушало.
Смуты настали затем и полнейший во всем беспорядок:
Каждый ко власти тогда и к господству над всеми стремился.
Некие люди затем избранью властей научили
И учредили права, дабы люди держались законов.
Род же людской до того истомился насилием вечным
И до того изнемог от раздоров, что сам добровольно
Игу законов себя подчинил и стеснительным нормам.
Каждый ведь сам за себя порывался во гневе жесточе
Мстить, чем теперь это нам позволяет закон справедливый,
И потому опротивела жизнь при насилиии вечном.
Страх наказаний с тех пор омрачает все жизни соблазны:
В сети свои произвол и насилие каждого ловят,
Обыкновенно к тому, от кого изошли, возвращаясь;
Жить для того нелегко спокойной и мирною жизнью,
Чьи нарушают дела договоры всеобщего мира.
Пусть и богов и людей ему обмануть удастся,

Всё ж утаить навсегда преступления нету надежды,
Ибо невольно, во сне говоря иль в бреду при болезни,
Многие сами себя выдавали, бывало, нередко
И открывали свои сокровенные долго злодейства.

Ну, а причину того, что богов почитанье в народах
Распространилось везде, города алтарями наполнив,
И учредился обряд торжественных богослужений,
Ныне в особых местах, совершаемых в случаях важных,
Также откуда теперь еще в смертных внедрен этот ужас,
Что воздвигает богам всё новые капища всюду
На протяженьи земли и по праздникам их наполняет, —
Всё это здесь объяснить не составит больших затруднений.
Дело ведь в том, что уже и тогда поколения смертных
Дивные лики богов случалось, и бодрствуя, видеть,
Иль еще чаще во сне изумляться их мощному стану.
Чувства тогда приписали богам, потому что, казалось,
Телодвиженья они совершали и гордые речи,
Шедшие к их красоте лучезарной и силе, вещали.
Вечной считалась их жизнь, потому что всегда неизменным
Лик оставался у них и всё тем же являлся их образ;
Главным же образом мощь почиталась их столь непомерной,
Что одолеть никакой невозможно, казалось, их силой.
И потому несравненным богов полагали блаженство,
Что не тревожит из них ни единого страх перед смертью.
И в сновиденьях еще представлялося людям, что боги
Много великих чудес совершают без всяких усилий.
Видели, кроме того, что вращение неба и смена
Года различных времен совершаются в строгом порядке,
Но не могли распознать, почему это так происходит,
И прибегали к тому, что богам поручали всё это,
Предполагая, что всё направляется их мановеньем.
В небе жилища богов и обители их помещали,
Видя, что ночь и луна по небесному катятся своду,
День и ночь, и луна, и ночи суровые знаки,
Факелы темных небес и огней пролетающих пламя,
Солнце и тучи, и снег, и град, и молнии, и ветры,
Бурь стремительный вихрь и грозные грома раскаты.

О человеческий род несчастный! Такие явления
Мог он богам приписать и присвоить им гнев беспощадный!
Сколько стенаний ему, сколько нам это язв причинило,
Сколько доставило слез и детям нашим и внукам!
Нет, благочестье не в том, что пред всеми с покрытой главою
Ты к изваяньям идешь и ко всем алтарям припадаешь,
Иль повергаешься ниц, или, длани свои простирая,
Молишься храмам богов, иль обильною кровью животных
Ты окропляешь алтарь, или нижешь обет на обеты,
Но в созерцаньи всего при полном спокойствии духа.
Ибо, когда мы глаза поднимаем к небесным пространствам,
Видя в мерцании звезд высоты эфира над нами,

И устремляется мысль на луны и на солнца движенья,
То из-под гнета других мучений в груди начинает
Голову вверх поднимать, пробуждаясь, такая забота:
Нет ли над нами богов, безграничная мощь которых
Разным движеньем кругом обращает блестящие звезды?
Скудость познания мысль беспокоит тревожным сомненьем,
Именно: было иль нет когда-то рождение мира,
И предстоит ли конец, и доколь мироздания стены
Неугомонный напор движения выдержать могут;
Или, по воле богов одаренные крепостью вечной,
Могут, в течение веков нерушимо всегда сохраняясь,
Пренебрегать необъятных веков сокрушительной силой?
Иль у кого же тогда не спирает дыхания ужас
Пред божеством, у кого не сжимаются члены в испуге,
Как содрогнется земля, опаленная страшным ударом
Молнии, а небо кругом огласят громовые раскаты?
И не трепещут ли все племена и народы, и разве
Гордые с ними цари пред богами не корчатся в страхе,
Как бы за гнусности все, и проступки, и наглые речи
Не подошло, наконец, и тяжелое время расплаты?
Также, над морем когда проносясь, сокрушительной силой
Ветер неистовый мчит по волнам предводителя флота,
Все легионы его и слонов вместе с ним увлекая, —
Разве тогда не дает он обетов богам и, объятый
Страхом, не молит он их о затишьи и ветре попутном?
Тщетно: подхваченный вдруг ураганом неистовым, часто
Он, несмотря ни на что, уносится к заводям смерти.
Так все деянья людей сокровенная некая сила
Рушит, а пышные связки и грозные с ними секиры
Любо, как видно, ей в прах попирает и посмешищем делает.
И, наконец, когда вся под ногами колеблется почва,
Падают или грозят города потрясенные рухнуть,
Что же тут странного в том, если так поколения смертных
Уничтожают себя и всецело богам оставляют
Чудные силы и власть управления всею вселенной?

Было открыто затем и железо и золото с медью,
Веское также еще серебро и свинцовая сила,
После того как огонь истребил, охвативши пожаром,
Лес на высоких горах иль от молнии, ударившей с неба,
Или еще потому, что в лесах воевавшее люди
Для устрашенья врагов зажигали огонь им навстречу,
Или хотели они, привлеченные щедростью почвы,
Тучных прибавить полей и под пастбища место очистить,
Или зверей убивать и добычей от них богатиться,
Ибо сначала огонь применяли и ямы, охотясь,
Раньше, чем псами травить научились и ставить тенёта.
Но какова б ни была причина того, что пожаром
С шумом зловещим леса пожирало горячее пламя
До основанья корней, — только недра земли распались,
И, в углубленья ее собираясь, по жилам кипящим

Золото, медь, серебро потекли раскаленным потоком
Вместе с ручьями свинца. А когда на земле появились
Слитки застывшие их, отливавшие ярко, то люди
Начали их поднимать, плененные глянец блестящим,
И замечали притом, что из них соответствует каждый
В точности впадине той, которая их заключала.
Это внушило ту мысль, что, расплавив, металлы возможно
В форму любую отлить и любую придать им фигуру;
И до любой остроты и до тонкости также возможно
Лезвий края довести, постепенно сжимая их ковкой,
Чтобы оружие иметь и орудья для рубки деревьев,
Чтобы обтесывать лес и выстругивать гладкие брусья,
Чтобы буравить, долбить и просверливать в дереве дыры.
Это они серебром или золотом делать пытались
Так же сначала, как силой могучей и мощною меди.
Тщетно: слабей была стойкость у этих металлов, и с медью
Вровень они не могли выдерживать грубой работы.
Ценной была тогда медь, а золото было в презрении,
Как бесполезная вещь с лезвием, от удара тупевшим.
Ныне в презрении медь, а золото в высшем почете.
Так обращение времен изменяет значенье предметов:
Что было раньше в цене, то лишается вовсе почета,
Следом другое растет, выходя из ничтожества к блеску;
День ото дня всё сильнее вождедеют его, и находку
Славят его, и цветет оно дивным у смертных почетом.

Далее, как естество железа было открыто,
Это и сам без труда ты понять в состоянии, Меммий.
Древним оружием людей были руки, ногти и зубы,
Камни, а также лесных деревьев обломки и сучья,
Пламя затем и огонь, как только узнали их люди.
Силы железа потом и меди были открыты,
Но применение меди скорей, чем железа, узнали:
Легче ее обработка, а также количество больше.
Медью и почву земли бороздили, и медью волненье
Войн поднимали, и медь наносила глубокие раны;
Ею и скот и поля отнимали: легко человекам
Вооруженным в бою безоружное всё уступало.
Мало—помалу затем одолели мечи из железа,
Вид же из меди серпа становился предметом насмешек;
Стали железом потом и земли обрабатывать почву
И одинаковым все оружием в битвах сражаться.
Прежде верхом на коня садился в оружии всадник
И, управляя уздой, он правою бился рукою;
Позже в обычай вошло в колесницах двуконных сражаться,
После же к паре коней припрягать еще пару другую
И в серпоносных нестись колесницах в опасную битву.
Там и луканских волов, змееруких и видом ужасных,
С башней на спинах, сносить приучили ранения пуны
И на войне приводить в смятение полчища Марса.
Так порождалось одно из другого раздором жестоким

Всё, что людским племенам угрожает на поле сраженья,
День ото дня прибавляя все новые ужасы битвы.

Также пытались быков приспособить к военному делу,
Вепрей свирепых пускать покушались на вражее войско,
А иногда даже львов пред собой выпускали могучих
В сопровожденьи свирепых вождей и погонщиков ратных,
Ведших зверей на цепях и умевших направить искусно.
Тщетно: они, разъярившись, в пылу беспорядочной бойни
Мяли свирепо полки и своих и чужих без разбора,
Страшно при этом тряся головами с косматою гривой.
И не могли успокоить коней, перепуганных ревом,
Всадники, ни обуздать, ни направить на вражьи отряды.
В ярости львицы неслись и кидались прыжками с разбегу
Всюду; стремились схватить попадавшихся встречных за
горло,

Или же, с тылу напав неожиданно, рвали на части.
Раненых тяжело они повергали с размаху на землю,
Цепко зубами схватив и терзая когтями кривыми.
Да и быки на своих же бросались, ногами топтали,
И животы и бока лошадей прободали рогами
Снизу, и землю кругом взрывали в бешенстве грозном.
Мощным пронзали клыком своих же союзников вепри,
В бешенстве кровью своей обагрят обломки оружия,
Производили разгром без разбора и конных и пеших.
Прядали лошади прочь, избегая жестоких укусов,
Иль, становясь на дыбы, по воздуху били ногами.
Тщетно! Им жилы клыки подсекали, и тут же на месте
Падали наземь они, распластавшись в тяжком паденьи.
Даже и те, что, давно приручившись, ручными считались,
Воспламенялись у всех на глазах при сраженьи от шума,
Криков, смятения, ран, беспорядка, разгрома и бегства;
И уже больше никак осадить было их невозможно:
Врозь разбегались тогда все звери различной породы,
Как и луканские ныне волы, недобитые, часто
Все врассыпную бегут, свои же войска попирая.

Может быть, всё это так. Хоть и трудно поверить, что люди
Были не в силах умом постичь и предвидеть заранее
Гнусности этого зла, угрожавшего сделаться общим.
Можно скорей согласиться бы с тем, что это бывало,
В разных вселенной мирах, сотворенных на разных началах,
Чем на одном лишь каком-либо круге земном совершалось.

Но не в надежде врагов одолеть воевали так люди,
А из желанья стенать их заставить, хотя бы погибнув,
По недоверью к числу своему и нуждаясь в оружьи.

Шкуры одеждой сперва, а потом уже ткани служили.
Ткань появилась позднее, уже после открытия железа,
Ибо нельзя без него для тканья изготовить орудий —

Гладких цевок, гребней, челноков и звонких навоев.
Выделке пряжи мужчин научила сначала природа
Раньше, чем женщин, затем, что искусней гораздо мужчины,
Да и способней их пол в его целом к художествам разным.
Но земледельцы потом суровые этой работой
Стали гнушаться и всю ее отдали в женские руки,
Выбрав при этом себе исполнение грубой работы,
И закалили во грубом труде свои руки и мышцы.

Первый посева пример и образчик прививки деревьев
Был непосредственно дан природою, всё создающей:
Ягоды, жолуди, вниз упавшие наземь с деревьев,
Густо роясь у корней, своевременно все вырастали.
Это и подало мысль прививать к деревьям отростки
И на полях насаждать молодые отводки растений.
Всеячески стали затем обрабатывать милое поле
И замечали тогда, что на нем от ухода за почвой
Диких растений плоды получались нежнее и слаще.
День ото дня отходить заставляли леса на высоты
И по долинам места уступать возделанным пашням,
Чтобы озера, луга, ручьи, виноградники, нивы
Всюду иметь по холмам и полям, чтобы сетью седою
Рощи олив пробегать могли, среди них выделяясь,
И разрастаться везде по склонам, равнинам и долам.
Также поля и теперь, как ты видишь, красиво пестреют
Полные сочных плодов, прорезают сады их повсюду,
И окаймляют кругом кустарников ягодных чащи.

Звонкому голосу птиц подражать научились устами
Люди задолго пред тем, как стали они в состояньи
Стройные песни слагать и ушам доставлять наслажденье
Свист же Зефира в пустых стеблях камышевых впервые
Дуть научил поселян в пустые тростинки цевницы.
Мало—помалу затем научились и жалобно—нежным
Звукам, какие свирель из—под пальцев певцов изливает, —
В непроходимых лесах обретенная в рощах и долах, —
В отдыха сладостный час на пастбищ просторе пустынном.
Всем этим люди тогда услаждались и тешили души,
Пищей насытившись: все в это время забавы по сердцу.
Часто, бывало, они, распростершись на мягкой лужайке
Возле ручья берегов под ветвями высоких деревьев,
Скромными средствами телу давали сладостный отдых,
Если к тому ж улыбалася им и погода, и время
Года пестрило цветами повсюду зеленые травы.
Тут болтовня, тут и смех раздавался веселый, и шутки
Тут забавляли людей: процветала тут сельская Муза.
Голову, плечи себе из цветов иль из листьев венками
Резвость игривая всех украшать побуждала в то время;
Все начинали плясать без размера, махая руками
Грубо, и грубой пятой топтали родимую землю;
Следом за этим и смех возникал, и веселые шутки.

Внове всё было тогда, и всё представлялось чудесным.
Да и тому, кто не смел засыпать, утешением было
То, что на всяческий лад выводил он голосом песни
Или поджатой губой скользил по тростинкам цевницы.
Даже теперь сторожа сохраняют этот обычай.
Но, и размер соблюдать научившись, нисколько не больший
Плод наслаждений они получают от этого всё же,
Чем получало когда-то людей землеродное племя.
Ибо наличная вещь, коль приятней ее мы не знаем,
Нравится больше всего и кажется полной достоинств.
Но постепенно затем предмет, оказавшийся лучше,
Губит ее и всегда устарелые вкусы меняет.
Так отвратительны всем стали жолуди, так в небрежении
Ложа из листьев и трав постепенно оставлены были.
Также одежду из шкур оставили люди звериных,
Хоть и внушала она при открытии столь сильную зависть,
Что несомненно убит был тайком ее первый владелец.
Но, на клочки изорвав ее, всю обгавленную кровью,
Всё же убийцы извлечь из нее не могли себе пользы
Стало быть, шкуры тогда, а золото ныне и пурпур
Жизнь отравляют людей заботой и войнами мучат.
В этом, как думаю я, поколение наше виновней:
Стужа нагих и без шкур терзала людей землеродных,
Нам же, по правде, ничем не грозит недостаток багряных,
Золотом шитых одежд, изукрашенных пышным узором,
Если от холода нас защищает плебейское платье.
Так человеческий род понапрасну и тщетно хлопочет,
Вечно в заботах пустых проводя свою жизнь бесполезно
Лишь оттого, что не ведает он ни границ обладанья,
Ни предела, доколь наслаждение истое длится.
Это и вынесло жизнь постепенно в открытое море
И подняло из пучин войны великие волны.

Солнце же вместе с луной — караульщики мира, — великий
Неба вертящийся свод сияньем своим озаряя,
Людям внушили, что смена времен годовых неизменно,
Так же, как всё во вселенной, свершается в строгом порядке.

Жизнь проводили уже за оградой крепкою башен
И, на участки разбив, обрабатывать начали землю,
Море тогда зацвело кораблей парусами, и грады
Стали в союзы вступать и взаимно оказывать помощь,
Как появились певцы, воспевавшие века деянья;
А незадолго пред тем изобретены были и буквы.
Вот отчего мы о том, что до этого было, не знаем
Иначе, как по следам, истолкованным разумом нашим.

Судостроенье, полей обработка, дороги и стены,
Платье, оружие, права, а также и все остальные
Жизни удобства и всё, что способно доставить усладу:
Живопись, песни, стихи, ваянье искусное статуй —

Всё это людям нужда указала, и разум пытливым
Этому их научил в движении вперед постепенном.
Так изобретенья все понемногу наружу выводит
Время, а разум людской доводит до полного блеска.
Видели ведь, что одна за другой развиваются мысли,
И мастерство наконец их доводит до высших пределов.

КНИГА ШЕСТАЯ

Первые некогда знак, приносящий плоды, даровали
Жалкому роду людей осиянные славой Афины;
Жизнь обновили они и законы для всех учредили,
Первые подали всем утешения сладкие жизни,
Мужа родивши, таким одаренного сердцем, который
Всё объяснил нам, из уст источая правдивые речи.
Даже по смерти его откровений божественных слава,
Распространившись везде, издревле возносится к небу.
Ибо, когда он узрел, что потребное смертным для жизни
И поддержанья ее предоставлено им в изобилии,
Что обеспечена жизнь безопасностью, сколько возможно,
Что возвышает людей и богатство, и знатность, и слава,
И что кичатся они сыновей своих именем добрым,
Но тем не менее всех снедает в сердце забота,
И беспрерывно их дух угнетают невольные страхи,
Гложет сомненье всегда и тяжкие жалобы мучат, —
Уразумел, что порок заключается в самом сосуде
И что порочность его постоянно внутри разлагает
Всё, что приходит извне, даже самые ценные вещи.
Ибо увидел он тут, что сосуд подтекает и треснул,
Так что наполнить его до краев никогда невозможно,
Да и, с другой стороны, отвратительный вкус принимает,
Видимо, всё, что внутри накапливается в этом сосуде.
Вследствие этого он правдивою речью очистил
Людям сердца и конец положил он и страсти и страху;
В чем состоит, объяснил он, высшее благо, какого
Все мы стремимся достичь, и путь указал по тропинке
Краткой, какою его достигаем мы прямо и быстро;
Сколько рассеяно зла в делах человеческих всюду,
Как, разлетаясь, оно различно людей настигает
В силу законов природы, естественно или случайно;
Он указал и врата, — откуда мы можем навстречу
Выйти ему, — доказав, что род человеческий часто
Вовсе напрасно в душе волнуется скорбной тревогой.
Ибо как в мрачных потемках дрожат и пугаются дети,
Так же и мы среди белого дня опасаемся часто
Тех предметов, каких бояться не более надо,
Чем того, чего ждут и пугаются дети в потемках.
Значит, изгнать этот страх из души и потемки рассеять

Должны не солнца лучи и не света сиянье дневного,
Но природа сама своим видом и внутренним строем.
И потому продолжаю я нить своего рассужденья.

После того, как уже объяснил я, что мира строенье
Смертно и что небеса состоят из рожденного тела,
И разобрал большинство явлений, что в них происходят
И совершаться должны, узнай теперь остальное,
Раз уж однажды взойти на высокую я колесницу

* * *

Ветров вздымается вихрь, а затем наступает затишье

* * *

Было, меняется вновь, умиривши свое бушеванье.
Всё остальное, что здесь на земле созерцают и в небе
Смертные, часто притом ощущая и страх и смущенье,
Дух принижает у них от ужаса перед богами
И заставляет к земле поникать головой, потому что
В полном незнании причин вынуждаются люди ко власти
Вышних богов прибегать, уступая им царство над миром.
Этих явлений причин усмотреть и понять не умеют
И полагают, что все это божьим веленьем творится.
Ибо и те, кто познал, что боги живут безмятежно,
Всё-таки, если начнут удивляться, каким же порядком
Всё происходит кругом, особенно то, что мы видим
Над головою у нас, в беспредельных пространствах эфира,
Часто они обращаются вновь к суевериям древним
И признают над собой, несчастные, строгих хозяев,
Веруя в то, что они всемогущи, не зная, что может
Происходить, что не может, какая конечная сила
Каждой вещи дана и какой ей предел установлен.
Так в ослеплении с пути еще больше сбиваются люди.
Если же ты из души не извергнешь, отринув далеко,
Мысли, какие богов недостойны и миру их чужды,
За умаленье тобой святыни божественной вышних
Тяжко заплатишься ты; потому что, хотя невозможно
Вышних прогневать богов и заставить отмщеньем упиться,
Вообразишь ты, что их, пребывающих в мирном покое,
Будто бы гнева валы, вздымаясь высоко, волнуют;
С сердцем спокойным тогда не пойдешь ты к святилищам
божьим,
Также и призраков тех, что от плоти священной исходят
В мысли людей и дают представление о божеском лике,
Ты не сумеешь принять в совершенном спокойствии духа.
Можно отсюда понять, что за жизнь воспоследует дальше!
Чтобы подобную жизнь познание истины вовсе
Нам помогло устранить, то хотя уже многое раньше
Я объяснил, но еще остается немало стихами

Гладкими мне изложить и законы небесных явлений
В них охватить, и воспеть непогоды и молний блистанье, —
Что производят они, от какой возникают причины,
Чтоб, на участки разбив небосвод, не дрожал ты безумно,
Сияясь всё время понять, откуда явился летучий
Неба огонь и куда повернулся, и как через стены
Внутри он проник и оттолк, нахозяйничав, выбился снова.
Этих явлений причин усмотреть и понять не умеют
И полагают, что все это божьим веленьем творится.
Ныне ж, когда я стремлюсь последней намеченной цели
Бега достичь, укажи мне путь, хитроумная Муза,
Ты, Каллиопа, отрада людей и бессмертных улада,
Дабы, ведомый тобой, стяжал я венок достославный.

Прежде всего, небеса лазурные гром сотрясает
В силу того, что, летя высоко в пространствах эфира,
Тучи сшибаются там под натиском ветров противных.
Ведь не доносится звук из части безоблачной неба,
Там же, где тучи, толпой собравшись, сплотятся, оттуда
Чаще всего раздаются раскаты громовых ударов.
Далее, тучи никак из такого же плотного тела,
Как и камня и лес, состоять безусловно не могут
Или же редкими быть, как летучие дым и туманы,
Ибо от тяжести вниз они падали б грузно, как камни,
Иль, как и дым, никогда не могли бы ни крепко держаться,
Ни заключать ни холодных снегов ни дождей градоносных.
Звук раздается из туч по просторам обширного мира,
Шуму подобный тому, что, натянутый сверху театра,
Парус порой издаст, меж шестов колыхаясь и брусьев,
Или неистово он, своевольным разодранный ветром,
Треск производит такой, как будто бы рвется бумага;
Можешь подобный же звук различить ты и в рокоте грома
Или же платье когда висящее или бумаги
Листья летящие бьет и крутит по воздуху ветер.
Может случиться и так, что не только сшибаются тучи
В лоб, а идут иногда навстречу друг другу обходом,
Двигаясь с разных сторон, и медленно трутся краями;
Звуки сухие тогда раздирают нам уши и долго
Длятся, пока не пройдут теснинами узкими тучи.

Также бывает еще, что порой представляется, будто
Громом колеблется всё, и что будто распались внезапно
Мощные все на куски мироздания обширного стены,
Если, мгновенно скопив свои силы, неистовый ветер
Бурей влетит в облака и, ворвавшись туда, заключенный,
Вихрем крутящимся он сильнее и сильнее отовсюду
Тучи сжимает края, образуя внутри ее полость;
После ж, как силой ее и напором он резким ослабит,
Тотчас ужаснейший треск производит она, разорвавшись.
Странного нет: и пузырь, наполненный воздухом, так же
Хлопает громко, когда разрывается, лопнув внезапно.

Можно и так объяснить, что, когда через облако дует
Ветер, разносится шум. Мы же видим, что часто по небу,
Всячески тучи ветвясь, громадой неровною мчатся.
Так, когда в чаще лесной, проносясь от полуночи, ветер
Дует, шумит и листва, и ветви трещат на деревьях.
А иногда, наскочив с необузданной силой на тучу,
Ветер с налёту ее разрывает и в клочья разносит.
Сила порыва его совершенно для нас очевидна:
Даже и здесь на земле, где гораздо слабее он дует,
Он вырывает легко деревья высокие с корнем.
В тучах бывают еще и волны, которые будто
Рокот глухой издают, разбиваясь. В прибое глубоких
Рек и обширных морей подобный же звук раздается.
Также бывает еще, коли в тучу из тучи палящий
Молнии ударит огонь, то, обдавши обильною влагой,
Туча на месте его убивает с неистовым ревом.
Так и железо шипит, когда раскаленным из горна
Жаркого сразу его погружаем в холодную воду.
Если ж, напротив, огонь попадает на тучу сухую,
С шумом великим она загорается, вспыхнув мгновенно.
Так, когда пламя бежит горами, поросшими лавром,
Всё сожигает оно с налёту, гонимое ветром,
Ибо ничто не горит с таким ужасающим шумом
И не трещит, запылав, как Феба Дельфийские лавры.
Часто гремят, наконец, и рушатся с грохотом громким
Льдины и град, высоко в облаках сокрушаясь огромных,
Ибо, коль ветер сожмет и стеснит их, ломаются горы
Сдавленных туч снеговых, перемешанных с градом холодным.

Молния также блестит, когда тучи в своем столкновении
Много семян выбивают огня. Точно так же, как камень
Если о камень другой иль железо ударится, тотчас
Вспыхнет огонь и кругом рассыпает блестящие искры.
Гром раздается в ушах поздней, чем глаза различают
Молнии блеск, потому что всегда до ушей достигают
Медленней звуки, чем то, что дает впечатления глазу.
В этом нетрудно тебе убедиться: коль издали смотрим,
Как дровосек топором двусторонним деревья срубает,
Видим мы раньше удар, а потом уже звук раздается
В наших ушах. Потому мы и молнию видим сначала,
Прежде чем слышится гром, с огнем возникающий вместе,
В силу таких же причин и таких же совсем столкновений.

Также бывает еще, что тучи окрасят окрестность
Светом летучим в грозе, сверкающей трепетным блеском,
Ежели, в тучу влетев, закружится ветер, сжимая,
Как указал я уже, изнутри по краям ее полость;
Разгорячается он от движенья, как всё остальное,
Двигаясь, — видишь, — горит, распалившись: свинцовые

даже

Ядра, коль долго летят, растопляются в быстром вращеньи.
Так что, когда разорвет раскаленный он черную тучу,
То рассыпает огня семена, как бы силой внезапной
Выжавши их, и дают они молний сверкающих пламя.
Следом за этим и звук раздастся, но он поражает
Уши позднее, чем то, что доходит до нашего глаза.
Это, конечно, всегда при густых облаках происходит,
Мощною кучей вверху взгроможденных одно на другое.
Пусть не вводит тебя в заблужденье, что снизу мы видим
Больше, как вширь раздались, чем как ввысь облака
громоздятся.

Ты посмотри как–нибудь, как горам подобные тучи
В воздухе мчатся вперед, накрываясь под натиском ветра,
Или взгляни, как они, на высоких горах накопившись,
Кучами в небе сошлись, напирая одна на другую,
И неподвижно стоят, когда замерли ветры повсюду.
Сможешь тогда ты понять, насколько громады их мощны,
И различить среди них пещеры, как будто из камней
Сверху нависших. И вот, при поднявшейся буре, их полнят
Ветры и бесятся там, в облаках заключенные, с громким
Рокотом, грозно ворча в глубинах, как дикие звери,
И то оттуда их рев в облаках, то отсюда несется:
Выхода ищут они и огня семена извлекают,
Вихрем крутясь, из туч и, добыв их во множестве, гонят
Пламя внутрь очагов раскаленных, и там его вертят
Вплоть до того, как сверкнул они молнией, тучи прорвавши.

Также еще и по той причине подвижно–летучий
Блеск золотистый огня текучего наземь слетает,
Что и в самих облаках семян огневых несомненно
Множество есть; а когда в них влажности нету нисколько,
Обыкновенно тогда они огненно–яркого цвета.
Дело ведь в том, что они должны позаимствовать много
Света от солнца, чтоб так и алеть и сиять, пламенея.
Если же ветер, гоня и сжимая, собьет их все вместе,
Тотчас они из себя семена испускать начинают,
Производящие блеск и сияние огненных молний.
Молния также блесит, когда тучи редуют на небе.
Ибо, когда на ходу их ветер легонько развеет
И разорвет, то из них, поневоле тогда выпадая,
Молний летят семена. Но при этом ужасных раскатов
Грома не слышно: блесит безо всякого шума зарница.

Мне остается сказать, какой обладает природой
Молния. Это удар выясняет ее, огневые
Знаки, что выжжет она, и удушливый запах их серный.
Всё это — знаки огня, но отнюдь не дождя и не ветра.
Молнии, кроме того, зажигают и крыши построек,
Да и внутри их они начинают хозяйничать быстро.
Этот тончайший огонь из огней, существующих в мире,
Сделан природою весь из мельчайших и самых подвижных

Тел, для которых ничто не в силах поставить преграды.
Даже сквозь стены домов проникают могучие молнии,
Как голоса или крик: проникают сквозь медь, сквозь камень
И расплавляют они как медь, так и золото мигом;
Делают так, что вино, — хотя бы кувшин и не треснул, —
Всё испаряется вдруг, потому что, конечно, легко им
Стенки сосуда везде и расширить и редкими сделать,
Их раскаляя огнем, который, внутрь проникая,
Первоначала вина разлагает и живо разносит.
Этого солнечный жар и ввек не способен, как видно,
Сделать, как бы он ни был сверкающим пламенем мощен:
Столь несравненно мощней и подвижнее молнии сила.

Ну, а теперь почему рождаются молнии и могут
Столь сокрушительны быть, что способны разрушить ударом
Башни, дома развалить и вывертывать балки и бревна,
И монументы мужей потрясать и крушить, низвергая,
Насмерть людей убивать и стада поражать где угодно, —
Силой какою они производят и всё остальное,
Я объясню и тебя не буду томить ожиданьем.

Молнии, надо считать, из высоких и толстых родятся
Облачных куч потому, что из чистого неба иль легких
И негустых облаков никогда их у нас не бывает.
Ибо сомнения нет, да и всем очевидно и ясно,
Что при грозе небосвод целиком облака застилают,
Так что как будто бы весь с Ахеронта поднявшийся сумрак
Вывался вон, захватив и заполнив небесные своды:
Вот до чего, когда черная ночь возникает из тучи,
Ужаса мрачного лик угрожает нам, сверху нависнув,
Только лишь станет гроза собираться и молнии заблещут.
Часто же, кроме того, надвигается издали в море
Грозная туча, густой напоенная тьмою, как черный
С неба поток смоляной, и чреватую молнией бурю
Мрачную тащит с собой; и сама, и огнями и ветром
Обремененная, так низвергается сверху на волны,
Что и на суше дрожат и под кровли бросаются люди.
Значит, должны мы считать, что высоко скопляются грозы
Над головою у нас. Ибо иначе тучи на землю
Мглы не спускали б такой, не будь они кучей на кучу
Взгромождены наверху, затмевая сияние солнца;
И не могли бы они разражаться такими дождями,
Чтобы и реки вздувать и водами полнить равнины,
Если б строения их не вздымались высоко в эфире.
Значит, наполнено здесь и ветрами всё и огнями,
А из-за этого гром и молнии всюду бывают.
Ибо, как я указал, в облаках заключается полых
Множество жара семян, и к тому ж они много вбирают
Их и от солнца лучей и от пламени их несомненно.
Так что, коль где-нибудь вдруг облака соберутся, и ветер
Тот же, какой их согнал, из них выжимать начинает

Множество жара семян и с огнем их мешается вместе,
Вихрем он мечется там и крутится, проникнув в теснины,
И заостряет внутри очага раскаленного молнии.
Ибо от двух он причин загорается: иль накаляясь
Быстрым движеньем своим, или тем, что к огням прикоснется.
Лишь накалится он сам своей собственной силой иль мощным
Пылом огня наконец, то молния, как бы созревши,
Вдруг разорвет облака, и проносится пламенем ярким
Быстро сверканье ее, заливая окрестности светом.
Следует тяжкий удар, как будто бы, лопнув внезапно,
Рушится весь небосвод и грозит обвалиться на землю.
Там и земля сотрясается вся, и проносится в небе
Дальнем громовый раскат, грохоча, ибо этой порою
Буря повсюду уже разражается рокотом грозным.
А за ударом такой разражается дождь изобильный,
Будто бы весь целиком эфир обращается в ливень
И, низвергаясь, опять земле угрожает потоком:
Столько тут хлещет воды в урагане бушующем ветра
Вниз из разорванных туч при сверкании молний и грома.
Также откуда-то вдруг налетает с неистовой силой
Ветер на тучу уже с готовой свалиться вершиной.
Лишь разорвет он ее, как сейчас же тут вихрь вылетает
Огненный, что на родном языке называем мы молнией.
Это бывает везде, откуда бы ветер ни мчался.
А иногда без огня поднявшийся с силою ветер
Воспламеняется всё ж в продолжение долгой дороги.
Двигаясь, он на ходу теряет такие из крупных
Тел, для которых нельзя с остальными пробиться сквозь
воздух;

Вместе же с тем из него на себе он выносит другие —
Мелкие, что, на лету примешавшись, огонь образуют.
Тем же, примерно, путем и свинцовые ядра нередко
Могут горячими стать на бегу, когда, много холодных
Выпустив тел из себя, они в воздухе жар набирают.
Часто, чтоб вспыхнул огонь, достаточно силы удара,
Даже когда без огня холодный врывается ветер.
Не мудрено: коль толчок оказался достаточно мощным,
Жара стихиям сойтись возможно из самого ветра
И, вместе с тем, из того, что при этом удар получило.
Так вылетает огонь при ударе железом о камень,
И хотя сила его холодна, тем не менее вместе
Жаркие искр семена сбегаются тут от удара.
Так же поэтому все должно загораться от молний,
Если доступно огню и способно от пламени вспыхнуть.
Но и нельзя допустить, чтобы ветер, который несется
Сверху напором таким, совершенно холодным остался.
Если же сам на лету не успел он еще загореться,
Всё же нагретымся он налетает и с примесью жара.

Молнии стремителен бег, и разит она тяжким ударом,
И с быстротою всегда чрезвычайной скользит при полете

Из-за того, что сама в облаках набирается силы,
Прежде чем вылетит вон, получая огромную скорость.
А когда большой напор ее выдержать туча не может,
Вырвавшись тут, вылетает она с изумительной силой,
Вроде того, как снаряд из могучих несется орудий.
Кроме того, элементы ее и мелки и гладки,
И потому не легко для молнии поставить преграды.
Внутри проникает она и проходит по пористым ходам,
Без промедленья скользя, и не много встречает препятствий,
Из-за чего и летит неуклонным и быстрым стремленьем.
И от природы, затем, все тяжести без исключенья
Книзу стремятся лететь; когда же толчок сообщен им,
Скорость их вдвое сильнее. И стремление поэтому молнии
Столь велико, что она без задержек и резко и быстро
Всё сокрушает в пути пред собой и проносится дальше.
Издалека, наконец, начиная стремление, будет
Скорость она набирать, а скорость, растя при движении,
Всё усиляет ее и удар ее делает резче:
Молнии все семена заставляя она уноситься
Прямо вперед и в одно, скажу я, какое-то место,
Вместе сбивая их все и крутя их в одном направлении.
Некие также тела извлекает из воздуха молния,
Может быть, тут и они разжигают ей скорость толчками.
Не причиняя вреда, она много предметов пронзает,
Ибо текучим огнем без ущерба сквозь поры проходит.
Много и рушит она, коль столкнется своими телами
Прямо с телами вещей, где тела эти связь образуют.
Далее, молния медь распускает и золото сразу
Плавит легко потому, что сама из до крайности мелких
Тел основных состоит, да и гладких притом элементов,
Что проникают в нутро без труда; и, проникнув, внезапно
Все распускает узлы и все связи в вещах ослабляет.

Осенью чаще всего осиянные звездами ярко
Неба чертоги дрожат, и земля сотрясается всюду,
Или как только весна открывается, вся расцветая.
В зимнюю пору огней нехватает, а в летнюю — ветров
Мало, и тучи тогда не достаточно плотны бывают.
Осенью ж или весной, между стужей и жаркой погодой,
Соединяются все разнородные молний причины:
Года тогда перебой жару с холодами мешают;
Тучам же нужно и то и другое для деланья молний,
Чтобы в природе разлад наступил, чтобы в бурном смятении
Ветров с огнями вскипел разъяренный волнением воздух.
Зноя начало с концом совпадает последним мороза:
Это приходит весна; и поэтому надо бороться
Разным друг с другом вещам и мешаться в пылу этой схватки.
Если же зной под конец со стужей мешается первой
В круговороте времен, — говорим мы, что осень настала, —
Тут точно так же зима воюет, жестокая, с летом.
Смены такие назвать мы должны перебоями года.

Не мудрено, что тогда особенно много бывает
Молний и гроз, и, шумя, проносятся по небу бури.
Ибо сшибаются тут в борьбе постоянной друг с другом
Пламя, отсюда летя, и ветер и ливень — оттуда.

Это возможность дает вполне разобраться в природе
Молний и видеть, какой они силою всё производят;
Нечего рыться тебе понапрасну в Тирренских вещаньях;
Чтоб указаний искать сокровенной божественной воли,
Сияясь всё время понять, откуда явился летучий
Неба огонь и куда повернулся, и как через стены
Внутрь он проник и оттоль, нахозяйничав, выбился снова,
Или же чем повредить может молния, с неба ударив.
Если Юпитер и с ним остальные всевышние боги
Грохотом грозным небес потрясают блестящие своды
И низвергают огонь, руководствуясь собственной волей,
То почему же у них не боящийся гнусных проступков
Не поражается так, чтобы грудью пронзенною пламя
Молнии он выдыхал в назиданье суровое смертным?
И почему за собой злодеяний не знающий грязных
Пламенем часто объят и, невинный, бывает подхвачен
Вихрем внезапным с небес и огнем пожирается тут же?
Или к чему бы искать им пустынь и напрасно трудиться?
Разве, чтоб руки у них упражнялись и мускулы крепили?
Как допускать, чтобы стрелы Отца притуплялись о землю?
Как это терпит он сам? Почему на врагов не хранит их?
И почему, наконец, Юпитер ни разу на землю
Молнии с чистых небес не метнет, да и громом не грянет?
Что же? Иль тучи он ждет, чтобы, став на нее, опуститься
Ближе к земле самому и удар повернее направить?
Ну, а к чему же в моря он метит? И чем провинились
Волны пред ним, что он бьет по пучине и водным равнинам?
И, захоти он к тому ж остеречь нас от молнии удара,
Что ж уклоняться ему разряд ее видимым сделать?
Если же нас поражать огнем он желает нежданно,
Что ж он оттуда гремит и дает нам возможность укрыться?
Что же наводит он мрак и заранее глухо грохочет?
Да и поверишь ли ты, чтобы в разные стороны сразу
Молнию мог он метать? Иль дерзнешь с очевидностью
спорить,

Что раздается порой одновременно много ударов?
Часто случается так и должно непременно случаться,
Что, как во многих местах начинается дождь или ливень,
Так начинает блистать одновременно множество молний.
Капища все, наконец, святые богов и свои же
Пышные храмы зачем разрушает он молнией грозной,
Иль изваянья богов совершенные бьет он на части,
Или свои образа беспощадною раной бесчестит?
И почему постоянно он метит в высоты, и видно
Столько следов от огня на горных хребтах и вершинах?

Мне остается сказать, — и легко ты теперь разберешься
В том, что у греков «престер», а у нас называется смерчем, —
Как подымается он, на морях появляясь сверху.
Ибо бывает порой, что, как будто опущенный с неба,
Падает на море столб, вокруг которого вдруг закипают
Волны, коль ветер на них напирает, стремительно дует.
Тут все суда, что таким захвачены водоворотом,
Вертятся бешено в нем, подвергаясь огромному риску.
Это бывает порой, когда ветер влетевший не может
Тучу насильно прорвать, но вниз ее давит, и тут же
Падает на море столб, как будто опущенный с неба,
Словно бы кто кулаком ударял ее мало-помалу
Сверху и жал бы рукой, на волны ее нагнетая.
Но разорвется она, — и с неистовой силою ветер
В море влетит, и кипеть начинают раздутые волны.
Ибо крутящийся смерч, опускаясь всё ниже и ниже,
Вместе с собою туда увлекает тягучую тучу.
Только столкнет он ее отягченной на глади морские,
Как низвергается сам в глубину во мгновение, и море
Всё баламутит кругом и вздымает ревущие волны.
Также бывает еще, что семян тучевых насбирает
В воздухе ветряный вихрь и тучами сам обернется,
Напоминая престер, несущийся вниз с небосвода.
Только лишь стоит ему опуститься на землю и лопнуть,
Как разражается он ураганом и бурей ужасной.
Редко, однако, у нас происходят такие явления
И не видны на земле из-за гор, а встречаются чаще
В море открытом они на просторе широкого неба.

Тучи собираются там, где слетается много шершавых
Облачных тел наверху по пространству небесного свода.
И хотя эти тела не слишком-то цепки, но всё же
Могут, друг с другом сплотясь, держаться достаточно крепко.
Тут поначалу из них облака небольшие клубятся,
Вскоре же после того свиваются в кучи друг с другом,
Соединяясь, растут и уносятся по небу ветром
Вплоть до того, пока вдруг не подымется дикая буря.
Также заметно еще, что, чем дальше вздымают вершины
Горы в соседство небес, тем сильнее они и курятся
Плотно окутавшей их облаков желтоватою мглою.
Ибо лишь только начнут облака собираться по небу,
Прежде чем глаз различить способен их тонкие ткани,
Как уже ветры несут и к горным теснят их вершинам.
Только тогда, наконец, накопляясь большою толпою
И собираясь плотней, они видимы быть начинают
И, от макушки горы поднимаясь, восходят к эфиру.
Ибо и самая вещь, да и чувство, во время подъема
На горы, нам говорят, что открыты для ветров высоты.
Множество, кроме того, поднимает от моря природа
Тел дождевых, как о том говорит нам вобравшее сырость
Платье, которое мы развесим по берегу моря.

Видно из этого нам, что в значительной степени тучи
Могут усиливать рост от движенья соленой пучины;
Ибо во кровном родстве находятся всякие воды.
Кроме того, и от рек и от самой земли, как мы видим,
Часто туманы идут, и пар постоянно клубится;
Точно дыханье, они уносятся кверху оттуда,
Мглою своей небеса затмевая, и, мало—помалу
Вместе сходясь в вышине, облака, наконец, образуют.
Да ведь и сверху эфир звездоносный их пламенем давит
И одевает лазурь облаками, сгущая их плотно.
Может быть, также извне долетают до нашего неба
Эти тела, что дают облака и летящие тучи:
Неисчислимо число этих тел, бесконечно зияет
Бездна вселенной, как я говорил, указав и какую
Скорость имеют тела при полете, и как во мгновение
В неизмеримую даль проносятся способны в пространстве.
Значит, мудреного нет, что нередко в короткое время
Кучей таких облаков заволакивать буря и сумрак
Могут везде и моря и земли, нависнув над ними,
Если повсюду кругом, и по скважинам всяким эфира,
И по отдушинам всем, скажу я, великой вселенной
Выход свободный и вход открывается всем элементам.

Ну, а теперь я скажу, каким образом в тучах высоких
Может стучаться роса дождевая и падать на землю,
Ливнем оттуда идя. И, прежде всего, докажу я
То, что воды семена во множестве с тучами вместе
Всходят от всяких вещей, и затем вырастают совместно
Самые тучи и вся та вода, что скопилась в тучах,
Так же, как тело у нас растет одновременно с кровью,
С потом, со всей, наконец, по суставам сочащейся влагой.
Так же и влагой морской облака набухают обильно, —
Как шерстяное руно, что висит на морском побережьи,
Если их ветры несут высоко над просторами моря.
Точно таким же путем и от рек и от всяких потоков
Влага идет в облака. А когда отовсюду сойдется
Много семян водяных и накопятся там они вдоволь,
Наперебой облака торопятся выпустить влагу
В силу двояких причин: друг с другом сшибает их вместе
Ветер, и множество туч, собираясь большою толпою,
Давит их, сверху гнетя, и дождем заставляет излиться.
Кроме того, когда тучи на небе редуют от ветра
Или расходятся врозь, пораженные солнечным жаром,
То начинает из них моросить и накрапывать дождик,
Словно бы топится воск над огнем и стекает по каплям.
Ливень же льет проливной, когда тучи и сами сомкнутся,
Тяжко друг друга гнетя, и противные давят их ветры
А затяжные дожди, непрерывно идущие долго,
Льются тогда, когда много семян водяных соберется,
И отовсюду бегут облака и тяжелые тучи,
Следом одно за другим и одна за другой изливаясь,

И когда всюду земля в испарине влажной дымится.
Тут, если солнце блеснет во мгле непогоды лучами
Прямо напротив дождя, из тучи кропящего капли,
Радуги яркой цвета появляются в облаке черном.

Прочее всё, что вверху вырастает, вверху возникает,
Всё совершенно, что там в облаках образуется, словом:
Ветры, и град, и снега, и холодного инея иглы,
Как и всеильный мороз — оковы могучие влаги
И остановка для рек, что везде пресекает течение, —
Крайне легко объяснить; и вполне для ума постижимо,
Как получается всё и какой образуется силой,
Раз хорошо ты поймешь элементам присущие свойства.

Землетрясений теперь мы рассмотрим с тобою причины.
Прежде всего, ты представь, что глубины земли заключают,
Как и поверхность ее, великое множество полных
Ветром пещер, и озер, и провалов глубоких повсюду,
Что наполняют ее и отвесные скалы и глыбы;
Надо еще полагать, что внутри ее много потоков
Мощно течение стремят, увлекая подводные камни:
Всюду должна ведь земля однородною быть очевидно.
Если же всё это в ней и находится и существует,
То при обвалах больших сотрясается почва земная
Там, где внизу сокрушит пещеры огромные время.
Целые горы тогда низвергаются вдруг и далеко
Страшным паденьем своим потрясают окрестные земли.
Да и понятно вполне, раз и легкие даже повозки,
Едучи мимо домов, заставляют их стены шататься,
Если к тому же колес железом окованный обод
С той и с другой стороны о камня дорожные бьется.
Также бывает еще, что когда, сокрушенная веком,
Мощная глыба земли обрывается сверху в пучину,
То от напора воды начинает земля колебаться,
Вроде того, как сосуд не способен стоять, не шатаясь,
Если колеблется в нем неверным движением влага.

Кроме того, когда вихрь, в углубленьях подземных
скопившись,
Бросится сразу вперед и в одном направлении давит
Своды глубоких пещер, устремляясь с неистовой мощью,
Силою ветра земля наклоняется в сторону ту же.
Все угрожают тогда на земле возведенные зданья,
Главным же образом те, что высоко вздымаются к небу,
В сторону ту же упасть, куда и земля накренилась,
И нависают уже, готовые выскочить, балки.
Тут содрогаются все при мысли, что целому миру
Некогда будет конец и грозит ему полная гибель,
Видя громаду земли наклоненной, готовою рухнуть.
И если б ветры совсем никакой передышки не знали,
То не могло бы ничто удержать от гибели вещи.

В самом же деле они то улягутся, то налетают,
С силой собравшись опять, нападая и вновь отступая.
Чаще поэтому нам разрушением земля угрожает,
Чем производит его: накрываясь, она подается,
Но, не успевши упасть, в равновесие снова приходит.
Вот по причине какой и качаются стены строений
Сильно вверху, в середине слабей, а внизу незаметно.

Также еще потому сотрясения земли происходят,
Что неожиданно ветер и огромная воздуха масса,
Или возникнув извне, иль из самой земли появившись,
Сразу бросаются внутрь, в пустоты земли и, ворвавшись,
В безднах огромных пещер бушуют сначала и бурно
Носятся, вихрем кружась, а потом, разыгравшись, с силой
Вон необузданно вдруг вырываются и, разверзая
Тут же глубины земли, открывают огромную пропасть.
Это в Сидоне Сирийском случилось и в Эгии было
Пелопоннесском, когда таким извержением воздух
Эти разнес города и разрушил земли сотрясеньем.
Множество, кроме того, попадало стен при великих
Землетрясениях, и вглубь на дно опустилось морское
Много других городов со своим населением вместе.
Если ж не вырвутся вон ни воздуха натиск ни ветра
Дикая сила, то всё ж, проходя через поры земные,
Как лихорадка, они вызывают дрожание почвы.
Также и в тело озноб, до мозга костей проникая,
Все наши члены дрожать и трястись заставляет невольно.
Люди тогда в городах от страха двойного трепещут:
Сверху им крыши домов угрожают паденьем, а снизу, —
Жутко подумать, — земля готова внезапно расторгнуть
Своды подземных пещер и, разверзшись зияющей бездной,
Грудой развалин своих переполнить раскрытые недра.
Сколько угодно считать поэтому могут, что небо
Вместе с землею навек нерушимы должны оставаться;
Но тем не менее вдруг предстоящей опасности сила
Жало вонзает в людей и тревожит порою боязнию,
Как бы внезапно земля, ускользнув из—под ног, не низверглась
В пропасть, а следом за ней совокупность вещей не погибла
До основанья, и мир не остался лишь грудой развалин.

Кажется, прежде всего, удивительно людям, что море
Не прибывает ничуть, несмотря на стремление потоков,
Что отовсюду в него впадают и льются обильно.
Вспомни еще о дождях мимолетных, о бурях летучих,
Что орошают моря и земли собой увлажняют;
Вспомни морские ключи; но и это всё, взятое вместе,
Каплею будет одной по сравненью с объемами моря.
Что же мудреного в том, что оно не становится больше?
Многое, кроме того, испаряется солнечным жаром:
Видим же мы, наконец, что до нитки промокшее платье
Станет сейчас же сухим под палящими солнца лучами;

Гладь же морей велика и широко под солнцем простерта.
Сколько угодно мала поэтому может быть доля
Влаги на месте любом, поглощаемом солнцем из моря,
Но на пространстве таком ее убыль должна быть огромна;
Могут и ветры к тому ж, взметая морские равнины,
Множество влаги из волн уносить: ведь нередко мы видим.
Как за одну только ночь просыхают дороги от ветра,
И размягченная грязь застывает в окрепшую корку.
Кроме того, я сказал, что множество влаги и тучи
Могут с собой уносить с равнины великого моря
И выливать из себя по целому кругу земному
В ливнях, когда облака понесутся, гонимые ветром.
Так как земля, наконец, является пористым телом
И примыкает к морям, побережия их окаймляя,
То и вода из земли, утекая в моря, непременно
В землю обратно должна из соленой пучины сочиться.
Ибо морская вода проникает сквозь почву, и жидкость
В землю сочится назад, стекая к источникам водным,
После чего по земле возвращается пресным потоком
Там, где дорогу для волн она влажной пятою пробила.

Ну, а теперь почему из жерла скалистого Этны
Дышит порою огонь, вздымаясь таким ураганом,
Я объясню. Ибо тут ведь не малое бедствие было
В пламенной буре, поля сицилийские все охватившей
И приковавшей к себе внимание соседних народов,
Как задымились кругом и заискрились неба пространства;
И наполнялись сердца глядевших тревожной заботой,
Не замышляет ли вновь изменения мира природа.

Всё это надо тебе глубоко и пространно обдумать
И всесторонне во всех подробностях ясно увидеть;
Должен ты помнить всегда, что вселенная неизмерима,
Видеть, что небо одно в отношении к целой вселенной
Есть лишь ничтожная часть у нее и малейшая доля,
Меньше еще, чем один человек по сравнению с землею.
Если ты это постиг, если ты хорошо это понял
И представляешь себе, изумляться ты меньшему станешь.
Разве приходят у нас в изумленье, коль кто-нибудь схватит
Вдруг лихорадку и жар ощутит он горячечный в теле
Иль заболеет еще от любого другого недуга?
Вспухнет, бывает, нога неожиданно, часто и зубы
Мучит сверлящая боль или даже до глаз доберется;
Есть и «священный огонь», проползающий в тело, палящий
Разные части его и повсюду бегущий по жилам;
Не мудрено: потому что немало семян всевозможных,
Да и довольно земля с небесами приносит недугов,
Чтоб развиваться могли ужасающей силы болезни.
Стало быть, надо считать, что для неба с землей изобильный
У бесконечности есть всевозможных источник запасов,
Чтобы внезапно земля потрясенная вся колебалась,

Чтобы стремительный вихрь пробежал по морям и по суше,
Лился бы Этны огонь через край и горело бы небо.
Ибо случается так, и пылают небесные своды,
И непогоды шумят, разражаясь неистовым ливнем,
Если воды семена сойдутся во множестве вместе.
— «Но чересчур велико это бурное пламя пожара!» —
Да, но и всякий поток покажется самым огромным
Тем, кто не видел еще величайшего; также громадны
Будут для них человек, или дерево, или другие
Вещи, пока не пришлось повстречать им еще величайших,
Хоть и решительно всё с небесами, землею и морем
Сущее будет ничто по сравнению с целой вселенной.

Но, тем не менее, я объясню, каким образом пышет
Вдруг разъяренный огонь из горнила могучего Этны.
Прежде всего, под горой залегает обширная полость,
И целиком она вся на кремневых покоится сводах.
В этих пещерах ее заключается ветер и воздух:
Ветер ведь дует везде, где в движении находится воздух.
Лишь распалится он тут и, набросившись бешено, всюду
Скалы и землю кругом накалит, высекая из оных
Жгучий при этом огонь с языками, летящими быстро,
Как вырывается вверх по крутому отверстию жерла,
Пламя наверх вынося далеко; и далёко он пепел
Сыплет и черный туман клубит непроглядного дыма,
Вон выбивая с огнем и чудовищной тяжести камни.
Не усомнишься теперь ты в силе неистовой ветра!
Кроме того, о подошву горы на большом протяжении
Море ломает валы и прибой поглощает обратно;
И, в глубину уходя, подступают морские пещеры
К самому жерлу горы. Через эти проходы, конечно,
Ветер с волнами идет, поднимается кверху и часто,
Как очевидно для нас, проникает туда из пучины
И вырывается вон, выдувая наружу и пламя;
Камни кидает наверх и тучи песку поднимает.
Ведь на вершине горы открываются «кратеры». Это
Местное слово, а мы называем их — устья и жерла.

Вещи есть также еще, для каких не одну нам, а много
Можно причин привести, но одна лишь является верной.
Так, если ты, например, вдалеке бездыханный увидишь
Труп человека, то ты всевозможные смерти причины
Высказать должен тогда, но одна только истинной будет.
Ибо нельзя доказать, от меча ли он умер, от стужи,
Иль от болезни какой, или, может быть также, от яда,
Но, тем не менее, нам известно, что с ним приключилось
Что-то подобное. Так говорить нам о многом придется.

Нил, орошая страну Египта, единственный в мире,
Каждое лето растет и водою поля заливают.
Он наводняет всегда среди самого зноя Египет

Иль потому, что тогда ему в устье несутся Бореи,
Что этой летней порой название носят «годовых»;
Дуя напротив реки, они ей замедляют течение,
Воду вгоняют назад и, подняв ее, стать заставляют.
Ибо, сомнения нет, они против течения мчатся
Этой реки, приходя от холодных полярных созвездий;
Нил же от Юга идет, из самого знойного места,
Между народов, совсем почерневших от жгучего жара,
Течь начиная, — в стране под палящим полуденным небом.
Или, быть может, песку огромные кучи наносит
В устье морская волна, затыкая его, когда море,
Вздутое ветром, песок глубоко в русло загоняет.
Этим теченью реки преграждается выход свободный,
И по наклону вода уменьшенному тише стремится.
Может быть также и то, что истоки его в эту пору
Полнят обильней дожди, раз годовые, дуя, Бореи
Все облака нагоняют туда, собирая их в тучи.
И, без сомненья, когда облака в полуденные страны,
Сбитые вместе, сошлись, то, к высоким припертые горам,
Густо теснятся они, наконец, и сжимаются сильно.
Может быть, полнится он и с возвышенных гор Эфиопов,
Как начинают снега блестящие в долины спускаться,
От растопляющих тая лучей, посылаемых солнцем.

Ну, а теперь обо всяких местах и озерах Авернских
Я расскажу, объяснив, каковы их природные свойства.
Прежде всего, потому Авернскими их называют,
Что чрезвычайно они вредоносны для птиц всевозможных.
Стоит лишь им полететь как раз над такими местами,
Тотчас, грести позабыв, паруса они крыл опускают,
Падая сверху стремглав с бессильно поникшею шеей
На землю, если она оказалась в том месте под ними,
Или же в воду, когда под ними озера Аверна.
Место такое близ Кум существует, где серою острой
Горы обильно дымят и горячих источников полны.
Есть и в Афинских стенах, на вершинах кремля городского,
Около храма благой Тритониды Паллады такое
Место, куда залететь никогда не посмеют вороны,
Каркая: даже когда алтари от даров задымятся.
Но улетают они не от грозного гнева Паллады
За непотребный донос, как воспето поэтами греков,
А вынуждают бежать их природные местности свойства.
В Сирии, как говорят, существует подобное место:
Четвероногих зверей, не успевших и шага там сделать,
Тяжко на землю валит бездыханными эта же сила,
Точно бы в жертву богам принесли их внезапно подземным.
Но на естественных всё основаниях зиждется это,
И очевидно, какой обусловлено это причиной.
Пусть же не верит никто, что Орка находятся двери
Именно в этих местах, что из них к берегам Ахеронта
Души умерших людей увлекают подземные боги,

Как быстроногий олень, по преданию, ноздрями своими
Может извлечь из норы ползучее племя животных.
Правдоподобия нет никакого во всех этих баснях,
Как ты увидишь: хочу я сказать, как на деле бывает.

Прежде всего, я скажу, как и раньше не раз говорил я,
Что заключает земля всевозможного вида зачатки;
Многие пищу дают и живительны, многие могут
Вызвать, напротив, болезнь и ускорить собою кончину.
Разным живым существам для поддержки их жизни потребны
Разные вещи, как мной уже было указано раньше,
Из-за различия в их существе и различий в строении
Тканей у них основных и фигур их первичных зачатков.
Вредного много и в уши идет, проникает и в ноздри
Много такого, что нам и опасно и грубо на-ощупь;
Многого наше должно избегать осязание, и зрение
Остерегаться подчас, да и вкусу противного много.

Надо заметить затем, что много вещей человеку
Может и вред приносить и быть нестерпимо и мерзко.
Так, у деревьев иных настолько их тень вредоносна,
Что вызывают они у того, кто под ними улегся
На траву, чтоб отдохнуть, нестерпимую боль головную.
И на высоких горах Геликона есть дерево также,
Запахом тяжким цветов приносящее смерть человеку.
Всё это явно должно из-под почвы расти, потому что
Многоразличным путем и немало семян всевозможных
Смешано в недрах земли, но она их отдельно выводит.
Если удушливый чад от потушенной только что лампы
В ноздри проникнет больных, у которых в припадке падучей
Пена идет изо рта, то он усыпляет на месте.
Запах бобровой струи наводит на женщину дрему,
И выпускает из рук она нежных свои рукоделья,
Если вдыхает его во время своих очищений.
Много еще есть вещей, расслабляющих тело, и душу
Всю заставляющих в нас колебаться до самой основы.
И, наконец, если ты засидишься в горячей парильне
С полным желудком иль ванну берешь, иль запаришься в бане,
Как ты легко упадешь без сознания тут же на месте!
Тяжкий угар от углей раскаленных и сильный их запах
Как проникают нам в мозг, коль воды перед этим не выпить!
Если же тело у нас дрожит в лихорадочном жаре,
Может нам запах вина оказаться ударом смертельным.
Разве не видишь, что в почве самой зарождается сера,
И земляная смола запекается с мерзкою вонью?
Там, наконец, где, стремясь к золотым и серебряным жилам
В недрах сокрытых земли рудники прорывают железом,
Что за ужасный идет из-под почвы Скаптенсулы запах!
Сколько зловредных паров золотая руда испускает,
Как изнуряет она рудокопов бескровные лица!
Иль не видал, не слыхал ты, в какое короткое время

Гибнут они, и что сил лишается жизненных всякий,
Кто принужден добывать пропитанье такую работой?
Значит, земля из себя испускает всю эту отраву
И выдыхает ее на открытые неба просторы.

Так и в Авернских местах непременно должна для пернатых
Смертная сила итти, от земли восходящая в воздух,
Чтоб отравляла она известное неба пространство.
И не успеет туда на крыльях птица примчаться,
Как цепенеет тотчас и, невидимым схвачена ядом,
Сразу же падает вниз, куда тянут ее испаренья.
Только свалилась, — опять те же самые тут испаренья
Жизни остаток ее из тела уносят бесследно.
Дело ведь в том, что они сначала как будто дурманят,
А уже после, когда она скатится в самый источник
Этой отравы, то ей приходится с жизнью расстаться
Из-за того, что кругом огромное скопище яда.

Может быть также и то, что порой испаренья Аверна
Воздух, который лежит между птицей и почвой, рассеют
Силой своей, и почти что пустым остается всё место.
Стоит лишь птице влететь и над местом таким оказаться,
Как уж напрасно она бессильными крыльями машет:
Больше не служат они, и все их старания тщетны.
Тут, когда птица уже опереться не может на крылья,
Ясно, что клонит к земле ее собственной тяжести сила;
И, распростершись в пустом почти совершенно пространстве,
Всю свою душу она испускает в отверстия тела.

* * *

Летом в колодцах вода холодней, потому что от зноя
Пористой почва тогда и скорей выпускает на воздух
Жара она семена, какие в ней только найдутся.
Чем же сильнее земля истощится от летнего зноя,
Тем холоднее должна становиться под почвою влага.
В холод, напротив, она, под давлением стужи сжимаясь,
Как бы смыкается вся и, сходясь всё плотней и плотнее,
Весь свой остаток тепла выжимает, конечно, в колодцы.

Есть подле храма Аммона источник, который бывает
Холоден днем, говорят, и становится ночью горячим.
Сильно дивятся тому источнику люди, считая,
Что закипает он вдруг от под землю ушедшего солнца,
Только окутает ночь темнотою ужасною землю.
Правдоподобия нет, однакоже, в этом нисколько.
Ведь, коли солнце нагреть оказалось и сверху не в силах
Голого тела воды, обдавая его своим пылом,
Хоть обладаетверху оно зноем таким непомерным,
Как же бы снизу ему одолеть эту толщу земную,
Чтобы прогрелась вода и насытилась жаром горячим,

Если оно лишь с трудом способно бывает проникнуть
Даже сквозь стены домов раскаленного жара лучами?
Где же причина лежит? Без сомнения, в том, что гораздо
Пористой всей остальной вокруг источника этого почва,
Да и семян огневых по соседству с водою немало.
Только окутает ночь всю землю росистой влагой,
Как остывает земля и смыкается сразу плотнее;
И потому из себя, как бы сжатая чьей-то рукою,
Весь свой запас семян огневых выжимает в источник,
Делая влагу его испарений горячей на-ощупь.
После ж, как солнце, взойдя, раздвигает всю почву лучами
И разрежает ее смешением с пламенным жаром,
Первоначала огня возвращаются в старые гнезда,
И отступает тепло из источника в землю обратно.
Вот потому-то он днем и становится снова холодным.
Кроме того, и от солнца лучей будоражится влага
И, с нарастанием дня, разрежается трепетным зноем.
Это причина того, что она семена огневые
Все отдает. Так вода всю ту стужу, что в ней находилась,
Часто теряет и лед, ослабляя узлы, распускает.

Также холодный еще существует родник, над которым
Пакля, занявшись огнем, разгорается пламенем сразу;
Факел таким же путем зажигается там и по волнам,
Ярко пылая, плывет, уносимый порывами ветра.
Не мудрено, потому что в воде заключается много
Жара семян, и притом, из-под самой земли поднимаясь,
Всюду в источник идут непременно тела огневые
И одновременно вон, испаряясь, выходят на воздух;
Но не настолько их много, чтоб сам разогрелся источник.
Кроме того, заставляя их вон вырываться отдельно,
Лишь над поверхностью вод собирает их эта же сила.
В этом же роде родник, находящийся в море Арадском.
Пресную воду он бьет, разгоняя соленые волны.
Да и в других областях доставляет морская равнина
Пользу насущную всем морякам при томительной жажде,
Между соленых валов пресноводный родник извергая.
Стало быть, также, в родник прорываясь, способны наружу
Бить семена и, сходясь в поднесенной к источнику пакле
Или на факел садясь смоляной и к нему прилипая,
Вспыхнуть сейчас же легко, ибо также в себе заключают
Много семян огневых сокровенных и пакля и факел.
Да и не видишь ли ты, что когда к ночнику мы подносим
Свежепогашенный трут, то, еще не успев прикоснуться
К пламени лампы, он вдруг зажигается так же, как факел?
Многое, кроме того, загорается издали силой
Жара еще до того, что огонь его схватит вплотную.
Делаться то же должно и в источнике нашем, конечно.

Мне остается сказать, по какому закону природы
Может железо к себе притягивать камень, который

Греки «магнитом» зовут по названию месторождения,
Ибо находится он в пределах отчизны магнетов.
Этому камню народ удивляется, ибо нередко
Цепью звено к звену, от него исходя, повисает.
Можно ведь видеть порой, что, качаясь от легкого ветра,
Пять или больше таких свободно спускается звеньев.
Все они вместе висят и, одно к одному прилепляясь,
Камня силу и связь друг от друга тогда испытуют:
Так его сила всегда непрерывным вливается током.

Многое твердо должно здесь быть установлено прежде,
Нежели сможешь постичь ты правильно сущность предмета:
Надо к нему подходить и окольной и длинной дорогой;
А потому, я прошу, напряги ты и слух и вниманье.

Прежде всего, от вещей всевозможных, какие мы видим,
Необходимо должны истекать и лететь, рассыпаясь,
Тельца, которые бьют по глазам, вызывая в них зренье.
Запахи также всегда от известных вещей истекают
Так же, как холод от рек, зной от солнца, прибой от соленых
Моря валов, что кругом изъедает прибрежные стены;
Разные звуки летят постоянно, по воздуху вея;
Часто нам в рот, наконец, попадает соленая влага,
Если вдоль моря идем; а когда наблюдаем, как рядом
С нами полынный настой растворяют, — мы чувствуем горечь,
Так ото всяких вещей непрерывным потоком струятся
Всякие вещи, везде растекаясь, по всем направлениям;
Без остановки идет и без отдыха это течение,
Раз непрерывно у нас возбуждается чувство, и можем
Всё мы увидеть всегда, обонять и услышать звучащим.

Снова напомним тебе я при этом, насколько все вещи
Пористы телом. Уже из первой то явствует песни.
Дело ведь в том, что хотя для многого знать это важно,
Но для того, что сейчас непосредственно нас занимает,
В самом начале должно установлено быть непременно,
Что не встречается тел без смещения их с пустотою.
Видим мы, прежде всего, что поверхность камней в пещерах
Влагой потеет, и с них, просочившись, падают капли.
Также из тела у нас выделяется пот отовсюду,
Бороды наши растут, волосы прорастают сквозь кожу,
И растекается пища по жилам, растя и питая
Всякие члены у нас, пробиваясь и в самые ногти.
Чуствуем также сквозь медь мы и холод и жар раскаленный,
Чуствуем мы, что они через золото могут проникнуть
И в серебро проходить, когда держим мы полные кубки.
В каменных стенах домов, наконец, голоса пролетают,
Запах течет через них, и внедряется холод свободно
Так же, как жар от огня, проникающий даже в железо.
Всюду кругом, наконец, несмотря на небесную броню,
Сила болезни идет, проникая снаружи на землю;

И непогоды затем, на земле и на небе возникнув,
Вновь, как и должно, назад возвращаются в землю и небо,
Так как ведь нет ничего, что бы не было пористо телом.

Надо добавить еще, что совсем не на всё однородно
Действовать могут тела, из вещей исходящие всяких.
И далеко не всегда для всего одинаково годны.
Солнце, во-первых, сухой и запекшейся делает землю,
Лед же, напротив того, распускает и снега сугробы
Горных высоких вершин растворяет своими лучами;
Тает и воск, наконец, на солнечном лежа припеке.
Также огонь, растопляя и медь, да и золото плавя,
Кожу и мясо морщит и, сжимая их крепко, коробит.
Далее, влага дает раскаленному твердость железу,
Но в то же время смягчит затвердевшие кожу и мясо.
Зелень маслины для коз бородатых настолько приятна,
Будто бы нектар течет из нее и амброзии соки.
Для человека же нет ничего, что листья этой горше.
И, наконец, для свиньи майоран нестерпим, и боится
Всех благовоний она: это яд ведь щетинистым свиньям,
А человека порой благовония в чувство приводят.
Наоборот, та же грязь, что для нас отвратительно мерзкой
Кажется, — всякой свинье настолько, как видно, приятна,
Что целиком она вся валяется в ней ненасытно.

Здесь остается одно, что сказать, как мне кажется, прежде
Надо бы, чем приступить к изложению самого дела.
Так как во всяких вещах имеются многие поры,
То непременно они обладают несходной природой,
Да и особыми быть по природе должны эти ходы.
Ибо живым существам присущи различные чувства,
Что по-особому всё, подходящее им, ошущают.
Ибо мы видим, что звук проникает своею дорогой,
Вкус же от пищи своей, и своею — удушливый запах.
Далее, может одно просочиться сквозь камни, другое
В дерево может пройти, а третье — сквозь золото выйти
Иль в серебро, наконец, и в стекло проникает иное;
Образы там протекут, а здесь — теплота, как мы видим,
И по тому же пути одно обгоняет другое.
Ясно, что всё это так производит природа проходов,
Многообразным путем изменяясь, как мы указали,
Из-за различий в природе вещей и в строении тканей.

Так как теперь это всё установлено твердо и точно,
И основания все подготовлены нами, как должно,
То остальному уже не трудно найти объяснение,
И открываются все притяженья железа причины.
Прежде всего, из магнита должны семена выделяться
Множеством или же ток истекать, разбивая толчками
Воздух, который везде между камнем лежит и железом.
Только что станет пустым пространство меж ними, и много

Места очистится там, как тотчас же, общею кучей,
Первоначала туда стремглав понесутся железа;
Следом затем и кольцо устремляется всем своим телом.
Ибо нет вещи такой, чтобы первые в ней элементы
Были в столь тесной связи и так цепко держались бы вместе,
Как необорная мощь и пронзительный холод железа.
Значит, мудреного нет, что не может, как мы указали,
Множество тел основных от железа совсем отделяться
И в пустоту улетать, чтобы вслед и кольцо не помчалось;
Что производит оно и мчится, пока не сойдется,
С камнем самым и на нем не повиснет в невидимых узах.
Это бывает везде, где только очистится место,
И в направлении любом, будь то в сторону или же кверху:
Тотчас несутся тела в пустоту, находясь по соседству.
Дело ведь в том, что к тому побуждают извне их удары,
Сами ж они никогда не способны подняться на воздух.
Кроме того, — чтоб еще облегчалось действие это
И совершалось скорей движенье, — приходит на помощь
То, что, как только напротив кольца разрезается воздух
И остается пустым и очищенным место до камня,
Воздух, который лежит за кольцом, устремляется сразу,
Будто бы сзади толкает кольцо и уносит, и гонит.
Ведь ударяет всегда окружающий воздух предметы.
В этом же случае он потому подгоняет железо,
Что принимает его опустелое место пространства.
Он, этот воздух, идя через частые поры железа
И незаметно внутри доходя до мельчайших частичек,
Мчит и уносит его, как корабль, подгоняемый ветром.
Всякие вещи должны, наконец, заключать в своем теле
Воздух, поскольку они все пористы телом, и воздух
Их обтекает кругом и к ним прикасается всюду.
Воздух, который в самих заключается недрах железа,
Должен всегда пребывать в непрестанном движении, и этим
Он, без сомнения, бьет по кольцу и внутри его движет.
Значит, несется кольцо, направляясь, куда устремилось
Раньше уже, и летит в пустоту, продолжая движенье.

Также бывает порой, что железо отходит от камня
Этого, то возвращаясь к нему, то опять убегая.
Видеть случалось мне, что прыгают в медных сосудах
Самофракийские кольца с опилками вместе железа,
Бурно бушуя, когда под сосудом камень магнитный,
Словно скорей убежать они жаждут от этого камня.
Меди прослойка собой вызывает сумятицу эту,
Ибо врываются тут, безусловно, в железо сначала
Медные токи и в нем занимают открытые ходы;
После же каменный ток, появляясь, находит, что полны
Поры железа везде, и проплыть уже негде, как раньше,
Что принуждает магнит колотить и толкать истеченьем
Ткани железа; и так происходит, что он отшибает
И отгоняет сквозь медь то, что он без нее поглотил бы.

Вовсе не надо тебе удивляться, что ток из магнита
Не в состояньи совсем на другие воздействовать вещи.
Частью их тяжесть стоять заставляет, — как золото, — частью
Пористы телом они, и поэтому ток устремляться
Может свободно сквозь них, никуда не толкая при этом;
К этому роду вещей мы дерево можем причислить,
Среднее место меж тем и другим занимает железо:
Ежели примет в себя оно несколько телец из меди,
То отгоняет его истечением камень магнитный.
Эти явления совсем не настолько, однако, отличны,
Чтобы не мог привести я подобных же сколько угодно
И указать, что порой лишь одно подходяще другому.
Известью только одной, как известно нам, держится камень,
Дерево только одним бычачьим скрепляется клеем,
Так что скорее доска, по волокнам растреснувшись, лопнет,
Чем разойдутся ее скрепления, залитые клеем.
Сок виноградный спешит с родниковой смешаться водою,
Но ни густая смола ни легкое масло не могут.
Раковин пурпурных сок сочетается с шерстью столь тесно,
Что никогда от нее отделиться он больше не может,
Как бы ты шерсть отбелить ни старался потоком Нептуна:
Даже все волны морей не отмоют пурпуровой краски
Золото к золоту вещь не одна ли, скажи, припаяет?
С медью скрепляется медь не при помощи ль олова только?
Много еще привести я мог бы примеров, но надо ль?
Ведь ни тебе не нужны околичности эти нисколько,
Ни для меня ни к чему затрачивать столько стараний.
Надо в коротких словах постараться все выводы сделать:
Вещи, в которых их ткань совпадает взаимно с другою,
Так что, где выпуклость есть, у другой оказалась бы там же
Впадина, — эта их связь окажется самою тесной.
Есть и такие еще, что крючками и петлями будто
Держатся крепко и так друг с другом сцепляются вместе.
Это скорее всего происходит в железе с магнитом.

Ну, а теперь, отчего происходят болезни, откуда
Может внезапно прийти и повеять поветрием смертным
Мора нежданного мощь, и людей и стада поражая,
Я объясню. Существует немало семян всевозможных,
Как указал я уже, из которых одни животворны,
Но и немало таких, что приводят к болезни и смерти,
К нам долетая. Когда они вместе сойдутся случайно
И небеса возмутят, зараженным становится воздух.
Весь этот гибельный мор, все повальные эти болезни
Или приходят извне и, подобно туманам и тучам,
Сверху чрез небо идут, иль из самой земли возникают,
Вместе сбираясь, когда загнивает промокшая почва
И от дождей проливных, и от солнца лучей раскаленных.
Да и не видишь ли ты, что воды перемены и неба
Вредны для тех, кто ушел далеко от отчизны и дома,

Так как попал он теперь в совершенно другие условия?
Ибо какая должна быть разница между Британским
Небом и небом Египта, где ось наклоняется мира?
Между Понтийским и тем, что идет от пределов Гадеса
Вплоть до народов, совсем почерневших от жгучего жара!
Как различаются все четыре деления света
И по ветрам четверем и по разным частям небосвода,
Так и наружность и цвет у людей различаются сильно,
И у различных племен и болезни их также различны.
Есть вблизи Нила болезнь, что название носит «слоновой»,
В среднем Египте она, и нигде не является больше;
В Аттике — ноги болят, глаза же — в пределах Ахейских;
Так и другие места оказаться опасными могут
Разным телесным частям: всё зависит от воздуха свойства.
И потому, когда вдруг всколыхнется нам чуждое небо
И пробираться начнет понемногу опасный нам воздух,
Как облака и туман, подползает он, крадучись тихо,
Всё по дороге мутя и кругом приводя в беспорядок;
И, доходя, наконец, и до нашего неба, его он
Уподобляет себе, нам делает чуждым и портит.
Новая эта беда и зараза, явившись внезапно,
Может иль на воду пасть, иль на самых хлебах оседает,
Или на пище другой для людей и на пастьбах скотины,
Иль продолжает висеть, оставаясь в воздухе самом;
Мы же, вдыхая в себя этот губительно смешанный воздух,
Необходимо должны вдохнуть и болезнь и заразу.
Точно таким же путем и быков этот мор заражает,
И нападает болезнь и на блеющих вялых баранов.
И безразлично для нас, посетим ли мы сами те страны,
Что неприязненны нам, меняя небес облаченье,
Или природа сама принесет зараженное небо,
Или еще что-нибудь, к чему мы совсем не привыкли,
То, что приходом своим неожиданным может быть вредно.

Этого рода болезнь и дыханье горячее смерти
В кладбище некогда все обратили Кекроповы земли,
Жителей город лишив и пустынными улицы сделав.
Ибо, в глубинах Египта родясь и выйдя оттуда,
Долгий по воздуху путь совершив и по водным равнинам,
Пал этот мор, наконец, на всё Пандионово племя,
И на болезнь и на смерть повальную всех обрекая.
Прежде всего голова гореть начинала от жара,
И воспалялись глаза, принимая багровый оттенок;
Следом за этим гортань, чернея глубоко, сочилась
Кровью, и голоса путь зажимали преградою язвы;
Мысли глашатай — язык затекал изверженной кровью,
Слабый от боли, в движении тяжелый, шершавый наощупь.
Дальше, когда, сквозь гортань накопляясь в груди, проникала
Сила болезни затем и в самое сердце больного,
То, расшатавшись, тогда колебались жизни устои.
Вместе с дыханием рот испускал отвратительный запах,

Тот же, какой издает, загнивая, смердящая падаль.
Силы духовные тут ослаблялись, и тело томилось,
Ослабевавшая совсем у самого смерти порога.
И безысходной тоской нестерпимые эти страдания
Сопровождались всегда, сочетаясь с мучительным стоном.
Часто и ночью и днем непрерывные схватки икоты
Мышцы и члены больных постоянно сводили и, корча,
Их, истомленных уже, донимали, вконец изнуряя.
Но ни на ком бы не мог ты заметить, чтоб жаром чрезмерным
Кожа горела больных на наружной поверхности тела;
Нет, представлялась она скорей тепловатой наощупь;
Точно ожогами, все покрывалось тело при этом
Язвами, как при священном огне, обнимающем члены;
Внутренность вся между тем до мозга костей распалялась,
Весь распалялся живот, пламенея, как горн раскаленный.
Даже и легкая ткань и одежды тончайшие были
Людям несносны; они лишь прохлады и ветра искали.
В волны холодные рек бросались иные нагими,
Чтобы водой освежить свое воспаленное тело.
Многие вниз головой низвергались в глубины колодцев,
К ним припадая и рты разинув, над ними склонялись:
В воду кидаться влекла неуёмная, жгучая жажда;
Даже и дождь проливной представлялся им жалкой росой.
И передышки болезнь не давала совсем. В изнурении
Люди лежали. Врачи бормотали, от страха немея,
Видя всегда пред собой блуждавший, широко открытый
Взгляд воспаленных очей, не знавших ни сна ни покоя.
Много еще и других появлялось признаков смерти:
Путались мысли, и ум от унынья и страха мешался,
Хмурились брови, лицо становилось свирепым и диким,
Слух раздражен был, и шум раздавался в ушах, не смолкая,
Делалось частым дыханье, а то затычным или редким,
Шея покрыта была лоснящейся влагою пота,
В жидких и скудных плевках соленая, цвета шафрана,
С хриплым кашлем слюна с трудом выделялась из горла.
Мышцы сводило в руках, и члены тряслись и дрожали,
И, начиная от ног, подыматься все выше и выше
Холод не медлил. Затем, с наступленьем последнего часа,
Ноздри сжимались, и нос, заостряясь в конце, становился
Тонким, впадали глаза и виски, холодея твердели
Губы, разинут был рот и натянута лобная кожа.
Без промедленья потом коченели отмершие члены.
Вместе с восьмою зарей блестящего солнца обычно
Иль на девятый восход его светоча жизнь прекращалась.
Если же кто избегал почему-нибудь смертной кончины,
То в изнурении от язв отвратительных, в черном поносе,
Всё же впоследствии он становился добычею смерти.
Часто еще из ноздрей заложенных шла изобильно
Кровь гнилая, причем голова нестерпимо болела:
Таял тогда человек, теряя последние силы.
Если ж спасались и тут от острого кровотечения

Гнойного, всё же болезнь уходила в суставы и жилы,
Даже спускаясь к самым детородным частям человека.
Тяжко иные боясь очутиться у смерти порога,
Жизнь сохраняли себе отсечением члена мужского;
Также встречались порой и такие, что жить продолжали,
Хоть и без рук и без ног, а иные лишались и зренья.
Вот до чего доводил отчаянный страх перед смертью!
И постигало иных такое забвенье событий
Прошлых, что сами себя узнать они были не в силах.
Много хотя на земле, землей не покрытых, валялось
Трупов на трупах тогда, но пернатых и хищников стаи
Всё же иль прядали прочь, убегая от острого смрада,
Или, отведав, тотчас в предсмертных мученьях томились.
Впрочем, в те страшные дни ни из птиц ни одна не решалась
Вовсе туда прилетать, ни свирепые дикие звери
Не покидали лесов. Большинство, от болезни страдая,
Околевало тогда. И верная пёсья порода
Прежде всего издыхала на улицах в тяжких мученьях:
Жизнь исторгалась из тел смертоносною силою мора.
Верных, пригодных для всех одинаково, средств не имелось
То, что давало одним возможность живительный воздух
Полною грудью вдыхать и взирать на небесные выси,
Гибельно было другим и на верную смерть обрекало.
Тут всего больше одно сокрушения было достойно
И тяжело — это то, что как только кто-нибудь видел,
Что он и сам захворал, то, как на смерть уже обреченный,
Падая духом, лежал с глубоким унынием в сердце
И, ожидая конца, он на месте с душой расставался.
Правда, с одних на других, ни на миг не давая покоя,
Шла и валила людей ненасытной болезни зараза,
Как густорунных овец и племя быков круторогих.
Это и делало то, что росла за могилой могила.
Ибо и тот, кто бежал посещения родных заболевших,
Вскоре платился и сам за свою непомерную жадность
К жизни и смерти боязнь злополучной, позорною смертью
Помощи всякой лишен, небрежением общим казнимый.
Тот же, кто помощь своим подавал, погибал от заразы
И от трудов, что нести заставляли и совесть и также
Голос умильный больных, прерываемый жалобным стоном.
Эта кончина была уделом достойных и лучших.
Наспех несли хоронить без проводов множество трупов
И зарывали скорей, как попало, их бранные кости
Не соблюдая совсем благочестных обычаев предков:
Наперебой торопясь с погребеньем родных, где придется,
В изнеможении от слез и печали домой возвращались.
После же добрая часть не вставала с постели от горя.
И не нашелся б никто в это страшное время, кого бы
Не поразила иль смерть, иль болезнь, иль печаль по умершим.

Ни волопас ни пастух уже стад не пасли, да и пахарь
Твердой рукой ни один не работал изогнутым плугом:

Занемогли и они. И, скучившись в хижинах тесных,
Обречены были все на смерть нищетой и болезнью.
На бездыханных сынах бездыханных родителей трупы
Видно бывало порой, а равно и лежащих на трупах
Их матерей и отцов — детей, расстававшихся с жизнью.
Да и немало беды понаделало то, что скопилось
В городе много селян, уходивших с полей, отовсюду
С разных сторон притекавших в него зараженной толпою.
Площади все и дома переполнены были, и, тесно
Скучившись вместе, народ погибал от повального мора.
Много на улице тел валялось: томимые жаждой,
Люди к фонтанам воды подползали и падали тут же,
Ибо дыханье у них ненасытная жажда спирала.
Да и по людным местам и дорогам ты мог бы увидеть
Многое множество тел изможденных людей, полумертвых;
Пакостью смрадною все и рубищем рваным покрыты,
Гибли они от парши — не люди, а кожа да кости:
Гнусные язвы и грязь уже заживо их хоронили.
Капища все, наконец, святые богов бездыханной
Грудю тел переполнила смерть, и завалены всюду
Трупами доверху все небожителей храмы стояли
Там, где пришельцев толпу призывали служители храмов.
Ни почитанье богов ни веления их в это время
Не соблюдались уже: отчаянье всё ниспровергло.
И позабыт был обряд похорон, по которому раньше
В городе этом народ совершал погребенья издревле.
Все трепетали тогда в смятении полном, и каждый
В мрачном унынии своих мертвецов хоронил, как придется.
Спешка и с ней нищета к делам побуждали ужасным:
Так, на чужие костры, для других возведенные трупов,
Единокровных своих возлагали с неистовым криком
И подносили огонь, готовые лучше погибнуть
В кровопролитной борьбе, чем с телами родными расстаться.

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке Royallib.ru](http://Royallib.ru)

[Оставить отзыв о книге](#)

[Все книги автора](#)